

Николай Пушкарёв

**ВЯТКА, МОЯ МАЛАЯ РОДИНА:
деревенька «ПЕТУХИ»**

МОСКВА
2009

ББК 94.3
П 91

П 91 **Пушкарёв, Николай**
ВЯТКА, МОЯ МАЛАЯ РОДИНА: деревенька «ПЕТУХИ». Воспоминания.
— М.: АП «Наука», 2009. — 232 с.

ББК 94.3

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
1. МОЕ ДЕТСТВО	8
2. «ВОЙНА, ВОЙНА!» – КРИЧАЛИ ВЗРОСЛЫЕ	13
3. ПЕРВЫЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС	17
4. ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ, И СМЕРТЬ ПРИШЛА В ДЕРЕВНЮ	22
5. СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА	27
6. НЕСЧАСТЬЕ ПОСТИГНУЛО НАШУ СЕМЬЮ	33
7. ДОРОГА МОЯ ЛЕЖИТ НА КАВКАЗ	38
8. БУДНИ АБИТУРИЕНТОВ МОРЕХОДНОГО УЧИЛИЩА	44
9. МЫ – КУРСАНТЫ МОРЕХОДНОГО УЧИЛИЩА	50
10. МОРЕХОДКА: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ	55
11. ПРАКТИКА КУРСАНТОВ В МАСТЕРСКИХ МОРЕХОДНОГО УЧИЛИЩАХ	60
12. ПЕРВЫЕ КУРСАНТСКИЕ КАНИКУЛЫ	64
13. ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОРЕХОДКУ	69
14. ПРОГУЛКА КУРСАНТОВ ПО ГОРОДУ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯМ	74
15. СПОРТ В КУРСАНТСКОЙ ЖИЗНИ	79
16. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУРСАНТОВ И ТАНЦЕВАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРА	83
17. ДОСУГ КУРСАНТОВ	90
18. КУРСАНТСКАЯ ЖИЗНЬ ДЕНЬ ЗА ДНЕМ	96
19. ПЕРВОЕ МОРСКОЕ ПЛАВАНИЕ	102
20. МОРСКАЯ ПРАКТИКА НА СУДАХ ЗАГРАНПЛАВАНИЯ	108
21. ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ОБУЧЕНИЯ	114

22. КУРСАНТЫ ОТПРАВЛЯЮТСЯ НА ВОЕННЫЕ СБОРЫ	121
23. НА БОРТУ ТАНКЕРА «ИОСИФ СТАЛИН»	128
24. «ПТЕНЦЫ» ВЫЛЕТАЮТ ИЗ РОДНЫХ ПЕНАТ	131
25. МОТОРИСТОМ ПЛАВДОКА – ТАК ГЛАСИЛ ПРИКАЗ ОТДЕЛА КАДРОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА	137
26. МОРСКАЯ СЛУЖБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ	145
27. СУДЬБА ИГРАЕТ ЧЕЛОВЕКОМ, А ЧЕЛОВЕК – СУДЬБОЙ	153
28. НАЧАЛЬНИК СЕКТОРА ПОДСИСТЕМЫ «КАДРЫ» «АСУ-МОРФЛОТ»	158
29. ПОВТОРНАЯ ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ НА ЭКСПЕРТНОМ СОВЕТЕ ВАК ПРИ СОВМИНЕ СССР	170
30. МОЯ СТАРШАЯ СЕСТРА МАРИЯ	177
31. МОЯ СРЕДНЯЯ СЕСТРА ТАИСИЯ	182
32. МОЙ СРЕДНИЙ БРАТ СЕРГЕЙ	186
33. МОЯ СЕСТРА-ДВОЙНЯШКА ЕЛЕНА	190
34. СЫНОВЬЯ И ДОЧЕРИ МОИХ СЕСТЕР	196
35. О СЫНЕ И ДОЧЕРИ МОЕГО СРЕДНЕГО БРАТА	199
36. ДОЧКА МОЕЙ СЕСТРЫ ЕЛЕНА	205
37. СЫН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ	209
38. МОЙ ВНУК ВАЛЕРИЙ	214
38. ДВОЮРОДНЫЕ ДЯДИ И ТЕТИ	218
40. ВЕЛИЧИЕ И ПАДЕНИЕ МОЕЙ МАЛОЙ РОДИНЫ	222
ПОСЛЕСЛОВИЕ	230

ОБРАЩЕНИЕ
к Губернатору Вятского края
Никите Белых

Глубокоуважаемый Никита Белых,

Разрешите мне, по случаю Вашего избрания губернатором Вятского края поздравить Вас с назначением на должность и пожелать успехов в столь не легком деле по выводу Вятской губернии из достаточно плачевного состояния. Хочется верить, что Вы с честью оправдаете доверие вятского народа и Президента России.

Мы же вятичи-москвичи в лице Ассоциации «Вятское землячество» готовы оказать Вам поддержку, среди них – генерал-майор СВР Грездов С.Н., полковник СКФ Пушкарев Н.Н., полковник РВСН Балыбердин В.А., профессор МАИ Гостюхин В.Л., врач Центральной поликлиники Администрации при Президенте РФ Охотников Е.А., полковник КГБ СССР (коллега В.В. Путина по внешней разведке в ФРГ) Микрюков В.П., космонавт Савиных В.П., актриса Варлей Н.В., Министр юстиции СССР Юшиков Г.М. и многие другие неравнодушные к своей малой Родине – Вятке, её краю и их землякам.

Желаю Вам крепкого здоровья и успехов на благородном поприще.

С уважением,

*Почётный гражданин Зуевского района Вятского края,
Ректор Академии национальной безопасности, обороны и правопорядка,
генерал-лейтенант СКФ, Президент ассоциации «Вятское
землячество» в Москве, Президент Международного фонда «Русская
соборность», член докторского Совета Московского государственного
университета нефти и газа им. Губкина,
профессор, доктор экономических наук, действительный член
Международной академии информатизации*

Н.Ф. Пушкарев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель, в книге нашего с Вами земляка Пушкирева Николая Федосеевича, родившегося в деревне Петухи, Косщевского сельского Совета, Зуевского района, Кировской (Вятской) области, каждый из Вас найдёт много полезного и интересного о его жизни, его делах, успехах, любви к отечеству, глубокой привязанности к его малой Родине – Вятке.

Вся его жизнь – это служение Великой Родине – Советскому Союзу, а в последствии России. Он многого добился в своей жизни. Удивляет и, многих нас восхищает его упорство, как в учёбе, так и в достижении поставленных целей. Но на протяжении всей жизни он любит и почитает свой родной Вятский край и особенно небольшой наш провинциальный городок – Зуевку.

Каждый юный читатель, внимательно прочитавший воспоминания, узнает о жизни прошлых лет его автора: о его детстве, отрочестве, юности, о его взрослой жизни, которая началась у него достаточно рано.

Ежегодно, приезжая в гости в Зуевку, как правило, летом. Николай Федосеевич навещает своих родных и друзей. Не забывает он посетить и могилы своих близких. А живёт он в это время в уединённом домике, в сосновом бору, на берегу реки Чепцы. Рядом находится оздоровительный лагерь (пос. Косино) и ребята часто бегают к московскому профессору, слушают его рассказы о жизни морской, о путешествиях в разные страны мира, о земляках, которых встречал, как по всей Великой России, так и зарубежных странах.

Все вятичи, по его словам, упорны в учёбе, работе, обладают чувством юмора, ценят настоящую дружбу и проявляют отвагу в сложных ситуациях где и куда бы не забросила их судь-

ба. У каждого вятского в крови чувство что Вятка – «пупок» земли Русской. Даже орды Чингисхана и татаро-монгольского ига не могли сломить русский народ, живущий в таёжном вятском краю.

В те далёкие века воины Чингисхана не смогли завоевать Вятку. С юга их лошади не могли пройти через болота, а с Севера – таёжные чащобы, а главное отважных и стойких воинов русских. И Чингисхан оставил раз и навсегда мечту захватить Вятский край.

Об авторе книги можно много говорить и писать, но, полагаю, читатель сам все узнает из книги и мысленно пройдёт вместе с ним всю многогранную и успешную судьбу нашего с Вами современника и земляка.

За его успехи, его судьбу, его любовь и преданность к Вятке и Зуевскому району решением Зуевской районной Думы Николаю Федосеевичу Пушкиреву было присвоено звание Почётного гражданина Зуевского района и выдан соответствующий документ.

*Глава Зуевского района
А.М. Кутергин*

1. МОЕ ДЕТСТВО

Осознание того, что я живу на белом свете, пришло ко мне в три-четыре года. Хорошо помню: шел дождь, гремел гром, и ярко сияла молния; мне было очень страшно, а мать и отец успокаивали, говорили, что это Богушка раскатывает по небу на большой телеге. Родители крестились перед иконой и о чем-то тихо долго шептались. Когда же взрослые уходили работать в поле или огород, и вновь начиналась гроза, мы с сестренкой Леной залезали в угол под скамейку и боялись даже выглянуть. Сидели молча с закрытыми глазами и ждали, когда прекратится ненастье. Помню, когда Лена не могла забраться на скамейку или стул, я ее подсаживал. Мы с ней были двойняшками и всегда старались помогать друг другу.

Наши родители, старшие братья и сестры работали с утра до вечера в любую погоду. Такова была деревенская жизнь: каждый, кто мог, то ли работал в поле, то ли управлялся на скотном дворе, то ли рубил дрова в лесу.

Деревенька, где мы жили, была окружена лесом, наполненным небольшими речушками, прудиками, бьющими из-под земли холодными ключами. Она насчитывала не менее пятидесяти домов, в которых многочисленные семьи вели свое хозяйство, держали скотину — корову, овец, коз, поросят, кур и кроликов. Живность оценивалась как своеобразное богатство. Поскольку каждая семья имела не меньше пяти-шести детишек, жителей деревни насчитывалось до трехсот человек.

Первое, что я хорошо запомнил из детства, — это родной дом, два окна которого выходили на деревенскую улицу, а третье — в огород. В центре дома стояла большая русская печь, рядом — подпол с глубокой ямой. Тут же деревянный стол с ладно сколоченными скамейками. В левом углу, под потолком, висела

икона Христа-Спасителя, а под ней скромно горела лампадка. Отец мой был богомольным человеком, он часто подходил к иконе, крестился, читая про себя молитвы и низко кланяясь.

Жили мы очень бедно, как и все в деревне. В доме, огороде, на дворе — везде бегали босые. Обуви не было практически никакой. Не было и приличной одежды. Младшие дети донашивали вещи старших братьев и сестер. Никто не требовал от родителей обновок. Жили тем, что было в доме, и ни на что не рассчитывали.

В памяти неизгладимо запечатлелась картинка детства: на столе расставлены глиняные тарелки, лежат деревянные ложки и нарезанный толстыми ломтями ржаной хлеб. И над всем этим богатством кружится и жужжит рой мух. Их столько, что как-то отгонять или бороться с ними было невозможно. Мухи были везде — и в доме, и в чуланах, и на улице. Так мы и жили вместе с мухами.

Радости у детворы, было очень много: до одури бегали по деревенской улице, забирались на вершины деревьев, залезали на чердаки домов, на деревьях разглядывали гнезда ворон, галок, грачей. Но особенно нас, мальчишек, интересовали голуби, которые почему-то жили только в одном из домов. Любили на лесных просеках сидеть на пеньках и греться на солнышке, с удовольствием собирали землянику, чернику, бруснику, костянику, радовались, когда удавалось напасть на кусты малины. Полакомившись ягодами, домой возвращались сытыми. Жили мы как-то безмятежно, ни о чем не думали и не мечтали.

Так шли дни и ночи, а мы медленно, но уверенно подрастали. У нас появлялись дополнительные обязанности: кто запасал траву для кроликов, кто собирал и сохранял в прохладном погребе куриные яйца, кто приносил ключевой воды, а кто ворошил сено. Всю работу дети и подростки делали с полной отдачей, считая ее своим семейным долгом. Никто не спорил с родителями, не пытался отказаться от поручений.

Дети постарше обязаны были на пастбище, вместе с нанятым деревней пастухом, пасти рогатый скот. Следили, чтобы коровы не забрели в топкие места, не давали разбежаться овцам, козам и телятам по чужим полям.

В свободное время мы, ребяташки, в тихих речных заводях любили удить рыбу. Нам было радостно, когда на обычного дождевого червя ловились окуньки, ёршики, шаклейки и, конечно же, пескари. Домой часто приходили с хорошим уловом рыбы. Для семьи это был подарок, поэтому о рыбаке говорили, как о еще одном кормильце.

Замечательным увлечением деревенских ребяташек был сбор грибов. В корзинку попадали белые, грузди, маслята, рыжики, свинушки, подосиновики. Каким-то природным чутьем находили мы их на косогорах, под кустами, рядом с пеньками. В хороший сезон удавалось набирать до нескольких корзин! Затем грибы приводили в порядок, нарезали и сушили на солнце. Грузди и рыжики чаще всего солили, закрывали в стеклянные банки и хранили до зимы в погребах. В морозы же родители часто варили нам грибной суп или так называемую «жореху» – вареную картошку, перемешанную с грибами и сдобренную маслом. Того, кто в дом приносил ягоды, грибы, рыбу и другие вкусности, всегда восхваляли. И такое отношение взрослых для нас, детей, было значительным стимулом.

Зима в Вятскую глубинку приходила неожиданно, с метелями и буранами. В сорокаградусные морозы деревня практически вымирала, все сидели дома и коротали время за длинными разговорами о жите-бытье, мечтами о будущем. В такие дни мы с сестренкой Леной обычно залезали на полати, а потом перебирались на печку и накрывались овчинными шубами. В русской печке весело потрескивали дрова, и угольки временами выпадали на пол. В доме не было ни простыней, ни пододеяльников, ни подушек, ни наволочек. Наши односельчане и в глаза не видели белого постельного белья. Не было в

доме электричества, не было радио, ничего не было. Но к этому не было и никакого стремления, спроса, желания. Стол, скамьи, стулья, глиняные блюда и горшки, деревянные ложки, чугузки – вот и весь деревенский скарб. Разговоры заканчивались глубоко за полночь, и соседи из ближних дворов расходились по домам.

С морозами в доме появлялась домашняя живность: куры, кролики, ягнята, козлята, поросята, телята. И детям порой поручали за нею ухаживать. Мы чувствовали ответственность за братьев наших меньших и старались, как могли. Так и жили все вместе, согревая друг друга теплом и лаской.

Дети с большим нетерпением ожидали окончания зимы, хотя и она была для нас замечательным временем. Так, например, когда крепчали морозы, мы находили крутые склоны и с помощью старших братьев и сестер, соседей делали ледяные горки. Знаете ли вы, что такое вятские горки? С утра склон заливали водой с растворенным в ней коровьим пометом и ждали, когда смесь застынет. Катаясь с такой ледяной горы, нам удавалось развивать большие скорости, что доставляло всем огромное удовольствие.

В холода, чтобы выйти на улицу, нужно было основательно одеться. Мы влезали в старые отцовские ватные штаны и натягивали стеганные армейские фуфайки. Накручивали портянки и всовывали ноги в лапти. Сверху надевали доставшиеся нам от старших полушубки и, подпоясав их веревками, в завершение наряда укутывали себя вытертыми шерстяными шалями. Вот такими «сбитнями» мы влезали на четвереньках на горку и на «пятой точке» со скоростью звука летели вниз, прямо в сугроб. Это было неопишное удовольствие! Так дети от трех до девяти лет могли кататься от восхода до заката солнца. Домой приходили разгоряченными, веселыми и всегда голодными. Нам наливали пару стаканов парного молока, а к ним

— полкраюхи ржаного хлеба. Насытившись, мы крепко засыпали, и снились нам снега, бураны, дикие звери и всякие небылицы.

Зима уступала место весне. Ярче светило солнышко, таяли снега, текли ручейки, появлялись проталинки, кое-где начинала пробиваться зеленая травка. Из окон мы наблюдали всю эту красоту, и в головы сами собой приходили радостные мысли и какие-то неопишуемые желания видеть, знать и ощущать все новое, непредвиденное...

На деревенской улице собирались все, кто мог ходить, и у кого была хоть какая-то одежда. Некоторые сидели на подоконниках, наслаждаясь весенним солнцем, кто-то выходил и садился на завалинку возле дома. Рядом с людьми устраивались и домашние питомцы, на разные голоса приветствуя наступление тепла.

Когда на вятскую землю прилетали скворцы и грачи, мы мастерили для них скворечники, которые закрепляли на высоких деревьях или на крышах своих домов с помощью шестов. В ответ на доброту скворцы дарили нам свои замечательные трели. Грачи же, как правило, строго и гордо вышагивали по пашне, выискивая себе корм. Чаще всего они слетались целыми стаями и следовали за пахарями.

Землю в деревне пахали на лошадях, которые не спеша тащили пахотный плуг. Им, как правило, попеременно управляли пахари — еледвигающийся дедушка и совсем юный мальчишка лет девяти-одиннадцати. Поле засевали пшеницей, овсом, ячменем и другими злаками.

На смену весеннему половодью и пахоте приходило лето, пора работная и счастливая.

2. «ВОЙНА, ВОЙНА!» – КРИЧАЛИ ВЗРОСЛЫЕ

И вот мы, трёх-пяти летние дети, прослышали, что какая-то немчура напала на землю русскую. То тут, то там восклицали, что нелюди-фашисты хотят захватить нашу землю, а русских людей угнать в рабство.

Мы не совсем понимали, что происходит, но какое-то чувство тревоги нас не покидало. В каждой семье, в каждом доме только и шли разговоры о войне. Весть эту в деревню принес почтальон, ведь телефона и радио у нас не было. Он был единственный, кто мог нам что-то сообщить. Деревня бурлила: старики, взрослые, молодежь возмущались немчурой; на завалинках возле домов стали появляться мужчины в своей старой армейской форме, которую доставали из сундуков. Они участвовали в первой мировой войне с немцами и готовы были сейчас же пойти на фронт бить немчуру. Героически выглядели наши деды, которые поднимали настроение всех деревенских детей, особенно юношей и мальчишек. И что характерно, никто не впадал в уныние, каждый из нас, в любом возрасте, готов был встать на защиту своего Отечества. В удивительное время мы жили тогда — у народа деревенского был такой патриотизм, что каждый, кто мог и не мог держать оружие, был готов пожертвовать собой ради спасения земли русской. Даже мы, мальчишки, строили планы, каким образом попасть на фронт, чтобы бить эту проклятую немчуру. Наши чувства были безграничны, мы ложились спать и вставали утром с одной мыслью — отправиться на войну. Часами слушали разговоры бывалых солдат, сражавшихся на различных войнах, и как-то по-особому им завидовали. И грустили лишь потому, что мы были еще маленькими, боялись, что на войну нас не возьмут, хотя каждый мечтал воевать и стать героем. Старшие нам показывали армейские кители, на которых были прикреплены ордена и медали. Особенно

нам нравились Георгиевские кресты. Как нам говорили, ими награждали самых отважных воинов Русской Армии.

Вскоре поутру, еще до восхода солнца, в деревню пришел из ближайшего сельского совета почтальон и разнес почти по всем пятидесяти домам повестки о призыве в Красную Армию. В повестке указывались дата и час прибытия на сборный пункт, а также говорилось, о необходимости быть одетым и иметь себе провиант на несколько дней. На сборы отводилось ровно три дня.

Деревня оцепенела. Никто не кричал, не плакал, собаки не лаяли и, кажется, даже куры не кудахтали, а петухи не пели. Вся деревня с бойким названием «Петухи» погрузилась в тишину. Мужики и взрослые парни, которым исполнилось восемнадцать лет, стали спешно собирать свои вещевые мешки (по-деревенски это были обычные, на скорую руку сшитые котомки). Каждый запасся вареной картошкой, луком, чесноком, положил несколько краюшек хлеба и пару десятков сваренных вкрутую яиц, по возможности, бутылки с молоком, квасом и, конечно же, с самогоном.

Сборы были тихие, семейные. Главное – никто не плакал, не рыдал. Женщины мужественно собирали своих мужей и сыновей в дальнюю дорогу..

И вот настал день, когда на деревенской улице, практически у каждого дома, появились подводы (телеги, запряженные лошадьми). На них восседали ямщики – мальчишки 12–14 лет или, что чаще, седые, бородатые и очень строгие деды с кнутами в руках. На телеги молча садились отцы семейства и их сыновья, иногда даже до пяти-шести человек. Все подводы вместе с допризывниками собрались на деревенской площади, которая находилась посередине деревни, возле пожарной вышки.

И вдруг, только появился гармонист в русской рубашке-косоворотке, опоясанной кушаком с незатейливыми листочками, и растянул меха, вся деревня пошла в пляс – кто в башмаках, кто в сапогах, а большинство в лаптях. Только пыль

столбом поднималась, когда мужики и молодые парни, может быть в последний раз, отплясывали на своей Родине, земле русской, среди своих деревенских дедушек, бабушек и молодых красивых девушек. Отбивали такты под гармошку все, кто мог стоять и ходить. И этот всеобщий танец не был похож на какой-либо другой, он проявлял тревожное чувство людей перед неизвестностью. Так продолжалось несколько часов подряд, пока не раздалась чья-то зычная команда: «Занять места на подводах и двинуться вперед!».

Вот тут все и началось. Деревня разом тяжело вздохнула, а потом иступленно завывала, зарыдала. Жены, матери повисли на шеях своих мужей и сыновей, не желая расставаться. Их с трудом оттаскивали те, кто не шел воевать. Эти полные трагизма минуты у нас, мальчишек военных лет, не сотрутся из памяти никогда. До сих пор перед глазами стоят почти три сотни мужиков, в сапогах, в лаптях, в обмотках и горько рыдают, прощаясь со своими близкими и любимыми.

Мобилизованные сели на телеги, и под гиканье ямщиков лошади галопом понеслись за околицу. Только топот копыт, скрип несмазанных дегтем колес, да грустные песни мужиков и парней еще долго доносились до молчаливой людской толпы, стоящей у окраины деревни. Каждый переживал несчастье по-своему: кто-то пытался бежать за телегами, кто-то падал, рыдая, кто-то махал платком, задумчиво глядя вдаль, а кто-то просто громко и смачно ругался по-русски, не стесняясь присутствующих.

Беда объединила жителей деревни, осиротели в одночасье дети, матери, невесты. Вместе с мужиками и парнями ушла из Петухов и обычная жизнь. Тихо стало вокруг: люди молча ходили на работу и молча возвращались, молча сидели на завалинках возле домов и молча плакали о своих родных и близких.

В ту пору еще не осознавали наши люди, что многие и многие не вернутся с этой многолетней кровавой войны, войны не на жизнь и на смерть.

Русские воины, воспитанные многовековыми традициями, не щадили себя и шли на врага, поднимаясь во весь рост, жертвуя во имя спасения своей семьи и своей Родины собственными жизнями.

О героизме своих отцов, братьев и сыновей в деревне узнали несколько месяцев спустя, когда стали приходиться похоронок. Это были первые сигналы о горе общегосударственного масштаба. В дома, где оплакивали погибших, спешили соседи, чтобы посочувствовать, поплакать вместе, разделить горе ближних. А вскоре небольшие листки бумаги со стандартными словами «Ваш муж (сын) погиб смертью храбрых, защищая свою Родину» стали неотъемлемой частью жизни всех односельчан. Зброшенная на вятских просторах заштатная деревенька Петухи погрузилась в бесконечный траур по любимым и дорогим людям, которым уже не суждено было вернуться домой.

Насколько помню, шел 1942 год, когда в наш дом постучал почтальон и оторопевшей маме вручил «треугольник» с фронта. В нем сообщалось, что «Ваш сын Алексей Федосеевич Пушкарев в боях под деревней Рябиновка пропал без вести». Слезы матери и взрослых сестер заставили вздрогнуть весь дом. Описать наше состояние тогда крайне сложно, скажу лишь, что где-то глубоко в душе каждый себя утешал мыслью, что может быть он жив еще, найдется... Однако чуда не произошло – не нашлся Алексей и спустя вот уже более 65 лет после окончания Великой Отечественной войны.

С войной пришли и сложные проблемы. Жители деревни обязаны были поставлять на фронт продукты: масло, яйца, молоко, зерно, мясо и многое другое. И каждый дом, каждая

семья выполняла требование военного положения. На фронт отправляли почти все, что производили, поэтому вскоре в деревне люди стали падать в голодные обмороки. Появились нищие с сумами за плечами и стали собирать милостыню. В это ремесло в первую очередь включались маленькие дети. Я помню, как мы ходили по округе и просили у сельчан чего-нибудь съестного. Иногда нам подавали кто яичко, кто картофелину, кто кусок хлеба или сухарик.

Многие ели один раз в день, чаще всего грызли сухари, иногда редьку и вареную картошку. Дети на глазах худели, некоторые даже умирали от голода. Умирали и пожилые люди. Для них сколачивали гробы из неотесанных досок и везли на ближайшее кладбище.

Деревня жила в каком-то оцепенении, ее обитатели не роптали, не злобились, лишь молча, но с глубокой раной внутри воспринимали все происходящее вокруг.

Только спустя годы, десятилетия я понял, что это были терпение и воля русского народа. Все муки он принимал как исходящее от Господа Бога, как Господнее наказание и немцев считал исчадием ада, которое нужно непременно пережить.

3. ПЕРВЫЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС

Война войной, но жизнь брала свое. Те, кому исполнилось семь лет, пошли в школу. Шел в ту пору 1944-й год. Школа была необычной, располагалась она в недостроенном доме одной из женщин на краю деревни. Звали ее Афониха – это прозвище она получила от имени мужа Афони, т.е. Афанасия. Во всех русских деревнях, а в вятских особенно, замужних женщин чаще всего называли по именам их мужей. Были нашими

соседями Петруниха (муж Петр), хотя ее звали Дарья, Егориха (муж Егор) — ее имени я, к сожалению, уже не помню. Особенно такие имена прижились после гибели их мужей на войне. Не вернулись с фронта и муж и сыновья Афонихи.

Итак, мы — первоклашки начали осваивать русскую грамоту, арифметику, историю и другие предметы.

В одном классе вместе с нами сидели второклашки и третьеклашки. И была одна на всех учительница — красивая русская, достаточно молодая женщина — Любовь Петровна Семушина. Она была родом из соседней деревни, но замуж вышла за нашего соседа. Любовь Петровна носила очень длинную и толстую косу, которую она укладывала вокруг головы, что еще больше подчеркивало ее красивое, круглое, всегда румяное лицо. Говорила она тихо, но уверенно, подробно объясняя нам все предметы, которые мы изучали. Удивительно, но наша учительница каким-то образом умудрялась проводить уроки сразу с тремя классами. У каждого класса была своя программа, поэтому Любовь Петровна по очереди проводила беседы, одним давала задания по арифметике, а другим — по чтению или письму.

Детская память сохранила подробности обучения в первых трех классах. Помню, например, что тетради нам заменяли поля и междустрочия газет. Не было ручек и чернил, поэтому буквы и знаки мы старательно выводили огрызками карандашей. А если ручки появлялись, писали ими по очереди, бережно передавая из рук в руки. Конечно, не было и учебников, весь материал запоминали со слов учительницы, который затем ей пересказывали. Нередко в пересказ мы добавляли что-то свое, правда, в несколько отвлеченном от реального содержания виде.

На недостаток школьных принадлежностей никто не роптал, мы и не знали, что ручки, тетради и учебники должны быть у каждого и считали это все нормальным явлением. Лю-

бовь Петровна была нашим кумиром, поэтому мы беспрекословно выполняли все, что она нам говорила. Детям очень нравилась ее красивая и нарядная одежда. Учительница всегда надевала скромную, но элегантную кофточку, юбочку и туфли. У нас же кроме отцовских сильно поношенных рубашек и залатанных штанов ничего не было, некоторые даже трусов не носили. Практически все мы были босыми и, сидя на скамейках, болтали ногами в разные стороны.

Сказка С. Аксакова «Аленький цветочек» стала первой книжкой, которую мы прочитали. Она же была и единственной. Именно по ней мы изучали русский алфавит и учились складывать слоги в слова. Эту книжечку каждый из нас по очереди прочитал по несколько раз. Сейчас это кажется странным, но именно таким образом мы, первоклашки, осваивали азы грамоты.

Многого мы не знали, но имели огромное желание учиться. Именно поэтому для нас, малышей, каждое слово учительницы было новым, весомым и сомнению не подлежало. В классе всегда было тихо, если и говорили, то только шепотом. Муха пролетит, и то было слышно. Вообще деревенские дети были очень искренними и дисциплинированными. Дома никто не проверял, как мы готовили домашние задания, как усваивали уроки. К сожалению, родители большинства школьников сами были неграмотными и поэтому помочь своим детям не могли. Лично наш с сестренкой Леной отец — Федос Савельевич не знал даже алфавита и не мог расписываться на каких-либо документах. Он всегда вместо подписи ставил обычный крестик. Наша мама знала буквы, но читать практически не могла.

Зимой в классе было холодно, поскольку дом не отапливался. Правда иногда топили буржуйку, которая сильно накалялась, и жар от нее исходил невероятный. При этом в избе все равно было прохладно. Когда на дворе стояли сорокоградусные морозы, мы все, и мальчики, и девочки, сидели за парта-

ми в фуфайках и ватных штанах. На ногах были портянки и, конечно же, лапти. Съежившись от холода, дую на замерзшие ручки и согревая дыханием чернильницу, мы писали диктанты или сочинения. Никто из нас не жаловался на неудобства. Нам и в голову не приходило, что учеба может быть по-другому организована. Мы были рады уже тому, что имеем возможность получать знания.

Когда заканчивались занятия в школе, мы бежали по домам. Там тоже не всегда было уютно, а чаще всего даже холодно. Почти круглые сутки топили дровами русские печи или печи-буржуйки, которые стояли ближе к входной двери дома.

Снега были такие, что иногда по утрам даже не было видно дневного света. Снег засыпал окна, двери и добирался до крыши. А дома, которые располагались в низинах, и вовсе невозможно было разглядеть. Вот только дымок, струившийся вверх из-под крыши, напоминал о том, что здесь живут люди.

Интересное было время, суровое, морозное, но по-своему доброе и примечательное. Местные люди и сегодня рассуждают о том, что те, кто был рожден в вятской глубинке и выжил, знают цену жизни и непременно добиваются своих целей трудом, упорством и желанием все знать и уметь. В народе же о себе говорят так: «Мы ребята вятские, парни хваткие, и семеро одного не боимся, а если один на один, то и котомку (кошель) отдадим».

Так мы жили, учились, выросли. И вот однажды по деревне пронесся отчаянно радостный крик: «Война окончилась, немчуру разбили!». Описать радость и счастье, охватившее наших односельчан, невозможно. У всех светились глаза от слез, каждый выказывал свои чувства как умел. Вновь из своих домов выходили старики-ветераны, одетые в мундиры царских времен с орденами и медалями. Но теперь их лица излучали гордость за победу русского народа над немчурой. Старые сол-

даты фашистов почему-то называли немчурой, а не как-то иначе. Немчура и все тут.

Вся деревня с нетерпением ожидала возвращения с фронта родных и близких людей. Многие верили, что похоронки могли прийти по ошибке, мало ли, что бывает на войне. Однако проходили месяцы, завершился еще один год, но в деревню так никто и не возвращался. В газетах сообщалось, что объявлена война Японии, поэтому советских солдат с германского фронта в срочном порядке перебросили на Дальний Восток. И это было правдой, целыми эшелонами фронтовиков-победителей отправляли на борьбу с милитаристской Японией. Так, по крайней мере, нам говорили очевидцы.

И вновь деревенский люд жил надеждой на скорую победу в войне теперь уже с японскими самураями и встречу со своими любимыми.

Вскоре объявили о капитуляции Японии. А еще спустя какое-то время на окраине нашей деревеньки появилась одинокая фигура солдата. За плечами он нес армейский вещмешок, в руке была палка. Шел солдат медленно и сильно хромал. Весь люд сбежался встречать фронтовика. Им оказался сосед Дмитрий. Он потерял в бою ногу, и на ее месте теперь был деревянный костыль. Оттого и ковылял дядя Дмитрий семь километров от ближайшей железнодорожной станции «Рехино» до своей деревни Петухи. Со слезами радости односельчане встретили солдата – воина и героя. Однако это был чуть ли не единственный случай счастливой встречи фронтовика. В деревню долго еще шли похоронки на родных и близких. Мало кто вернулся из боя. Наша небольшая вятская деревня недосчиталась почти 300 человек. Все они погибли героями.

Время шло, и вот уже мы закончили третий класс, нам исполнилось по десять лет. По деревенским обычаям в этом возрасте мальчишки и девчонки считались уже взрослыми.

Наш долг состоял в том, чтобы помогать по хозяйству дома, а также участвовать в колхозных работах. Каждому находилась работа по плечу. Одни ребята участвовали в обмолоте зерна, другие были ездовыми, третьи вывозили на поля навоз. За такую работу руководство колхоза начисляло трудодни, за которые после уборки урожая расплачивалось с нами зерном, овощами и другими продуктами. Мы были очень рады чувствовать себя полноправными работниками.

И спрос с нас был таким же, как с взрослых, и работали мы по совести, не прячась за чужие спины, не унывая от непосильного труда. Не то было воспитание. А оно генетически с кровью передавалось от отца к сыну и внуку. Это правда. Народ в Вятке всегда был работающий, знающий цену куску хлеба. Наверное, именно такая трудовая закалка, передаваемая из поколения в поколение, и формировала у русского народа выносливость, мужество, смекалку, находчивость.

4. ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ, И СМЕРТЬ ПРИШЛА В ДЕРЕВНЮ

Трудно вспоминать, а еще труднее писать о том, что произошло в нашей деревне и стране в целом в 1946-1947 годах. Пришла беда, которую никто не ждал и о которой никто не ведал. Случилось так, что в эти два года повсеместно был неурожай. Наша деревня не собрала даже того, что могло бы хватить на житье-бытье. А что и собрали, то вынуждены были отдать государству в качестве налога. И как результат — в деревне случился голод. В домах не было ни хлеба, ни зерна, ни картошки. Пришлось забить скотину, потому что ее нечем было кормить.

В стране действовала жесткая плановая система ведения хозяйства. Все крестьяне обязаны были выплачивать государству сельскохозяйственный налог, несмотря на то, что им самим приходилось выживать лишь за счет своих приусадебных хозяйств. Если у деревенского жителя не было средств расплатиться, ему грозил крупный денежный штраф, конфискация скота или имущества. В домашних архивах до сих пор сохранились документы о предоставлении государству стольких-то литров молока, килограммов зерна, мяса и т.д. Никого не интересовало, что людям нечем платить, что в доме голодные дети и умирающие от постоянного недоедания старики.

Колхозники были, по сути, крепостными, как при помещичьем хозяйстве. Все родившиеся в колхозе должны жить и работать только в нем и нигде больше. Это «право» регулировалось единственным законом — колхозник не имел и не мог иметь паспорта. Таким образом, даже новорожденные дети насильственно закреплялись за теми колхозами, в которых работали их родители. Сельских жителей не брали на работу в городах, они не имели права сменить местожительство или поступить работать на государственное предприятие. На этих жестких, можно сказать жестоких законах держалась вся Советская власть в сельском хозяйстве.

Однако хочу вернуться к голоду, охватившему практически каждый дом, каждую семью, каждого человека в нашей деревеньке. Вот она, Божья кара! Только что закончилась война. Не успели односельчане оплакать не вернувшихся с фронта отцов и старших братьев, а в деревне опять слезы, горе и безысходность.

Моя детская память сохранила много эпизодов тех жестоких лет, когда голод косил и малых и старших.

Поля были убраны, хлеба обмолочены и сданы государству. На складах — пусто, даже в амбарах, где всегда держали зерно, ворота были распахнуты — хранить было нечего.

Собирать колоски в поле, даже после уборки урожая, не разрешалось под страхом ареста. Пусть лучше сгниют, пусть лучше склюют птицы?! Однако нарушая все запреты, мы, дети, по ночам ползали по жниве и умудрялись таки приносить домой уцелевшие колоски. Потом мы их сушили на печи, руками выделяли зерна и из них варили суп или кашу. Прямо из зерен пшеницы, ржи, овса или ячменя готовили себе похлебку! Ведь в домах не было хлеба, не говоря уже о молоке или мясе. Голод становился все страшнее, изменяя людей до неузнаваемости. Взгляды односельчан стали грустными, глаза и щеки — впалыми, зубы и волосы нещадно редели. Люди становились словно тени — худые, изможденные, замкнутые.

Все, от мала до велика, ходили на поле, в лес, к реке и собирали все, что можно было есть, — крапиву, листья которой насаживали на нити, сушили на чердаках, а потом варили из них щи, лебеду, размалывая которую пекли лепешки. О вкусе не имело смысла говорить. Главное, чтобы хоть что-то оказалось в желудке.

Маленькие детки трех лет и немного старше тоже добывали себе пропитание, нередко вырывая из земли корешки или срывая с кустов плоды неизвестных им растений и тут же их поедая. Случалось, что от съеденного малыши распухали, и уже не имея сил добрести до своего дома тут же, в борозде или на просеке, умирали.

Это сейчас по прошествии стольких лет видишь трагедию деревни и ее жителей, а тогда такая картина была обычным явлением. Хоронили умерших на ближайшем кладбище также тихо, как они умирали. Мир словно погрузился во тьму, кругом царило безразличие. Не было громких разговоров, споров... Люди тихо умирали и их отвозили, а чаще всего на руках или волоком относили на кладбище. Ни памятников, ни крестов им не ставили. У родных и близких не было сил ни плакать, ни

рыдать. Над могилой они молча стояли и крестились. А потом на ближайшем кладбищенском дереве делали зарубку или вырезали имя умершего.

Никто не регистрировал фактов смерти, поэтому точно сказать, сколько их, безвременно ушедших из жизни в 1946-1947 годах, до сих пор невозможно. Это был тоже фронт, но фронт тихий, молчаливый, хотя и не менее страшный.

Жестокий каток войны по вятским деревням прошелся дважды. Если война забрала здоровых мужчин и совсем еще молодых парней, то голод унес всех немощных и многих малолетних детишек. С 1941 по 1948 год русская деревня практически обезлюдела. Очень многие в эти годы ушли из земного мира в мир иной, неведомый. Не избежала многочисленных людских потерь и наша деревенька Петухи.

Зима сменялась весной, весна — летом. Несколько легче переживали крестьяне летние месяцы. На работу в поле с косами, вилами, мотыгами выходили все — и стар, и млад; в основном это были пожилые женщины, потерявшие своих мужей, и молодые девушки, не дождавшиеся своих женихов с войны. Жизнь продолжалась. Изредка то там, то тут раздавался смех, а иногда и песни, но очень печальные и какие-то особенно грустные...

В деревеньке нашей воцарилось женское начало. Женщины были и бригадирами, и счетоводами, и грузчиками, и ездовыми, и пахарями, и рыбаками, и даже лесорубами. На девичьи плечи упал весь груз ответственности за малолетних братьев и сестер. Но они не роптали, а терпеливо растили и убирали хлеб, сдавали его государству и по-прежнему надеялись на чудо.

В те суровые годы на деревню обрушилась еще одна напасть. В округе стали появляться стаи злых и хищных волков. Это война с западных областей погнала их вглубь России. Го-

лодные хищники активно нападали на стада коров, овец, табуны лошадей и десятками в одночасье уничтожали их.

Моя детская память сохранила сцену нападения волков на лошадей, которые паслись на лугу около реки недалеко от деревни. Вот серый голодный зверь гонит табун, и животные в испуге разбегаются во все стороны. Хищник выбирает себе в жертву молодого жеребенка и на всем лету впивается своими клыками ему в горло. Хлещет кровь, жеребенок падает. Вдруг, откуда ни возьмись, появляются другие волки и начинают рвать добычу на куски. Странно, но в то же время остальные лошади собираются вместе и окружают волчью стаю, молча следя за их трапезой.

Наблюдал я и другую трагедию, когда здоровый и сильный волк напал на стадо овец. Он буквально каждую жертву метил: хватал овцу за горло и перекусывал его. Не менее десятка овец было погублено, они так и остались лежать на пастбище. Однако одну овцу волк умело забросил себе на спину и быстро исчез в ближайшем лесу.

Видел я, как волки напали на стадо коров, среди которых было много телят. Но здесь хищникам не повезло, коровы тотчас сгрудились, повернулись рогами против волков, а телят спрятали за своими задками. Все попытки волков забежать с другой стороны не приносили успеха, коровы тут же перестраивались, поворачиваясь к волкам рогами, а телят моментально отводя назад. Волкам так и не удалась охота, и им пришлось ретироваться в ближайший лес. Вот так шли рядом жизнь и смерть как людей, так и животных.

Именно в эти трагические годы, когда голод охватил всю нашу деревню, умерли два моих младших брата. К великому огорчению умер и наш отец, Федос Савельевич. «Дайте кусочек хлебушка», - были его последние слова. Не получив желаемого, он несколько раз глубоко вздохнул и затих навеки. Он

ушел из жизни трагически от систематического недоедания. Когда едва остывшее тело отца две мои старшие сестры Анастасия и Мария снимали с печи, оно казалось легче пушинки. Трудно было представить, что когда-то сильный, здоровый и красивый от природы русский мужик от измождения голодом стал весить чуть больше сорока килограммов. Отец жил праведно: много работал физически, ходил на лесозаготовки и всю жизнь занимался пчеловодством. Во время войны и в первый год наступления голода, будучи тогда еще здоровым человеком, он раздавал своим соседям по банке меда, чтобы их дети не знали истощения. Добрый и сердечный, хотя совсем неграмотный, был наш замечательный отец. Носил, сколько помню, длинную бороду и густые до плеч волосы. А на груди его всегда висел большой православный крест.

Похоронили отца на сельском кладбище в марте 1947 года и вместо креста оставили зарубку на дереве — «Федос».

5. СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА

И вот наступил день, когда мы, деревенские дети, в возрасте десяти лет отправились в четвертый класс Хмелевской сельской школы. Школа находилась на высоком месте, там, где некогда стояла сельская приходская церковь. Когда к власти пришли большевики, церковь взорвали. Чудом уцелела лишь колокольня с крестом. Это произошло за несколько лет до войны. И с тех пор, до настоящего времени лежат руины, напоминающая потомкам о былом величии сельской церкви. Родители рассказывали, что нас с сестрой Еленой, еще до разгрома храма, успели окрестить в ней (или возле нее, не помню). Такова была

судьба многих сельских приходских церквей, безбожники дотла сжигали или взрывали их динамитом. Оставшиеся кирпичи, камни и различную церковную утварь растаскивали.

Недалеко от развалин была построена обычная деревянная двухэтажная семилетняя школа. В ней нам, деревенским мальчишкам и девчонкам, предстояло учиться еще четыре года. В школе нас встретили приветливо, рассадили впервые за настоящие парты и раздали кое-какие книги, тетради, ручки и чернильницы. Строго наказали беречь их, потому что других не было. Ходили мы в школу каждый день, хотя находилась она в трех-четыре километрах от Петухов. Нас не смущало расстояние, мы, еще дети, но уже познавшие нелегкий труд, горе и голод, были воодушевлены новой школой и новыми учителями. Там мы познакомились и подружились с ребятами из соседних деревень.

Сначала все мы собирались на окраине нашей деревеньки, и каждый держал в руках собственную сумку, сшитую из холста или какой-то ткани. А у некоторых были даже цветные, сшитые от руки из разных кусочков материи. В сумке было все необходимое: книги, тетради, ручка, чернильница и, конечно же, кусок хлеба, пара вареных яиц и бутылка молока. Некоторые брали с собой луковицу, огурец, картофелину и другие продукты. Все это легко умещалось в сумках, которые каждый из нас носил через плечо.

В школу ходили гурьбой. Вначале наш путь лежал по колхозному полю, потом — по обычной грунтовой дороге, по которой колхозники возили зерно на мельницу. Мельница была расположена на реке Малая Кордяга и называлась Петушихой, так как была ближайшей к нашей деревне.

Мельница и все находящееся вокруг нее нас очень привлекало. Там всегда были люди, и нас тепло встречал мельник, весь белый от муки. Мы любили наблюдать, как о большое

колесо с силой ударяла вода, заставляя его быстро крутиться. Под напором колеса вращались жернова, перемалывая высушенное в деревенской сушилке зерно. На выходе мука сыпалась в мешки, которые потом завязывали, грузили на телеги и отвозили на деревенский склад для хранения. Помогал мельник крестьянам молоть не только колхозное, но и частное зерно. Конечно, нас этот процесс очень радовал, и мы могли долгое время рассматривать, откуда льется вода, и по средством чего крутится огромное с лопастями колесо.

Мельница, собранная из деревянных бревен, стояла перед запрудой, а ниже, в том месте, куда сливалась вода, плавали белые и желтые удивительной красоты цветы с широкими зелеными листьями.

Наш путь продолжался по берегу реки и лугам, заросшим высокой травой и цветами. Сейчас кажется странным, но, разглядывая ромашки, васильки и другие полевые цветы, мы даже не знали их названий. Только потом, когда начали изучать ботанику, стали собирать из них гербарии.

Веселые рассказы, смех и шуточные толкания друг друга скрашивали наш долгий путь к школе.

И вот, наконец, мы оказывались на возвышенности, на краю которой находилась наша школа. Рядом с ней стояла разрушенная церковь, но на нее мы совсем не обращали внимания. Наша первая учительница, обладая большим авторитетом среди учеников, сумела внушить нам, что Бога нет и молиться не надо. Не надо слушать и родителей, поскольку они уже старые и этого не знают.

В четвертом классе нас встретила новая учительница — очень милостивая молодая женщина, ее звали Клавдия Васильевна Пасохина. Здесь же училась и ее старшая дочка Светлана, худенькая белобрысая девчушка.

Клавдия Васильевна нам очень понравилась, поскольку была доброй, в меру строгой и умела увлечь хорошим рассказом. Так шли день за днем. По утрам мы бегали в школу, босыми преодолевая многие километры, благо земля была мягкая, а трава ласковая. По дороге туда и обратно в речке мыли свои запыленные лица, руки и ноги. Вода замечательно освежала, нам становилось особенно хорошо, поэтому многие ребята купались и ныряли голышами. Мы росли очень стыдливymi, а поскольку трусов ни у мальчиков, ни у девочек не было, каждый находил укромное место, чтобы другим его не было видно.

После школы каждый из нас помогал по дому или же работал в колхозе, а в свободное время все вместе, как прежде, бегали в лес собирать его дары. Мы испытывали очень большой интерес к природе, при этом стараясь жить с ней в гармонии. Отыскивая лисьи норы или наблюдая за действиями ежей, мы не причиняли животным вреда. Наше любопытство было сверх меры, и оправдывалось оно одним — мы хотели все и обо всем знать.

В зимние месяцы посещать школу становилось труднее: дороги заметало снегом, в лаптях с портянками передвигаться по сугробам было неудобно и холодно. Мало кто из ребят носил валенки, это было роскошью. В абсолютном большинстве семьи жили бедно.

Когда же наступали сильные морозы, ходить на занятия и вовсе делалось опасно — можно было замерзнуть в поле (и такие случаи, к сожалению, бывали). Тогда наша мама договаривалась с Клавдией Васильевной, чтобы я и Елена оставались в ее доме на ночлег. В такие дни сразу же после школы мы шли в дом учительницы. Скромно ужинали вместе с нею, ее мужем и дочерьми, а потом залезали на полати и быстро засыпали. Домик ее, в два окна, был очень маленьким, к нему примыкали чулан и сарай. В огороде возле дома росли кусты малины, смородины и крыжовника.

В относительно теплые зимние дни мы, конечно же, возвращались в свою деревню, в свой родной дом. Иногда, чтобы поддержать стремление детей к обучению, председатель колхоза выделял нам подводу и ямщика. В роскошных санях, укрывшись большим количеством сена или соломы, мы почти не чувствовали ветра и мороза. В школе же на переменах согревались в баталиях друг с другом.

Закончив четвертый класс, многие ребята прекратили свою учебу. Почему-то в деревне считалось, что научить ребенка читать и писать вполне достаточно для деревенской жизни. Тем не менее, все мы очень гордились, что стали уже взрослыми.

Все лето школьники трудились, безделье не поощрялось. Моей обязанностью было, например, отгонять вместе с другими ребятами стадо лошадей к реке, на луга. Там их пасли пастухи, в основном колхозные конюхи и ездовые. Каждое утро меня будила мама, чтобы я к восходу солнца успевал пригнать тех лошадей, которые по разрядке должны были в тот день работать. Самым сложным для меня было поймать лошадь, надеть уздечку и сесть ей на спину. Животные не давали возможности подойти к ним близко — уворачивались и брыкались, пытаясь ударить меня. Со временем приобретенный опыт и смекалка позволяли мне достаточно быстро взбираться на круп лошади и, взяв ее под уздцы одной рукой, другой — вести в поводьях еще двух или трех.

Однажды, возвращаясь с пастбища, я, желая сократить дорогу до деревни, поехал через ближайший перелесок. Обхватив брюхо лошади своими короткими ногами, крепко держась за холку, погнал ее рысью. К несчастью, на пути мне попала невысокая сосна с большим острым суком. Я не успел пригнуться к гриве лошади и со всего размаха налетел на этот сук. Упал, испытывая сильную боль во всем теле. А моя лошадь

ка вместе с другими, не раздумывая, ускакала прямо в деревню. Я, весь побитый, кое-как доплелся до своего дома и, всхлипывая от негодования, рассказал о случившемся. С тех пор я стал очень осторожным в отношениях с лошадьми. Так и только так учила меня смыслу бытия и жизни сама природа.

Кроме того, иногда я обязан был выходить на ночную охрану лошадей, пасшихся на дальних лугах. Их оберегали не только от волков, но и от цыган и конокрадов, которые часто воровали лошадей, угоняли их в другие места и там перепродавали.

Яркий свет костров и хвойный дым, расходившийся по округе, отпугивал хищников. А ружье одного из охранников придавало уверенности в борьбе с непрошенными гостями. Лошади, которых в табуне насчитывалось до пятидесяти голов, неспешно щипали траву, а мы, сидя у пылающего костра, слушали бесконечные страшные истории из уст пастухов. Некоторые, надо признать, свои рассказы просто выдумывали, чтобы легче было коротать время. У каждого костра загодя вырывали глубокую яму и засыпали ее сверху травой. В такое нехитрое убежище ребята прятались, заслышав завывания волков, и молча ждали, когда взрослые мужики отгонят хищников. Несомненно, это было очень страшно, тем более, что детские души не обладали пока достаточным мужеством, чтобы участвовать в таком противостоянии.

Незаметно прошли еще два учебных года. Нас с Еленой перевели в последний, седьмой класс. Появились новые учителя почти по каждому предмету. Одна учительница преподавала русский язык и литературу, другая — математику и физику, третья — химию, четвертая — ботанику. Также были физкультура и, конечно же, внеурочная работа на школьном участке.

К концу последнего года обучения мы все чаще стали задумываться над тем, что дальше? Некоторые, получив свидетельство об окончании семилетней сельской школы в Хмелевке,

прекратили учебу и продолжили работу в колхозе, ожидая призыва в ряды Советской Армии. Все мальчишки мечтали служить, и не было среди нас пацифистов, а тем более уклонистов от армии. Так нас воспитывали с детства: служить в вооруженных силах страны — это почетный долг каждого молодого человека.

Будущее мое и Елены определилось на семейном совете, когда было принято решение отправить нас учиться в восьмой класс в город Зуевку, другой школы не было.

6. НЕСЧАСТЬЕ ПОСТИГНУЛО НАШУ СЕМЬЮ

Как-то совсем неожиданно очень сильно занемогла моя сестренка Елена. Сельский врач — единственный лекарь в деревне не мог объяснить, что с ней произошло. Лене невозможно стало ходить. Она жаловалась на боли в спине и позвоночнике, практически слегла и уже не могла подняться. Срочно требовалась консультация специалиста.

Не знаю почему, но председатель колхоза отказал нам в предоставлении подводы, чтобы отвезти Елену в городскую больницу. И тогда моя бедная мама, взвалив дочку себе на спину, понесла ее на железнодорожную станцию «Рехино». Эта станция находилась в семи километрах от Петухов. Всю дорогу я шел рядом, но ничем не мог помочь. Весил я в ту пору около сорока килограммов, был худым и очень слабым. Война и другие трудности не позволили мне набрать вес и силу.

Сев в ближайший поезд, мама с Еленой отправились в Зуевскую больницу. Я же отправился обратно в деревню, чтобы рассказать, как и когда они уехали. Старших сестер дома не было. Одну мобилизовали на лесоразработки, другую — матросом на реку Каму.

Моей сестре, по словам вернувшейся из города мамы, был поставлен диагноз — туберкулез позвоночника. С чем связано это заболевание, я, если честно, до сих пор не знаю. Однако сестру отвезли в какую-то специализированную больницу, где она провела лежа без движения целых три года. Именно там, на больничной койке, не вставая с кровати, Елена окончила десятый класс на отлично.

Об этом периоде своей жизни сестра до сих пор не любит вспоминать. Да и раньше о том, как она жила в те годы, Елена практически ничего не рассказывала. Мы же ее и не расспрашивали, что было, то было, прошло. Сестра выздоровела, слава Богу. Теперь нужно было решить, куда ей идти дальше — работать или учиться? Выбор пал на медицинский институт, и Елена начала интенсивно готовиться к вступительным экзаменам.

В те годы наша деревенская жизнь во многом изменилась. Обе старшие сестры выросли, им было уже далеко за двадцать лет, в общем, невесты. Но их беда заключалась в том, что в деревне, и даже в округе, не было женихов. Это была настоящая трагедия для многих красивых, здоровых, работающих и умных невест, так и не познавших замужества. Большинство из них так и прожили свою жизнь в одиночестве. Время было такое: девушки продолжали работать в поле, а по ночам тихо и горько плакать о своей судьбе, не позволившей им испытать счастья материнства. Это еще один печальный результат жестокой войны.

Надо сказать, что мои сестры проявили в этом вопросе завидное упорство и находчивость. Обе, так или иначе, но вышли замуж. Как-то шел по деревне демобилизованный из армии молодой солдат, и моя сестра Анастасия пригласила его в дом. За чаем она увлекла парня разговором. Не знаю, как ей это удалось, но молодые люди решили расписаться, с тем чтобы сделать моей сестре паспорт. Видимо, солдат решил помочь молодой красивой девушке освободиться от колхозных пут. В итоге

Анастасия вышла за него замуж, и на этом они расстались навсегда. Почти также поступила и моя старшая сестра Мария. В зимнюю стужу она в поле повстречала молодого охотника с ружьем. Он пообещал, что поможет ей освободиться от колхоза и получить паспорт. Так и было сделано. В скором времени Мария уехала жить в город, там было легче устроить свою судьбу.

Впоследствии обе сестры вышли успешно замуж, у каждой из них родились два сына. Мужья попались добрые, работающие и любящие. Анастасия уехала в Свердловск (ныне Екатеринбург) и окончила курсы по вождению трамваев. Много лет работала вагоновожатой. Она до сих пор живет там. Однако о жизни моих сестер, их делах, успехах и неудачах, радостях и печалях я расскажу несколько позже в этой же книге.

А сейчас вновь вернусь в свою деревеньку. В марте 1953 года умер Иосиф Сталин. К власти пришел Никита Хрущев, объявивший программу о ликвидации неперспективных малых деревень и укрупнении колхозных хозяйств. Буквально в считанные месяцы с лица земли начали исчезать небольшие деревеньки, веками стоявшие в живописных местностях. Веками люди сеяли, растили детей, служили в армии, хранили традиции, жили и умирали... И вот теперь они, привыкшие к своим местам, были вынуждены бросить нажитое, покинуть навсегда свои родные края и отправиться жить на новое место. Многие смирились и переехали, но некоторые так и остались доживать свой век в порушенных злым умыслом деревеньках. Горько это сознавать, но это действительно так было.

Моя мама решила переехать вместе со мной и моим братом Сергеем в город Зуевку. Это был небольшой провинциальный городок с населением от 15 до 17 тысяч человек. Первое впечатление о нем у меня сложилось, когда мама взяла меня с собой на колхозный рынок продавать излишки картошки, молока, сметаны, квашеной капусты и других продуктов. Денег колхозни-

кам не платили, а таким образом их можно было немного заработать. Помню, мы долго ехали на телеге, нагруженной продовольствием. Сначала по пыльной сельской дороге, а потом въехали в Зуевку, которая на меня произвела унылое впечатление. Кругом стояли небольшие, как в деревне, деревянные домики, а дороги были ухабистыми. Наша повозка то и дело попадала в колдобины и ямы, из-за чего нам приходилось слезать и толкать ее. Лошадь (она была уже старенькой) с большим трудом вытягивала телегу из колдобин. То там, то тут попадались и каменные дома. Таких построек я никогда раньше не видел, они произвели на меня неизгладимое впечатление. Болтая ногами и глядя по сторонам, я тогда думал, что очень везет людям, которые живут в таких красивых домах.

Итак, мы переехали жить в этот провинциальный городок. Незадолго до переезда моя старшая сестра Мария, к тому времени вышедшая замуж за бывшего солдата, участника войны с Японией, построила дом, в который мы и переселились. Из деревни был привезен только амбар для хранения зерна и муки.

Муж сестры работал шофером и часто брал меня с собой в поездки. Я сидел в кабине, болтал ногами и все время смотрел по сторонам. Мелькали деревья, оставались позади колхозные дома, гнались за нашей полуторкой деревенские собаки. Все это приводило меня в неопишуемый восторг, но особенно приятно, почему-то, было ощущать запах бензина.

Нам с мамой сестра выделила комнату, отгороженную русской печкой. Она была небольшой, но с окном, выходящим во двор. Быстро пролетело лето в разъездах, в помощи по достройке дома...

Мне исполнилось четырнадцать лет, пора было получать профессию. На семейном совете решили, что лучше всего поступить учиться в ремесленное училище на столяра. Тогда эта

профессия была в почете. Моя сестра Таисия согласилась отвезти меня в областной город Киров на поезде. Однако не доезжая до места назначения, нас высадили из-за отсутствия билетов. И нам пришлось до самого Кирова двенадцать километров идти по шпалам.

Наконец, уставшие, но по-своему счастливые, мы вошли в здание ремесленного училища. Честно говоря, меня прельщала не столько моя будущая профессия столяра, сколько форма, выдаваемая учащимся. Это были черные шинели, китель, брюки и, конечно же, фуражка. Наконец черный ремень с серебристой (алюминиевой) бляхой, на которой большими буквами было написано РУ (ремесленное училище). Мне, деревенскому мальчишке, все это было в новинку, и я жаждал вернуться к своим друзьям в этой красивой форме и удивить их.

Но судьба распорядилась по-своему — мне было отказано в поступлении в ремесленное училище. Причиной послужил осмотр врача, а вернее фельдшера, который вынес решение о моей непригодности к обучению в училище. Как стало известно с его слов, у меня было слабое сердце.

Я уже не помню, как и каким образом мы вернулись обратно. Негодованию моему не было предела. Было решено, что я пойду учиться в восьмой класс Зуевской средней школы № 1. Однажды, мне случайно попала в руки газета, в которой было опубликовано объявление о приеме в Батумское мореходное училище. Эта маленькая заметка перевернула всю мою жизнь.

Я, не раздумывая, отправил в училище письмо-запрос. Ответ пришел довольно быстро. В нем были указаны подробные условия приема, а самое главное — возраст, от пятнадцати до двадцати пяти лет. Пришлось идти в школу и учиться еще год в восьмом классе до наступления пятнадцати лет.

На занятия я ходил с большим удовольствием. Школа была кирпичная двухэтажная, хотя и находилась на другом конце

города. Все стало по-другому: новые друзья, новые учителя. Вскоре мой старший брат Сергей женился на женщине, дом которой располагался на той же улице, что и наш. У нее была дочка Оля от первого брака. Стало немного веселее оттого, что мы, хотя и не все, но вновь вместе.

7. ДОРОГА МОЯ ЛЕЖИТ НА КАВКАЗ

Ранней весной, будучи учеником восьмого класса, я получил из Батуми вызов на вступительные экзамены. Все необходимые документы я выслал еще в начале года, сразу же после Рождества Христова.

Сборы были недолгими. В небольшой алюминиевый чемоданчик я уложил учебники по русскому языку, математике и Конституцию СССР, поскольку именно по этим дисциплинам мне предстояло выдержать конкурс на зачисление курсантом в мореходное училище. Моя дорогая и бесценная мама сшила для меня рубашку-курточку из флотской ткани, брюки клеш из солдатской шинели и покрасила их черной краской.

Перед поездкой на Кавказ я навестил свою сестру Марию, которая в это время находилась в родильном доме. Через окно на первом этаже она мне показала своего новорожденного малыша, моего племянника. Это был уже второй ее ребенок, и тоже мальчик. Его назвали Валерием.

Когда племянник вырос, то прошел службу в КГБ СССР. Ровесник Президента В.В. Путина, они оба родились в 1952 году, он также работал по линии КГБ СССР в Германии, только Владимир Владимирович – в Восточной зоне, а мой племянник – в Западной. Полагаю, они оба закончили одну раз-

ведшколу, не то в Минске, не то в Ленинграде, оба ушли из КГБ СССР в звании подполковника.

В тот год июнь выдался солнечным и теплым. Дорожный билет был у меня, что называется, почти в кармане. Настроение я имел приподнятое. Наступал день отъезда.

И вот я, надев, как мне казалось, очень красивые вещи, взял в руки чемоданчик и отправился на железнодорожный вокзал. Меня провожала только мама. Она несла сумку, обычный кошель из мешковины, в которую бережно положила большой пирог с запеченными в нем куриными яйцами порядка десяти штук. Разумеется, денег у меня не было, только сквозной билет до Батуми с пересадкой в Москве.

Моя мама вошла со мной в общий вагон и посадила меня на свободное место у окна. Вскоре она вышла и долго стояла на перроне, пока не отправился мой поезд, часто утирала катившиеся по щекам слезы и махала мне вслед платком. Поезд увозил меня далеко от родных мест в чужие, невиданные для меня края, на Кавказ. Тяжелыми были минуты расставания. До сих пор образ мамы стоит у меня перед глазами.

На следующий день, ближе к вечеру, мой поезд прибыл в Москву на Курский вокзал. Привокзальная площадь поразила меня своим великолепием, большим числом огромных домов и многочисленной толпой народа. До того дня мне никогда не приходилось видеть такую панораму. Я испытывал какое-то неопределенное чувство не то радости, не то печали.

Поздно вечером того же дня я уже находился в поезде на Батуми. Радовало то, что он уходил с того же Курского вокзала и был прямым, без пересадки. Предстояло ехать не менее трех суток. Я вновь оказался в общем вагоне. Вокруг меня сидели люди с чемоданами, а больше всего с какими-то узлами и сумками. Свободных мест не было, все сидели плотно прижавшись друг к другу. Ехали молча, не разговаривали между собой.

Наступила ночь, и я, забравшись на третью полку, положил свой чемоданчик под голову вместо подушки, а сумку положил рядом с собой. Под стук колес, устав от пережитого в Москве, я быстро погрузился в сон. Что мне снилось, теперь уже не помню, помню только, что проснулся свежим и бодрым. Правда, немного ныла шея, и было жарко в плотных шерстяных брюках.

Как любой мальчишка, родившийся в глубинке, я был очень стеснительным. Поэтому молча, находясь на третьей полке общего вагона, отломил кусочек пирога с двумя яичками и тихо съел. Это был мой завтрак, а остальное я оставил, зная, что надо ехать еще долго. Потом я также тихо спустился с полки и уселся на свободное место. В те годы я был худенький и невысокий, поэтому на меня мало кто обращал внимание. Многие соседи по вагону полагали, что я чей-то ребенок и еду вместе с родителями. К тому же в вагоне мало кто разговаривал между собой, чаще ехали молча, каждый со своими веселыми или грустными мыслями. По одежде, по натруженным до мозолей рукам, по обветренным морщинистым лицам можно было угадать в большинстве моих попутчиков обыкновенных колхозников.

Тем временем поезд, стуча колесами по рельсам, все дальше и дальше увозил меня в неведомые южные края. И я с необъяснимым нетерпением ждал его прибытия на конечный пункт, в солнечный город Батуми.

Во второй день моего путешествия из Вятки на Кавказ напротив меня села довольно молодая женщина сильно не похожая на других. Я почему-то сразу предположил, что она не колхозница, а городская. У нее было гладкое лицо и необычно красивые руки. И вот на столе женщина разложила свой ужин: тарелочки с салатами, нарезанную тонкими ломтиками колбасу, конфеты в красивых обертках и другие лакомства, которых я никогда раньше не видел.

Мое любопытство было нескрываемым. Женщина это заметила, внимательно посмотрела на меня и сказала: «Ой, боюсь, что всего этого я не съем, и многое придется выбросить, так как испортится в дороге». А потом, словно невзначай, добавила: «Мальчик, помог бы ты мне скушать все это, жалко ведь выбрасывать» – и мне без лишних слов сунула в руки бутерброд с колбасой и тарелку с салатом. Мое желание принять ее предложение было более чем громадное, и я с нескрываемым наслаждением «умял» всю эту вкуснятину.

Потом мы познакомились. Женщина сказала, что зовут ее тетя Катя, и что она родом из Батуми. А когда узнала, что я еду поступать в Батумскую мореходку, то с воодушевлением приветствовала мое намерение. После моего рассказа о себе и о своей семье тетя Катя еще более тепло и внимательно стала относиться ко мне. В результате у нас установились очень дружеские отношения, и до самой конечной остановки она угощала меня своими съестными припасами. Отношение ее ко мне было ненавязчивым и по-матерински ласковым. На прощание тетя Катя написала мне свой адрес; как оказалось, жила она рядом с мореходкой и была хорошей швеей.

И вот поезд издал протяжный звук, извещающий о прибытии на конечный путь, затормозил и тихо остановился.

На перроне я увидел много людей, большинство из которых не походило внешне на моих земляков. Они были достаточно модно одеты, имели черные волосы, а мужчины еще и усы. Так выглядели грузины и грузинки, основное население Батуми. Позже я узнал, что в городе жили около половины русских, украинцев, греков, армян и других. Вокруг слышалась непонятная гортанная речь вперемежку с русскими словами.

Тетя Катя вызвалась проводить меня, но я отказался. Уж очень хотелось самому пройтись по городу и найти будущее училище.

Взяв в руки чемоданчик, я последним вышел из вагона, меня, разумеется, никто не встречал, прошел через помещения железнодорожного вокзала и оказался на улице, кажется, она носила имя Ленина.

Картина, которая открылась передо мной, поразила своей необъятностью и невиданной красотой. По обеим сторонам улицы стояли каменные двух-, трех- и пятиэтажные дома. А рядом с ними росли удивительно красивые деревья, многие из которых были в цвету: пальмы, кипарисы, магнолии — ничего подобного я никогда раньше не видел.

Я шел посередине широкой асфальтированной улицы и вертел головой во все стороны. Иногда мне на пути попадались необычные маленькие «лошадки», запряженные в телеги на резиновых шинах. Это были ослы или, по-местному, ишаки, удивительно тихие и незлобные животные. Автомобилей практически не было, а мимо проходили неспешно люди, одетые в разнообразную цветную одежду. Женщины же чаще были одеты во все черное, траурное по погибшим мужьям, сыновьям, братьям и многочисленным родственникам.

Не спеша, я дошел до Приморского бульвара, и передо мной раскинулось уходящее далеко-далеко за горизонт голубое море. Подойти близко к берегу я не решился, опасаясь, что волна смоеет меня в море; ведь плавать я практически не умел. И увидев пожилого грузина, движущегося мне навстречу, я подошел к нему, чтобы спросить, как найти мореходное училище. Он мне со значительным акцентом, но по-русски сказал: «Слушай меня: пойдешь прямо, потом направо, потом прямо и снова направо и увидишь своя мореходка». Я его поблагодарил, на что он мне вслед произнес: «Бичико генацвали, моди». Спустя время, я мог без труда перевести эту фразу: «Дорогой мальчик, иди» или что-то в этом роде. Так произошла моя первая встреча с настоящим грузином, который мне очень понравился.

Наконец я подошел к красивым колоннам у входа в парк. Парк был изумительный, весь в цветах — голубых, белых, красно-розовых. По левую сторону плескалось тихое, но достаточно большое озеро, и по нему на лодках передвигались детишки и взрослые. Вдоль берега гуляли люди, негромко разговаривали, иногда смеялись. И вот чудесный парк с его великолепным озером остались у меня за спиной, и я увидел перед собой четырехэтажное здание, стоявшее на берегу моря. Оно было настолько величественным, что я остановился напротив него и долго-долго всматривался в его окна и во все, что было вокруг, будто хотел увидеть знакомых или ждал теплой и радостной встречи с мамой, родственниками и друзьями. Увы, это были всего лишь фантазии, и я медленно и нерешительно побрел к этому зданию, носящему имя «Батумское мореходное училище».

Подойдя ближе, я оказался у высокого забора из кирпичных столбов и железных прутьев. Возле пропускной будки, напротив центрального входа в здание, стоял с повязкой на рукаве дежурный курсант. На его бескозырке золотом сияла надпись «Батумское мореходное училище». Он строго потребовал документ на право входа на территорию училища, и я с большим волнением и радостью достал «вызов» для сдачи конкурсных экзаменов. Других документов, ни паспорта, ни удостоверения, у меня не было. В чемоданчике лежали только учебники. На улице было жарко, я вспотел, но мужественно терпел неудобства, не придавая им какого-либо значения. Наконец, вхожу в здание училища и передаю «вызов» дежурному офицеру в морской форме. Впоследствии этот офицер, капитан-лейтенант Военно-морского флота стал командиром моей курсантской роты.

8. БУДНИ АБИТУРИЕНТОВ МОРЕХОДНОГО УЧИЛИЩА

Тем временем вызванный по телефону курсант повел меня в здание, где на период вступительных экзаменов расселились абитуриенты. Оно находилось неподалеку от главного корпуса мореходного училища, поэтому дошли мы до него довольно быстро.

На входе нас встретили курсанты с красными повязками на рукавах. Один из них проводил меня в помещение, которое выделили для проживания абитуриентов, и указал, куда можно положить чемодан.

Я огляделся вокруг и увидел множество двухъярусных железных кроватей, на которых были расстелены матрацы и лежали подушки. Ни простыней, ни одеял на них не было. На многих кроватях лежали и сидели мальчишки, одетые кто во что горазд. Почти все молчали, изредка перебрасываясь фразами со своими соседями. По числу кроватей, а их было около двухсот, я понял, что поступить в мореходку будет нелегко.

Все мальчишки усердно читали книги, а некоторые что-то кропотливо записывали в ученические тетради. Шла интенсивная подготовка к вступительным экзаменам. Как и все, я расположился на одной из кроватей, из чемоданчика достал необходимые учебники и положил их под подушку. Спать мне не хотелось, да и открывать какую-либо книжку не было желания. Непонятно, но внутри у меня возникло какое-то беспокойство, я вдруг вспомнил далекую Вятку, мою деревеньку и свой родной дом. Вспомнил маму, сестер и брата, друзей, своих учителей и соседей. Они все там, а я здесь один. Ужасно захотелось уехать обратно, но желание поступить в училище и быть моряком судов заграничного плаванья оказалось гораздо сильнее.

Чтобы снять душевное напряжение, я тихо вышел из корпуса, немного прошел вдоль железных решеток забора и оказался на берегу моря. Идти приходилось очень осторожно, так как кругом берег окаймляли довольно крупные круглые валуны. Я подошел к воде, и вдруг, совершенно неожиданно, набежала крутая волна и облила меня всего с головы до ног. В одночасье я стал мокрым, а мои губы солеными. От испуга меня охватила дрожь, я попятился назад и тут же сел на пятую точку. Набежала новая волна. Она накрыла меня почти с головой и едва не утащила в море. Сердце мое забилося, в глазах помутнело. Я представил, что нахожусь в морских глубинах, и на меня надвигается огромная голодная акула. От такой мысли мне стало не по себе, поэтому я поспешил отойти от моря на довольно большое расстояние. Это была моя первая встреча с Черным морем. Помню, я все удивлялся, почему его так называют, ведь вода в нем темно-зеленая, а местами даже голубая.

Боялся я моря еще и потому, что не умел плавать. Правда, в своей деревне барахтался в небольших речушках, но чтобы плавать в бескрайних морских просторах... Эта мысль наводила на меня ужас.

Вернувшись в корпус, я обнаружил, что одежда моя уже высохла. На улице ярко светило солнце, вдали блестело голубое море, а вокруг висела какая-то волнительная тишина. Тем не менее, я испытывал приподнятое настроение, ведь произошла моя встреча с морем, мореходкой, а это значит, мои мечты сбываются. Осталось только сдать вступительные экзамены и пройти конкурс, чтобы быть зачисленным в число курсантов училища.

Каждое утро нас выводили на построение, делали переключку, а затем вели на завтрак. То же происходило в обед и ужин. Кормили нас скромно, но вполне сносно. Утром каша, хлеб с маслом, чай. В обед суп, макароны с мясом, компот и хлеб. А на

ужин снова каша, хлеб и чай. Никто из нас не голодал. Правда, некоторые ребята пользовались еще и своими продуктами, привезенными из дома. У меня же ничего съестного не было, не было и денег, чтобы что-то купить в магазине. Но, честно сказать, я об этом даже не думал, так как все мои мысли были заняты предстоящими вступительными экзаменами.

Все мы активно готовились к предстоящим испытаниям: штудировали учебники по физике, решали математические задачи и повторяли грамматику русского языка. Лежа или сидя на кровати с книгами в руках, мы проводили дни и ночи, делая небольшие перерывы на сон или прием пищи.

В это время мы практически не знакомились друг с другом, каждый готовился в одиночку. Выяснилось, что конкурс объявлен большой, и что на одно место претендует пять абитуриентов, съехавшихся в Батуми со всех концов Советского Союза. Среди нас много было москвичей, ленинградцев, киевлян, ребят из Батуми и других городов Грузии. Немало было мальчишек и из сельской местности.

Наконец командование мореходного училища всех абитуриентов выстроило перед входом в главное здание и объявило о начале вступительных экзаменов. Всех претендентов поделили на группы по тридцать человек.

Экзамены начались ровно в девять утра по заранее составленному и утвержденному расписанию. Первым экзаменом для моей группы была математика. Ее принимал преподаватель мореходки по фамилии Миносян. Мы уселись за парты и получили обычные перьевые ручки и листы чистой бумаги со штампиками в верхнем правом углу. Затем открыли доску, на которой мелом были записаны экзаменационные задачи. В аудитории воцарилась тишина, только между партами медленно и бесшумно ходили два офицера в красивой морской форме с золотыми погонами на плечах и такими же золотыми нашив-

ками на рукавах. К сожалению, в то время мы еще не могли определить их воинские звания.

Каждый из нас был настолько поглощен содержанием задач, что окружающий мир на какое-то время перестал для нас существовать. Вот такое твердое было желание у пятнадцатилетних подростков решить все предложенные задачи, получить хорошую, а лучше отличную оценку и поступить в мореходку, реализовав свою детскую мечту.

А были мы в те годы действительно еще детьми. Вес некоторых ребят едва достигал 45–48 кг, а рост не превышал полутора метров. Да, мы были детьми военного лихолетья. Часто не доедали, болели, жили в холоде. Зато нами овладевали такие мечты, что нынешние подростки даже не в состоянии себе этого представить.

Все ждали результатов экзамена по математике с нескрываемым волнением. Некоторые уже заранее стали паковать свои пожитки. Через пару дней нас вновь построили перед входом в училище и дежурный офицер объявил результаты первого испытания. Он назвал фамилии тех, кто сдал математику, при этом не указав тех оценок, которые были проставлены в экзаменационных листах. Остальным абитуриентам офицер дал команду выйти из строя и забрать свои документы из приемной комиссии.

Да, это был грустный момент, ведь каждый из нас мог оказаться в числе тех, кому предстояло ни с чем вернуться домой. У остальных, в том числе и у меня, от внутренней радости как-то по-особому заблестели глаза, и настроение поднялось на недосягаемую высоту. Иначе не могло быть. Деревенские мальчишки сдали экзамен по математике! Гордость распирала наши души, мы были полны решимости «сражаться» до конца!

Вскоре состоялся второй тур испытаний – экзамен по русскому языку. Его принимал преподаватель Горкин. На этот раз

мы писали диктант. Когда весь текст был продиктован, нам дали пять-десять минут для внимательного прочтения написанного и исправления возможных ошибок. Итоги этого экзамена вновь для некоторых абитуриентов оказались неудовлетворительными. Оставшимся же предстояло еще одно испытание — экзамен по Конституции СССР. Его принимал никто иной, как начальник мореходки Яков Александрович Оганезов. До сих пор помню один из вопросов, обозначенных в билете — права мужчин и женщин в Советском Союзе. Именно на нем у меня почему-то проявилась обильная словоохотливость. А когда экзаменатор сказал, что достаточно, я от неожиданности даже опешил. Так уж мне хотелось говорить, говорить... Мне подумалось, что я говорю что-то не то. Всякие дурные мысли приходили в голову. Однако на выходе из аудитории нам сразу же стали объявлять итоги экзаменов, и мне была поставлена оценка «отлично». Успешная сдача последнего экзамена обнадеживала, что я буду все же зачислен в курсанты мореходки.

Несколько дней мы находились в длительном ожидании, а затем нас, намного поредевших абитуриентов, выстроили в две шеренги перед входом в училище. Помню, было ясное утро: в небе ни облачка, светило яркое солнце, в кустах за нашими спинами пели птицы, и было как-то радостно и одновременно грустно. Каждый из нас с трепетом ожидал окончательного решения командования училища.

Прозвучали строгие слова дежурного офицера: «Слушай приказ начальника Батумского мореходного училища Я.А. Оганезова». И далее: «В соответствии с итогами вступительных экзаменов и решением мандатной комиссии зачислить в число курсантов следующих лиц...». Слова приказа звенели в ушах, каждый очень хотел услышать свое имя.

Наконец свершилось! Я и мои будущие друзья абитуриенты были зачислены в состав курсантов Батумского мореходно-

го училища*. Жаль, но некоторым все же пришлось выйти из строя и навсегда покинуть эти стены.

Для оставшихся в строю прозвучала команда: «Смирно, флаг поднять!». Красное полотнище стало медленно подниматься вверх и, остановившись над крышей училища, заколыхалось по ветру, как волны по морской поверхности Черного моря. Было ровно девять часов утра. Именно в это время ежедневно на протяжении практически пяти лет обучения мы стояли в строю в ожидании команды дежурного офицера: «Флаг поднять!». Эта церемония проходила в любую, даже очень ненастную погоду. Так и только так нам, молодым курсантам, прививалась любовь и уважение к Красному флагу СССР.

Прошло еще несколько дней, и нам объявили, что каждый в составе своего курсантского взвода обязан получить форму. Отчетливо помню, как мне в руки дали брюки, фланелевку, ремень, ботинки, тельняшку, бушлат, шинель, шапку и бескозырку с ленточкой. На этой ленточке золотом были написаны слова: «Батумское мореходное училище». Ленточка была длинной, на ее концах сверкали золотом морские якорьки. Все это богатство весило немало, поэтому некоторым пришлось даже переносить его в свой кубрик в два приема. А дальше началась процедура примерки. К великому сожалению, все выданное обмундирование лично мне не подходило по размеру. Имея небольшой рост и вес, я просто-напросто «выпадал» из новой и красивой морской формы.

* Ныне: Грузинская государственная морская академия им. Геловани.

9. МЫ – КУРСАНТЫ МОРЕХОДНОГО УЧИЛИЩА

Итак, мы курсанты мореходки! Не было таких слов, которые могли бы описать мою беспредельную радость. Я, мальчишка из далекой вятской деревеньки, оказавшись по воле судьбы на Кавказе, стал представителем элиты общества – курсантом Батумского мореходного училища Минморфлота СССР.

Для полноты ощущений совсем немного оставалось сделать – подогнать под себя выданную форму. Одновременно с парадной мы получили и каждодневную рабочую форму. Старшие курсанты ее называли «робой». Она состояла из брюк, рубашки и гюйса (воротничка), тельняшки, трусов, носков, ботинок и брючного ремня. Конечно, мы тут же надели на себя эту робу, которая почти на всех повисла мешком. Но это не смущало, ведь мы были в морской одежде. Брюки мне пришлось подтянуть и подогнуть, а вместо ремня (он мне не подходил) подпоясаться какой-то веревочкой. Поверх тельняшки я надел фланелевку и голубой гюйс, окаймленный тремя белыми полосками. Надел ботинки сорокового размера и, чтобы моя нога 36 размера сидела плотно, напихал в них старые газеты и крепко зашнуровал. Бескозырка соскальзывала на уши, полностью закрывая лоб. Однако нашлись смекалистые ребята, сообразившие, что вложенная по внутреннему краю скрутка из газет позволяет бескозырке вполне прилично держаться на голове. В таком виде мы выхаживали по внутреннему дворику мореходки и гордились собой, глядя друг на друга.

Кубрики, в которых нас поселили, вмещали по 15 двухъярусных кроватей. В проходах между ними стояло по тумбочке. В верхнем ящике тумбочки хранилась зубная паста (порошок), зубная щетка и бритвенный прибор (у старших курсантов). На

второй полочке лежали книги и журналы для чтения перед сном или во время тихого («мертвого», как бы сказали моряки) часа. А в нижнем ящике находились такие же вещи, но только того курсанта, который спал внизу. Вот так по тридцать человек мы и жили в кубриках, и, надо сказать, между нами практически не возникало каких-либо конфликтов.

Командиром нашего взвода вскоре был назначен один из курсантов четвертого года обучения, а командиром роты стал майор Кантемиров. Он проходил службу в морской береговой артиллерии, поэтому его военная форма несколько отличалась от формы военно-морских офицеров. Это был славный и очень способный командир, который никогда не повышал на нас своего голоса и казался нам больше гражданским человеком, нежели военным.

Так началась наша нелегкая, но по-своему радостная курсантская жизнь. Рано утром звук горна давал сигнал к подъему, и мы бежали к умывальнику и туалету. Оттуда – на плац, где нас ждала довольно изнурительная физическая зарядка под руководством дежурного офицера или преподавателя. Возвратившись в кубрик, мы заправляли кровати. Это была особая процедура, заключающаяся в том, чтобы вытянуть край простыни и ровной полосой уложить его поверх одеяла. Подушки устанавливали треугольником в изголовье, а рядом клали вафельное полотенце. Главное же состояло в том, чтобы верхняя и нижняя кровати были заправлены симметрично. За четкостью и аккуратностью этой работы внимательно следил командир роты. После того, как кровати были заправлены, дежурный по кубрику производил в нем уборку, в частности, мастикой натирал пол, ползая на четвереньках. Процедура повторялась изо дня в день, и не было исключений на протяжении всех лет учебы. Таким образом, в нас воспитывалась любовь к порядку. На флоте порядок – это одно из условий выживаемости, как корабля, так и его экипажа.

Снова играл горнист, и мы все спешно выбегали на построение в коридор. Командир осматривал наш внешний вид. Затем раздавалась команда: «В столовую на завтрак шагом марш!» Завтрак накрывали сами курсанты, назначаемые командиром роты или взвода по списку. Войдя в столовую, курсанты повзводно и поротно (четыре взвода составляли роту) подходили к столам и только после команды дежурного по столовой офицера «Сесть и приступить к завтраку!» начинали есть. Минут через 15–20 вновь раздавалась команда: «Встать и выйти из столовой!». После нескольких минут свободного времени, которое мы чаще всего проводили во дворике училища, горнист вновь играл сбор, и все курсанты строились перед центральным входом в училище. Во главе подразделений становились их командиры. Дежурный офицер производил осмотр строя курсантов, в котором стояли три русские и одна грузинская роты.

Примерно без десяти минут девять каждое утро в открытые ворота училища въезжала автомашина. Из нее выходил начальник училища Я.А. Оганезов и становился на верхней ступеньке главного корпуса. Затем он зычным и строгим голосом говорил: «Здравствуйте, товарищи курсанты!». В ответ раздавалось громкое многоголосие: «Здравие желаем, товарищ начальник Батумского мореходного училища!» После приветствия дежурный офицер подавал команду: «Смирно, флаг поднять!» Курсанты внимательно следили за флагом, который медленно, но уверенно поднимался по флагштоку, а все офицеры, приложив руки к своим морским фуражкам, отдавали честь одному из главных государственных символов. По команде «Повзводно, поротно шагом марш в аудитории!» мы строем расходились на занятия.

И так каждый день из месяца в месяц, из года в год, из построения в построение шла наша будничная жизнь и напряженная учеба, направленная на овладение морской профессией.

Для каждого курсантского взвода была выделена постоянная учебная аудитория. Наша располагалась на третьем этаже, и ее окна выходили не на море, а смотрели в сторону горной цепи. Моя же парта стояла рядом с окном, и я часто смотрел в сторону гор, на вершинах которых круглый год лежал снег, включая жаркое батумское лето. И каждый раз, когда мой взор устремлялся на эти дальние и вместе с тем очень близкие горы, у меня возникало желание забраться на них и с высоты птичьего полета посмотреть на раскинувшийся у подножия город и голубовато-зеленоватое Черное море.

Наша учеба шла день за днем, регулярно сменялись преподаватели, включались новые учебные дисциплины. Процесс обучения проходил по давно отработанному порядку. Курсанты заходили в аудиторию, рассаживались по два человека за парту. Через пять минут входил преподаватель и дежурный курсант подавал команду «Встать!» и докладывал: «Товарищ преподаватель, на вашем уроке присутствуют курсанты третьего взвода, четвертой роты в количестве стольких-то человек». Называл число отсутствующих с указанием причины, по которой курсанты не явились на занятия. Преподаватель нас приветствовал: «Здравствуйте, товарищи курсанты!» В ответ звучало единогласно: «Здравия желаем, товарищ преподаватель!»

После окончания уроков мы расходились по кубрикам и готовились к обеду. Далее, как и утром, — звук горна, построение курсантов, развод повзводно и поротно в столовую.

После обеда начинался тихий час, который среди курсантов именовался мертвым. Мы расправляли свои кровати и ложились отдыхать, обязательно снимая с себя всю верхнюю одежду. Уставшие от занятий, все ребята моментально засыпали. Ровно через два часа играли подъем, после чего у курсантов было еще два часа для личных нужд. В это время мы могли написать письма своим родителям и друзьям или пойти в библиотеку, чтобы поси-

деть в читальном зале за интересной книгой. Особенно много книг брали о легендарных морях, таких как адмиралы Ушаков и Нахимов, других известных исторических личностях. Увлекались и книгами Новикова-Прибоя, запоем читая «Цусиму», «Порт-Артур» и другие вещи. Каждый из нас хотел прикоснуться к русской истории, больше узнать о российском флоте, жизни моряков, их делах и, конечно же, путешествиях.

У всех курсантов была громадная тяга к овладению нашей будущей профессией, поэтому мы с пользой для дела использовали каждый час. Удивительно то, что нас мало интересовала другая жизнь, кипящая за заборами нашей мореходки.

В субботу и воскресенье мы чаще всего освобождались от занятий. Однако, курсанты первого курса, как правило, не подлежали увольнению в город, так как находились на «карантине». В свободные часы мы иногда играли в волейбол, баскетбол, а чаще в футбол недалеко от мореходки. Футбольное поле располагалось в Пионерском парке на берегу красивого Пресноводного озера, по берегам которого росли пальмы, магнолии, кипарисы и другие экзотические деревья. Такой удивительный пейзаж особенно радовал ребят, приехавших из российской глубинки – Сибири, Урала и Дальнего Востока. Игра в футбол снимала эмоциональное напряжение, накопившееся в течение недели. В мореходку каждый из нас возвращался в приподнятом настроении.

Все курсанты-первокурсники с жадностью впитывали традиции, за многие годы сформированные в Батумской мореходке. Несомненно, это было уникальное учебное заведение закрытого типа, которое готовило специалистов как для гражданского флота, так и для Военно-морских сил Советского Союза. И каждый из новичков знал и помнил о том, что им предоставлена большая честь учиться в нем.

10. МОРЕХОДКА: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

В начале своих воспоминаний я умышленно не коснулся специфики уклада жизни курсантов мореходки. Дело в том, что в этом учебном заведении обучались не только русские ребята. Четверть курсантов были грузинами. Правда, грузинские мальчики учились, как правило, на двух специальностях: гидротехника и судовождение. По первой из них готовили специалистов по строительству портов, портовых сооружений и других строительных объектов. По второй – будущих штурманов и капитанов дальнего плавания. Не знаю почему, но существовал такой порядок, выработанный задолго до нашего поступления. Наверное, такое положение можно объяснить тем, что многие грузинские мальчишки слабо владели русским языком, и им было сложно усваивать специфические термины по механизаторской и судомеханической специальностям.

На гидротехническом и судоводительском факультетах учились и русские мальчики, но из них формировали отдельные курсантские взводы и роты. Грузинские и русские подразделения находились в одном здании, но их кубрики и аудитории размещались на разных этажах. Встречались русские и грузинские курсанты, чаще всего, в читальном зале, общем дворике мореходки и, конечно же, на спортивных площадках.

В те годы вопросы, связанные с национальной принадлежностью, никогда не обсуждались в нашем многонациональном коллективе. Следует сказать, что и русские-то определялись, в основном, по степени владения русским языком и языку преподавания в оконченных ими школах. Позже выяснилось, что среди нас было немало украинцев, белорусов, татар, казахов, киргизов, узбеков, греков, армян, евреев и других.

К нашей чести, нас совсем не интересовала национальность друг друга. Мы лишь расспрашивали товарищей, кто из какой области приехал учиться в мореходку, в надежде найти земляков. Часто по землячеству объединялись, дружили, вместе ходили в город в увольнение.

Грузинские роты не изолировались от нас, а мы, в свою очередь, не избегали добрых отношений с ними. Впоследствии у каждого русского курсанта появилось множество друзей среди грузинских курсантов, а также среди горожан. Такому доброму чувству к грузинам в немалой степени способствовали уроки грузинского языка.

Однажды к нам в аудиторию вошла некогда красивая, солидного возраста женщина — наша новая учительница по грузинскому языку. Каждый из нас, как это часто бывает в подобных ситуациях, внимательно вглядывался в ее лицо, следил за движениями, производимыми ею. Она была среднего роста, на вид ей было около 50 лет. Очень запомнилась ее густая копна жгучих черных волос с широкой белой прядью. Нам казалось, что эту полосу учительница намерено выкрасила в белый цвет. Позже мы узнали, что такая особенность была ей дана с рождения. Строгому взгляду учительницы полностью соответствовали ее жесты и повороты головы. Поговаривали, что она родилась в семье известного грузинского князя, то ли погибшего, то ли выехавшего за границу, кажется, в Турцию. Говорили и о том, что она пережила несчастную любовь. Ее избранник, будучи грузинским меньшевиком, в 20-е годы погиб в борьбе против Советской власти. Сама она о своей трагической судьбе никогда никому не рассказывала, хотя и была одинока. Впоследствии нам стало очевидно, что наша учительница — яркая грузинская националистка.

Грузинка, свою нацию, свой язык, обычаи и традиции она всегда высоко ценила и подчеркивала это во время своих уроков.

Однако нас ее патриотические высказывания и лозунги никак не вдохновляли. Все мы были идейными интернационалистами и твердо стояли на своей позиции. Будучи русскими, в силу своего воспитания, мы плохо знали историю, не только отечественную, но и какого-либо другого государства, другой республики. Такова была школьная программа. Мы изучали все советское, все интернациональное, и даже слово «русский» редко звучало из уст наших учителей. Лозунг «Мы — советский народ» исповедовался каждым из нас. Но преподавательница грузинского языка (а ее звали Русудана Давидовна Микеладзе) напомнила всем нам, что советское государство состоит из многочисленных народов и что каждый из этих народов самобытен, что он имеет свою культуру, свой язык. Наверное, в эти юные годы я очень хорошо усвоил, что являюсь русским как по крови, так и по духу. В возрасте пятнадцати лет, находясь в Грузии и среди грузин, я не только четко осознал в себе «русскость». Именно тогда я впервые ощутил со стороны какое-то негативное отношение к русскому народу, к русской нации, к русскому человеку вообще. С годами вопрос о том, почему русских не любят и говорят о них как-то мимоходом, нехотя, все чаще всплывал в моем сознании.

Об обучении курсантов грузинскому языку я бы хотел рассказать более подробно.

Свой первый урок Русудана Давидовна начала со слов о том, что грузинским языком владел Иосиф Джугашвили (Сталин), хотел его изучить и Владимир Ульянов (Ленин), но, к сожалению, не успел, умер.

Учительнице удалось развить в каждом из нас интерес к своему предмету. Однако наше стремление к овладению грузинским языком объяснялось еще и необходимостью общения с местным населением во время увольнительных, при посещении кинотеатров и других культурных мест, в которых большинство работников были грузинами.

К изучению грузинского языка все русские курсанты относились более чем серьезно и получали от этого процесса большое удовлетворение. Первыми грузинскими словами, которые мы заучили буквально на первом уроке, стали «чианчвела» (муравей), «цицила» (цыпленок) и «бакаки» (лягушка). Их мы обязаны были произносить с предыханием и гортанностью. Это, к сожалению, у многих из нас не получалось, поэтому на освоение грузинской лексики и работу над произношением приходилось затрачивать много времени. А чтобы овладеть предметом в полной мере, русские курсанты стали более интенсивно искать знакомства среди грузинских учащихся. Так, например, я познакомился с Шотой Долидзе, который учился на гидротехнической специальности и жил рядом с мореходкой.

Шота Долидзе был очень внимательным юношей и всегда оказывал мне помощь в изучении грузинского языка. Здесь нужно честно признаться, что Шота в основном учил меня, к сожалению, ругательствам по-грузински. Но и такие знания впоследствии мне очень пригодились, особенно когда я приезжал в Грузию или оказывался на рынках Одессы, Киева или Москвы.

Наши уроки не прошли даром. Вскоре курсанты уже могли, пусть не очень четко, но разговаривать с местным населением.

Кроме изучения общеобразовательных, специальных дисциплин и грузинского языка курсанты должны были обучаться и военному ремеслу. Так, в рамках курса по противовоздушной обороне военно-морского флота мы изучали минное дело, применение торпедных атак противника против советских кораблей и, конечно же, артиллерию. Много внимания уделялось обычным вооружениям, владению винтовкой, пулеметом и пистолетом. Организованный в училище Военно-морской цикл был укомплектован офицерами, среди которых

превалировали участники Великой Отечественной войны и других военных конфликтов. Занятия проводились в специальных военно-морских кабинетах, расположенных на первом этаже училища.

Несколько слов следует сказать и о тех обязанностях, которые мы должны были выполнять ежедневно. Во-первых, это дежурство по своей роте. Они проходили по графику, включая как дневные, так и ночные часы. Чем бы ни занимались курсанты, дежурные всегда обязаны были быть на местах и выполнять инструкции дежурного офицера училища. Во-вторых, нам приходилось охранять склад училища, где находились материальные ценности: одежда, продукты, учебные пособия и др. В этом случае курсанту часовому выдавалась винтовка. В случае появления незнакомцев он должен был громким голосом подавать команду «Стоять! Буду стрелять!» Смена поста производилась каждые четыре часа. В первые годы стоять в карауле, особенно в ночное время, было как-то боязно. Кругом ни души, очень темно и необыкновенно тихо. А ты стоишь один и охраняешь склад. Но в этом был и определенный смысл – так вырабатывались мужество и душевная стойкость.

Была в училище и еще одна обязанность. Примерно два раза в месяц каждое отделение (10 человек) отправлялось на кухню училища, чтобы помочь поварам чистить картошку. В течение ночи необходимо было заполнить два чана очищенным картофелем, чтобы на следующий день накормить около пятисот курсантов и сотрудников училища. За этим занятием курсанты весело шутили, рассказывали различные истории, анекдоты или, что чаще, пели песни.

Приходилось курсантам ходить на почту за письмами. Почта находилась в центре города, и поход туда доставлял нам большое удовольствие. Можно было не спеша пройти по Приморскому бульвару, выйти на Проспект Сталина. А затем

пройти тот же путь в обратном направлении, внимательно наблюдая за происходящим вокруг. Вечером же обо всем увиденном мы увлеченно рассказывали своим друзьям в кубрике.

11. ПРАКТИКА КУРСАНТОВ В МАСТЕРСКИХ МОРЕХОДНОГО УЧИЛИЩАХ

Успешно сдав весенние экзамены, ознаменовавшие собой окончание первого года обучения, вся наша учебная группа механизаторского отделения на основании приказа начальника училища была направлена на производственную практику. Кстати, через год отделение, на котором я учился, было переименовано из механизаторского в судомеханическое. И вот мы, одетые в робы, отправились в мастерские, находившиеся на территории нашего училища. Группу курсантов встретил начальник мастерских Асламазов и провел с нами очень обстоятельную беседу, уделив значительное внимание соблюдению правил техники безопасности в процессе работы на станках различного назначения.

В мастерских училища было смонтировано токарное, строгальное, кузнечное, сверлильное и другое оборудование. Асламазов подходил к каждому отдельно стоящему станку, включал его и показывал, как и каким образом необходимо осуществлять на нем ту или иную работу. Конечно, нам, пятнадцатилетним мальчишкам, было очень интересно наблюдать за нашим наставником, который так виртуозно управлял сложными механизмами, и в тайне представлять себя на его месте.

Следует сказать, что Асламазов очень детально и подробно нас инструктировал. Обращал внимание на то, чтобы одеж-

да не попадала во вращающиеся части станка. Для этого он требовал, чтобы рукава наших флотских рубашек были по локоть закручены, и чтобы мы обязательно надевали специальные фартуки, которые нам выдали в первый же день работы. Знакомство с мастерскими продолжалось целый день. Но мы не устали. Напротив, тамошняя обстановка всем понравилась, и мы с нетерпением ждали того момента, когда сможем самостоятельно встать за станки. Такое счастье выпадало нам впервые в жизни.

В длительном ожидании прошла ночь, и на утро наш курсантский взвод строем отправился в мастерские. На этот раз нас разделили на группы и к каждой из них приставили опытного мастера. Позже выяснилось, что многие из наших наставников длительное время работали на заводах, плавали на судах и имели большой опыт управления станками различных видов. Одна группа направилась к токарным станкам, другая – строгальным, третья – сверлильным, четвертая – кузнечным, а пятая – в заготовительный цех. Итак, все мы были распределены по рабочим местам и ждали, когда подойдет к нам мастер.

Я внимательно изучал внешний вид токарного станка, разглядывая все его механизмы. Вскоре подошел мастер и стал мне подробно объяснять, как надо включать станок, какие меры предосторожности соблюдать и каким образом надлежит работать. Взяв в руки какую-то железную болванку, он закрепил ее в станке, нажал на кнопку пуска и подвел к болванке резец. В поддон посыпалась мелкая металлическая стружка. Резец все больше продвигался к концу болванки, вращающейся с бешеной скоростью. Через несколько минут мастер подал мне блестящий, еще теплый стержень. Я внимательно его рассматривал, и он мне казался таким красивым. Наставник отошел в сторону и попросил, чтобы я сам вставил болванку и, включив станок, подвел резец. О чудо! В моих руках станок

стал управляемым, а мастер тем временем стоял у меня за спиной и тихим голосом давал советы. Так прошло часа два. За это время я сделал довольно много заготовок. И вот мастер, хлопав меня по плечу, с явным грузинским акцентом сказал: «Карги, бичико», т.е. «хорошо, мальчик» и подошел к другому курсанту, ожидавшему своей очереди на инструктаж работы с токарным станком.

Таким же образом происходило наше знакомство и с другими станками. Курсанты очень внимательно слушали великолепных мастеров, так качественно и искусно знакомивших нас с тонкостями предстоящей практики. Производственной практике курсантов уделялось серьезное внимание еще и потому, что во время дальних плаваний иногда происходят поломки тех или иных деталей судовых двигателей и некоторых механизмов. Получение знаний, умений и навыков работы на важнейших станках, таким образом, было особенно важно для будущих судовых механиков, специалистов по двигателям внутреннего сгорания, судовым паровым котлам, различного рода насосам, трубопроводам и др.

И вот наступил день, когда нам выдали производственные задания. Я и некоторые мои друзья получили чертежи по выточке обычного молотка. Однако его конфигурация была достаточно сложной. Сначала надо было обточить болванку на токарном станке, затем провести строгальные работы, а уже потом просверлить соответствующее отверстие. При этом в изготовлении молотка были задействованы три станка – токарный, строгальный и сверлильный. После успешного выполнения задания нам поручили изготовить гаечный ключ, потом плоскозубцы и некоторые другие приспособления. Каждый из нас с упоением выполнял порученную работу.

Когда все задания были выполнены, руководитель производственной практики – один из ведущих преподавателей су-

домеханического отделения – провел своеобразный конкурс на лучшую работу. Собрались все курсанты, и наши мастера-наставники, взяв измерительные инструменты, проверили, кто и насколько отклонился от чертежей. Проверку проводили с точностью до миллиметра и только потом объявляли, чья работа и какая деталь оказались лучшими. У счастливых румянились щеки, ярко горели глаза, и улыбка светилась радостью. Конечно, нас радовали даже скромные успехи, особенно если они отмечались нашими замечательными наставниками.

Мы настолько увлеклись данным видом работ, что некоторые из нас даже в свободное время практически не вылезали из мастерских. Вместе с наставниками чинили станки, изготавливали простые детали, изучали работу станочного оборудования. Интересовало все: и какое напряжение подается, и как работает мотор, и каким образом охлаждаются детали. Курсанты участвовали в сборке и ремонте автомобильных двигателей, мыли в солярке детали, подгоняли резьбу, шайбы. И делали все это с большим удовлетворением, несмотря на то, что часто были вымазаны в саже, дегте или сильно пахли бензином.

За период производственной практики мы достаточно близко и тесно познакомились друг с другом. В курсантском взводе появились мои первые друзья – Виталий Постников, Николай Балеев и Валентин Скачков.

Виталий и Валентин были из Адлера, хотя до поступления в училище друг друга не знали, а Николай Балеев – из небольшой казачьей станицы Краснодарского края. Все годы учебы мы всегда были рядом. Вместе читали письма от родных и близких, обсуждали прочитанные книги, ходили в увольнение в город и, конечно же, мечтали о будущей профессии, морских походах и посещении стран мира. Дружба помогала нам в трудные периоды и еще больше сплавивала в минуты радости

и счастья. Мы всегда шли плечом к плечу. Даже наши кровати в кубрике стояли рядом. Я спал на верхней койке, а Виталий Постников на нижней. Рядом стояла другая кровать, на которой спали Валентин Скачков и Николай Балеев.

12. ПЕРВЫЕ КУРСАНТСКИЕ КАНИКУЛЫ

В течение года мы с завистью наблюдали за курсантами-батумцами, к которым часто приходили родственники и друзья, хоть и встречались они по разные стороны железных решеток ограды. По субботам и воскресеньям эти ребята уходили к своим родителям. Мы же, приехавшие со всех концов великого Советского Союза, такой возможности были лишены, по крайней мере, до летних каникул, а некоторые и вовсе до окончания мореходки. Не удивительно, что самым большим нашим желанием было увидеть родные и знакомые лица, обнять дорогих сердцу людей. Мы с нетерпением ждали возможности поехать домой. Наши души часто согревали письма из родных мест, которые мы читали друг другу, обсуждая в деталях написанное. Складывалось впечатление, будто переносишься на родину своих друзей. Что касается телефонной связи, она многим из нас была недоступна в те далекие годы.

К своим первым каникулам все курсанты готовились очень и очень тщательно. Прежде всего, подгоняли свою форму, отдавая ее на перешивку. В этом вопросе нам очень помогла тетя Катя, моя знакомая по поезду «Москва-Батуми». Мне и моим друзьям она перешила практически всю форму.

В те годы самым модным фасоном брюк были клеши, к которым курсанты пришивали железные змейки. Так и ходили по городу в широких и длинных брюках, подметая батумс-

кие мостовые. Кроме того, ушивали по фигуре фланелевки и также вставляли змейки по бокам. Разводили бронзовый порошок в олифе и делали более яркими надпись и якоря на ленточке бескозырки. Многие курсанты удлиняли ленточки, отчего они болтались ниже поясного ремня. А еще изготавливали из латуни бляхи с якорями и напаявали к ним с обратной стороны свинец. Бляхи всегда начищали до блеска для красоты, свинец же пригождался в драках с местными ребятами. Попасть под курсантский ремень со свинцовой бляхой было крайне опасно. Бывали случаи, когда под его ударами проламывался череп, выбивались зубы или ломались ребра. В таких жестоких сражениях отстаивали курсанты свою честь и привилегию быть в городе равными со всеми.

Приближался день отъезда курсантов по родным местам. Некоторым из них родители выслали деньги на билеты. Хотя нам и выдавали ежемесячно стипендию в размере пяти рублей, деньги уходили, в основном, на покупку зубной пасты, мыла, других принадлежностей. Будучи в увольнении, мы иногда баловали себя вкусным сливочным мороженым.

Что касается моего отъезда на далекую Вятку, то он мог бы и не состояться, поскольку денег на билет не хватало. Я уже смирился со своей судьбой и лишь всячески старался помогать своим друзьям, отъезжающим на малую родину. Покупал им билеты, провожал к поездам, отправлял телеграммы об их приезде. Остальное свободное время проводил в красивом дворике мореходки или выходил на берег моря. Я задумывался, и мне виделась Вятка, моя деревенька, мама, брат и сестры. В эти минуты желание оказаться рядом с ними становилось настолько сильным, что были бы крылья – полетел бы.

Однажды, сидя на скамейке около главного входа в училище, я предавался своим мыслям и даже не заметил, как ко мне подошел начальник училища Яков Александрович Оганезов. Его

вопрос заставил меня очнуться. «Генацвале бичико (дорогой мальчик), почему не уехал к родителям?» - спросил начальник. Я тут же встал со скамейки и честно сказал, что у меня нет денег на билет. Тогда он поинтересовался сколько стоит билет. Я назвал сумму. Яков Александрович похлопал меня по-отцовски по плечу и вынул из кармана бумажник. Достал деньги, протянул мне и сказал: «Вот, бери и езжай. Ты своей дисциплиной и учебой это заслужил». Конечно, я опешил и не решился протянуть за деньгами свою руку. Но Яков Александрович добавил: «Бери, а когда будешь служить на флоте и зарабатывать, тогда и вернешь мне долг». У меня из глаз невольно покатались слезы. Я взял деньги, тут же побежал на вокзал и купил билет на первый поезд, уходящий в Москву. Прошли годы, но я до сих пор вспоминаю тот случай. Позже я узнал, что точно также Яков Александрович поступил и с некоторыми другими мальчишками. Несомненно, этот человек был не только нашим начальником, строгим воспитателем, но и, прямо скажу, нашим добрым и внимательным отцом.

Итак, в один прекрасный солнечный день я уселся на свободное место у окна в общем вагоне. Поезд медленно тронулся. Меня никто не провожал. Я смотрел в окно и думал о втором родном доме — мореходке и Якове Александровиче Оганезове. Он мне сделал большой подарок, благодаря ему, я еду домой. В вагоне я гордо сидел, одетый в курсантскую форму с иголочки, рядом лежала бескозырка, на ленточке которой золотом переливались слова «Батумское мореходное училище».

Два дня и две ночи в мыслях о встрече с малой родиной проскочили быстро. И вот диспетчер объявляет: «Поезд Батуми — Цхалтубо — Москва прибывает к столице нашей Родины — городу Москва». Вновь передо мной раскинулась площадь Курского вокзала. Я поспешил узнать об отправлении поезда на Зуевку. Город Зуевка был большой узловой станцией, осуществ-

лявшей как смену машинистов, так и паровозов. Через неё шли все поезда в направлении Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Мой поезд прибыл в Зуевку около шести часов утра. Подхватив свои скромные пожитки, а также красивый платок для мамы, я буквально побежал к отчому дому. Возле калитки остановился, тихо прошел во двор и настойчиво постучал в стекло оконной рамы. Моя мама приоткрыла занавеску, ойкнула и тут же выбежала на крылечко. И вот я уже стою перед ней в красивой морской форме. Из-под бескозырки на расстоянии двух пальцев от бровей, как и положено по уставу, выглядывают волнистые локоны.

В этот момент я был похож на морского витезя, по крайней мере мне так хотелось. Мама повела меня в дом, который я два три года назад тоже помогал строить. Все всколыхнулись: на ногах оказалась сестра Мария, ее муж Петр и их сынишка Саша. Во время завтрака я не уставал говорить о море, мореходке, о моих друзьях — курсантах. Мама сидела и все время плакала, повторяя, что ее слезы — от великой радости, ведь она вновь увидела своего младшенького, сына Колюшку. Вот так искренне, очень по-русски прошла наша встреча в семейном кругу.

Несколько часов спустя я пошел к брату Сергею. И в его семье мне был оказан самый радушный прием, отчего на душе моей стало особенно тепло. Я уже не снимал свою морскую форму, в ней я себе казался совсем взрослым, хотя и было мне тогда всего шестнадцать лет.

Я не скрывал своего превосходства над другими мальчишками. По небольшому городку ходил гордо, выпячивая грудь и клешами заметая пыль с грязных от дождей мостовых. Конечно же, навестил свою школу, но поскольку на дворе стоял август, она оказалась на замке.

На каникулах у меня было много свободного времени, и я часто прогуливался по городку. Чувствовал, как мне вслед обо-

рачиваются не только мальчишки, но и взрослые. Слышал, что удивлялись, говоря: «Ну надо же, такой маленький, а уже служит на флоте».

Как-то в один из вечеров я отправился на железнодорожную станцию – самое людное место нашего городка. Около нее располагалась танцевальная площадка, куда я и решил заглянуть. Купил билет, стоил он тогда двадцать копеек, и вошел. Молодежи было много. Танцы проходили под магнитофонную запись. Часто объявляли танго, вальс и фокстрот, редко – русские пляски. Все почему-то, и я тоже, отдавали предпочтение танго. Заметив, что на меня направлены любопытные взгляды местных девушек в возрасте от пятнадцати до семнадцати лет, я почувствовал искреннее удовлетворение. Выбрал одну из них и пригласил на танец. Мы познакомились. Оказалось, что зовут ее Алей. Мне она как-то сразу очень понравилась, может быть оттого, что это был мой первый танец, а она – первая девушка, которую я пригласил.

Танцевал я и с другими девушками, но именно Аля меня больше всех заинтересовала. Поэтому, как и положено «бывалому мореходу», я решил проводить ее до дома. Жила она на одной из крайних улиц нашего городка. Освещения не было, и мы шли в потемках – она впереди, а я сзади. Тротуар был деревянный и узкий, поэтому идти рядом не представлялось возможным. На обратном пути я еле отыскал дорогу к своему дому, а мама уже ждала меня у калитки.

Больше я с Алей не встречался, так как считал, что в этом нет какой-либо для меня необходимости. Правда, на танцы я приходил еще несколько раз. Этого хотела мама. Она тоже приходила, но стояла у решетки танцплощадки, наблюдая за мной. Конечно, она очень радовалась, что ее сыночек вырос, одет в красивую морскую форму, и на него обращают пристальное внимание девушки. Парни тоже разглядывали меня. Кто-то

делал это из любопытства, а кто-то из зависти или ревности к своим местным подругам.

Однажды я побывал в своей родной деревеньке, но к великому сожалению там уже никто не жил. То тут, то там стояли почерневшие срубы. На месте бывших домов образовался бурьян. Кругом стояла такая тишина, что от нее становилось грустно и одиноко.

Я прошелся по знакомым с детства местам, заглянул в соседние деревни, которые, к сожалению тоже обезлюдели. На пути мне встречались колхозники, старики и дети. Взгляды всех были печальными. Русская деревня на глазах приходила в упадок. Было время, которое я в свои шестнадцать лет еще не осознавал. Не понимал я и того, что действия Никиты Хрущева и его окружения, в первую очередь, нанесли жестокий удар по русской глубинке, по русскому народу.

Каникулы подходили к концу, и я начал собираться в обратную дорогу.

Моя дорогая мама, прощаясь со мной, попросила, чтобы я оставил ей свою тельняшку. Спустя годы, я узнал, что она хранила ее под своей подушкой. Соседкам же говорила, что, ложась каждую ночь спать, ощущала запах тела своего любимого младшенького рядом с собой. Тельняшка и ее запах согревал маме душу и сердце, ей становилось легче.

13. ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОРЕХОДКУ

Незаметно пролетели летние каникулы, и вот я вновь прохожу по солнечным улицам, бульварам и скверам Батуми. Мне кажется, что с городом я сроднился, он мне стал близким, дорогим и родным. Все в нем было мне мило, особенно пальмы,

магнолии, кипарисы и многочисленные цветы. Не скрою, Батуми в те годы был сказочно красивым городом, особенно его старая часть. По словам местных жителей, он был построен греками, позже им владели турки. И, конечно же, архитектура, планировка внешнего облика Батуми отражали национальный колорит этих народов.

Мореходка бурлила веселыми разговорами, пересказами различных историй, встреч и расставаний. Лица друзей светились улыбками. Оказалось, что мы успели соскучиться и были рады встрече друг с другом. Не поверите, но разговоры о проведении летних каникул не умолкали практически до нового года. Часто после уроков группа курсантов из трех-пяти человек собиралась в укромном местечке сквера, чтобы вновь и вновь слушать те же истории и приключения, но уже в других более ярких красках. Интересно было слушать своих друзей, но не менее интересным было рассказывать о том или другом эпизоде пережитом самим.

Вернувшись с каникул, мы, конечно же, заметили бритых и одетых в робу совсем юных мальчишек. Это были курсанты первого курса. Нам они казались какими-то угловатыми, без строевой выправки, бледными и не совсем веселыми. В свою очередь, мы заметно повзрослели, можно сказать заматерели.

Начались занятия, и вся наша жизнь вновь обрела ранее установленный порядок. Утром подъем, физическая зарядка, купание в море, завтрак, построение на занятия и шесть уроков каждый день. А вечером самоподготовка в учебном классе, вечерняя прогулка, поверка, отбой и сон до утра.

Ничего не изменилось, если не считать, что каждый из нас стал курсантом второго года обучения. И на правом рукаве наших парадных фланелевок появилась еще одна лычка.

В течение первого года и, особенно во время производственной практики мы как-то незаметно перезнакомились друг с дру-

гом и подружились. В моей учебной группе, а вернее сказать курсантском взводе четвертой роты судомеханического отделения, было тридцать человек. Все мы жили в одном кубрике.

Со мной учились ребята из многих республик, краев и областей Советского Союза. Часть из них были воспитанниками детдомов, не имевшими родителей. Были в группе и местные грузины, для которых стал русский язык родным языком. По национальному составу группа была крайне разнообразна. Были среди нас русские и грузины, осетины, азербайджанцы и армяне, украинцы, узбеки, киргизы, татары и два еврея, один из которых был родом из Одессы, а другой — из города Ессентуки. О том, что они евреи, я узнал только на пятом году обучения.

Необходимо сказать, что проблем, связанных с национальной принадлежностью, не было абсолютно. Советская идеология базировалась на принципах интернационализма. В СССР многочисленные нации и национальности составляли один народ — советский. Такое восприятие этого вопроса лежало в основе нашего воспитания. Ведь прошло каких-то семь-восемь лет, как закончилась война, во время которой на защиту рубежей своей Родины встал грудью единый советский народ. Война опалила каждую семью, многие из курсантов, познали горечь утраты. И эта единая боль нас необыкновенно сплачивала.

Воспитание в духе интернационализма предполагало умалчивание некоторых исторических фактов. В частности, и в учебниках по истории СССР не упоминалось о предательстве народов и чеченцев, ингушей, крымских татар и калмыков, вступивших в войну на стороне фашистов. И только спустя многие годы, когда уже служили на флотах, мы узнали, что за их дела эти народы выслались в Сибирь и Среднюю Азию.

Как же так, наши деды, отцы и старшие братья сложили свои головы за Родину, а они, предатели, сражались на сторо-

не фашистов?! Я и сейчас убежден в правоте подобного наказания, ибо за свои дела и поступки в ответе все.

Учеба поглощала практически все наше время, у каждого из нас была необъяснимая жажда получения знаний. Вероятно, на это оказали влияние прошедшая Великая отечественная война, ужасный голод 1946–1947 годов, и, конечно же, послевоенная разруха в стране, когда всем хотелось поскорее заново отстроить наше государство.

На втором курсе у нас появились новые учебные дисциплины: двигатели внутреннего сгорания, паровые силовые установки, эксплуатация морских портов и другие специальные предметы.

Двигатели внутреннего сгорания нам преподавал Вальтер Чантуриа, бывший курсант Батумской мореходки и выпускник Одесского высшего мореходного училища. Это был достаточно корректный с юмором грузин, который приходил на занятия в морской форме и слыл строгим педагогом. Он был старше нас лет на десять. Относились курсанты к нему с большим уважением и чувством признательности.

Не менее интересными для нас были и другие педагоги, превосходно читавшие свои курсы и отдавшие многие годы служению на море. Хотел бы назвать их фамилии, ибо имена многих мы не знали и не могли знать лишь по той причине, что обращались к ним не иначе как: «товарищ преподаватель...» или «товарищ капитан второго ранга». Мегафринов, Татевосян, Фарбер, Арутюнов и многие другие – все они оставили след в сердце каждого из нас.

Курсанты относились к учебе очень серьезно и практически все своевременно и успешно сдавали экзамены. Конечно, были и отстающие, чаще всего из числа батумцев. За слабую дисциплину и халатное отношение к обучению их

отчисляли из числа курсантов мореходки, что, надо отметить, случалось крайне редко.

В нашем взводе из Батуми были Гваришвили, Кабак, Макаренко, Кибальчич, Габараев, Эристави, Елкин и некоторые другие ребята. Я до сих пор не понимаю, но почему-то ходить в гости к нашим батумским однокашникам не было принято. Так было до нас, так было и после нас. Вероятнее всего нам всем в училище было гораздо комфортнее проводить свободное время.

Когда в Батуми стояла теплая и солнечная погода, то каждый из нас свой досуг проводил либо в сквере училища, либо тайком пролезая через решетки забора на берег моря. И такие «походы» были для нас, пожалуй, более увлекательными. Окунуться в морской воде, понаблюдать за медузами, позагорать на берегу – это доставляло сказочное удовольствие. По первому звуку горна или удару рынды мы опрометью бежали к училищу и тут же становились в строй, успевая вовремя ответить «Есть». Благо море находилось в двухстах метрах от территории нашего училища. Пишу об этом чистосердечно, а куда денешься, если это было правдой.

Конечно, если кто-то «попадал на крючок» командиров училища за подобные нарушения нас непременно наказывали. В частности, лишали увольнительных в город, ставили в ночные караулы, отправляли на кухню чистить картошку. Были и другие более серьезные наказания. Например, особо злостных нарушителей заставляли чистить уборные (гальюны). Такой труд многих из нас отрезвлял, но, к сожалению, не останавливал от желания искупаться в море. Виновные также были обязаны в ночное время подметать пол в кубрике и помещениях роты, натирать паркет мастикой. Так нас воспитывали, приучая к дисциплине и прививая трудовые навыки. Все

навыки, полученные за годы обучения, пригодились нам не только на флоте, но и на всю оставшуюся жизнь.

Через годы и расстояния, когда пишешь эти строки, испытываешь желание все до мелочей вспомнить и описать. Но, увы, многое как-то незаметно уходит из памяти. Другие моменты, наоборот, обостряются. Так или иначе, события из жизни курсантов излагаю так, как они воспринимались шестнадцатилетней мальчишкой.

14. ПРОГУЛКА КУРСАНТОВ ПО ГОРОДУ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯМ

Каждую субботу после окончания уроков и обеда свободные от дежурства курсанты подлежали увольнению в город.

Не скрою, все испытывали некоторое возбуждение в ожидании этого момента. Всем очень хотелось погулять по улицам, паркам и скверам города Батуми.

К увольнению в город тщательно готовились, при этом с особенным трепетом относились к форменной одежде. Сразу же после обеда, в этот день «мертвого» часа не бывало, каждый из нас приходил в баталерку. До сих пор не знаю, почему она называлась именно так, а не иначе. В ней в течение недели хранилась наша парадная (выходная) форма одежды. Баталером был курсант, который ранее, до поступления в мореходку числился воспитанником училища. Чаще всего воспитанниками числились мальчишки, прибывшие из детских домов и не сдавшие вступительные экзамены. Им разрешалось сдавать экзамены на следующий год. Воспитанники мореходки в количестве от десяти до пятнадцати мальчишек были также по-

ставлены на довольствие. Каждому из них выдавалась форма и одежда, и жили они в отдельном помещении. Все они были, как правило, музыкантами и числились в составе музыкального взвода мореходки.

Вот и наш баталер по имени Слава, будучи воспитанником, отвечал за сохранность не только нашей парадной формы, но и личных вещей.

Получив свою форму, курсанты готовили ее к выходу в город. Тщательно гладили брюки, фланелевку и гюйс, до блеска начищали бляху на ремне и, конечно же, ботинки. Почему-то парадные ботинки все курсанты, по установившейся традиции, называли «корочками», а брюки — «клешами». На стол в кубрике стелили одеяло, на него — простынь, находили кусок марли и приступали к глажке одежды. Затем аккуратно надевали форму, стараясь не садиться, чтобы не помять, и долго стояли перед зеркалом, любясь собой.

Вскоре раздавался звук горна, означавший, что всем подлежащим увольнению необходимо немедленно выходить на построение. Дежурный по мореходке офицер отдавал команду: «Первая шеренга, два шага вперед!». Он обходил шеренгу с обеих сторон, внимательно рассматривая, наш внешний вид. Затем переходил ко второй шеренге курсантского взвода. После такой проверки помощник дежурного, а это, как правило, был курсант старшего курса обучения, каждому из нас выдавал увольнительную записку. В ней четко указывались дата, час увольнения, а также время возвращения, обязательно не позднее 23 часов. Как только процедура осмотра и выдачи увольнительных заканчивалась, дежурным офицером отдавалась команда: «Кругом! Направо! Шагом марш в увольнение!». Строй четким и уверенным шагом подходил к предварительно открытым воротам училища, и курсанты выходили за территорию. Как только учащиеся оказывались за пределами училища,

строй, словно карточный домик, моментально распадался. В эти секунды каждый из нас чувствовал, что он свободен — нет командира взвода, командира роты, далеко позади остался дежурный офицер, нет занятий в классах. И это ощущение нас окрыляло, придавало бодрости и уверенности в себе.

Мы разбивались на группки по интересам, по три-пять человек, и шли по заранее запланированному маршруту. В нашу группу, по сложившейся традиции, входили, кроме меня, В.Постников, В.Скачков, Н.Болеев и Е.Невокрещев. Все мы были практически одногодками, с разницей в один-два года, и имели схожие интересы.

Вначале мы направлялись в Пионерский парк, практически примыкающий к училищу. В нем находилось красивое пресноводное озеро, на котором у причала всегда стоял белоснежный двухпалубный пароходик. Взяв на свой борт малышей в возрасте от трех до десяти лет, пароходик делал круг по озеру. Затем брал другую группу малышей, и маршрут повторялся. Вокруг озера была асфальтирована дорожка, по обеим сторонам которой росли пальмы, кипарисы, магнолии, тополя и другие красивые южные деревья. В глубине парка росли многочисленные кусты гортензии разных цветов. Они источали замечательный запах и имели форму крупных шаров с лепестками. Парк был огорожен со всех сторон, за ним ухаживали, отчего он всегда выглядел сказочно красивым.

В двух шагах от озера стоял небольшой домик, в котором продавалось мороженое. Наверх вела лесенка на смотровую площадку. Вся наша группа покупала мороженое, а затем поднималась на площадку, откуда открывался чудесный вид на парк. Сферой основных наших интересов были юные девушки, вот мы с высоты и наблюдали за ними. Обсуждали тех, которые больше других нравились, однако девушками серьезно никто из нашей группы не увлекался.

Погоуляв по парку и обогнув пару раз озеро, мы подходили к главному выходу из парка. Его украшали величавые белые колонны, и стоящие на постаменте бюсты И.Сталина и, если не ошибаюсь, В.Чкалова. Перед нами расстилался проспект им. Сталина — прямая и достаточно широкая улица, утопающая в зелени деревьев и пестрящая цветами на балконах домов. Проспект упирался в Батумский драматический театр, рядом с которым находился местный цирк.

Проходя по проспекту И. Сталина, мы всегда непременно заходили в буфет и с удовольствием покупали себе аджарские хачапури. Мне казалось, что более вкусного блюда чем хачапури я никогда не пробовал. Из печи на противне вынималась обычная лепешка, в центре которой золотились расплавленный сыр, яйцо и масло. Мы осторожно отламывали горячие кусочки, обмакивали их в сырной масее и с аппетитом уплетали. Хачапури были не только вкусными, но и очень сытными. В очередной раз отметив, что аджарские хачапури гораздо вкуснее грузинских, мы продолжали наш путь по городу. Подходили к улице Ленина, примыкающей к проспекту Сталина, и гуляли по ней то в сторону железнодорожного вокзала, то в сторону Приморского бульвара.

К шести-семи часам вечера на улицу Ленина, как нам казалось, выходил весь город. В основном это была молодежь. Симпатичные грузины и грузинки гуляли, тихо разговаривая между собой. Когда мы уставали, то шли к Приморскому бульвару, садились на скамейку и продолжали наблюдать за горожанами. То тут, то там мелькали и наши коллеги — курсанты. Многих из них мы уже знали, некоторые были еще не знакомыми.

Далее наш путь лежал к Батумскому морскому вокзалу, где мы подолгу рассматривали корабли, стоявшие у многочисленных причалов порта. Одни из них разгружались, другие стояли на ближнем рейде. Были здесь и иностранные суда, прибыв-

шие из Турции, Греции, Италии и др. Различали их, как правило, по государственным флагам и портам приписки, которые красовались на корме каждого корабля. Мы активно обсуждали, какое судно является более привлекательным, и на каких кораблях нам в недалеком будущем придется ходить в далекие моря и океаны.

От морского вокзала вновь шли в сторону Приморского бульвара. Прогуливающих становилось все меньше, народ расходился по домам отдыхать после трудовой недели.

И вот мы все в том же составе не спеша идем по Приморскому бульвару в сторону мореходки. Становится уже темно, слева стоят высокие южные деревья, а справа слышится равномерный шум морского прибоя. Волна бьется о берег и нам понятно, что очередной корабль отправился в путешествие или экспедицию.

Уставшие, но счастливые мы возвращаемся в родные пенаты, в нашу милую и любимую мореходку. Докладываем дежурному офицеру, что такие-то курсанты вернулись из увольнения без каких-либо замечаний. Офицер, выслушав рапорт, внимательно смотрит на часы, берет в руки увольнительную и командует: «Кругом, марш на отдых!». Ровно в двадцать три часа раздается сигнал к отбою. Главные ворота закрываются на замок, командиры рот или их заместители рапортуют дежурному офицеру, что все курсанты на месте и готовятся ко сну.

Однако полученные во время увольнения впечатления не оставляют курсантов равнодушными. Многие из них, лежа в своих кроватях, еще долго обсуждают, как прошел день. И, уже засыпая, радуются, что завтра воскресенье и можно поспать подольше, поскольку не надо спешить на занятия. Успокоившись и помечтав о возможном увольнении на завтра, мы сладко засыпаем. Во сне мы видим город, пальмы, море, корабли и красивых грузинских девушек...

15. СПОРТ В КУРСАНТСКОЙ ЖИЗНИ

Кроме учебы и прогулок по городу курсанты любили и ценили спорт. Практически каждый из нас был приписан к той или иной спортивной секции. Кто-то занимался борьбой, кто-то плаванием, кто-то греблей. Были и такие, которые отдавали предпочтение стрельбе, волейболу или легкой атлетике. Но больше всего нам нравился футбол.

Футбольная команда мореходки слыла одной из лучших в Аджарии, занимая всегда призовые места. Футболистов ценили, уважали, любили и по-своему боготворили. Им даже прощали некоторые недочеты во время сдачи экзаменов, контрольных и других проверочных работ. Каждого члена футбольной команды в училище знали в лицо. Чаще всего футболистами становились курсанты грузинских отделений.

Когда они выступали на различных соревнованиях, будь то первенство города, первенство Аджарии или рядовые матчи с местными командами, на игры приходили все, кто мог. Результатами игр, а они были поистине феноменальными, гордились все, особенно начальник нашего училища Яков Александрович Оганезов. Кстате победы в футбольных матчах помогали в разрешении тех или иных проблем. Эта команда была своеобразным символом мореходного училища, и ее авторитет год от года укреплялся. Каждый футболист, чувствуя пристальное внимание к себе гордился этим. Курсанты же училища каждый забитый мяч в ворота противника многократно обсуждали и даже высказывали какие-то замечания или пожелания. Такие дискуссии продолжались по нескольку вечеров к ряду каждый раз после футбольной игры. Что греха таить, курсанты футболистов боготворили, а местные девушки мечтали с ними познакомиться и дружить. Вот такая была у нас фут-

больная команда, не знавшая поражений ни в Батуми, ни в республике в целом.

Пожалуй, не менее авторитетной была и наша команда по вольной борьбе, которая также комплектовалась в основном курсантами-грузинами. Например, имя Вано Купаташвили не сходило с уст каждого курсанта, каждого жителя города. Не меньшим авторитетом пользовался и входивший в команду борцов мореходки Алексей Фролкин из числа русских курсантов, На борьбу ребят в спортивных залах любо было посмотреть. Когда судья поднимал руку нашего борца, все аплодировали стоя и кричали «Браво!» с русским и грузинским акцентами.

Такие соревнования вносили борцовский дух в каждого из нас. Посмотреть на красивых парней, имеющих стройные мускулистые фигуры, было больше чем удовольствие, это было гордостью за своих, типа - знай наших.

В перерывах между занятиями, во время обеда или ужина не умолкали разговоры и споры о прошедших состязаниях.

Справедливости ради следует отметить и нашу команду легкоатлетов. Курсанты ее составляющие так же считались элитой мореходки. На них любовались, с них брали пример, ими гордились, их превозносили, с ними хотели дружить и проводить свободное время. Легкоатлеты, как футболисты и борцы, практически не знали поражений. Если мне не изменяет память, то Ю.Волобуев был в числе тех, кого в Аджарии, да и в Грузии в целом знала каждая семья.

Не меньшей популярностью пользовалась и команда гребцов на шестивесельных ялах и каноэ. Героем команды гребцов на каноэ был Иван Чабанов, уроженец Белоруссии. Со страниц газет не сходила его фамилия, о нем писали, о нем много говорили, его уважали и по-своему любили. Наша команда гребцов делала большие переходы, включая Батуми – Поты и Батуми – Сухуми. Почти на всех этапах соревнований наши

славные гребцы одерживали победы и возвращались в мореходку с высоко поднятым победным флагом.

Хорошо выступала и наша многочисленная команда пловцов, которая также часто входила в состав призеров региональных соревнований.

Наверное, я был бы не прав, если бы не упомянул команду гимнастов. Одним из самых великолепных спортсменов в этом виде спорта был наш курсант, В.Тананайских родом из Сибири. Его выступления привлекали всех болельщиков, присутствующих на соревнованиях гимнастов. Именно он, а не кто иной, стоял на самых высоких ступеньках пьедестала.

Свои профессиональные качества демонстрировала и наша стрелковая команда, которая мастерски владела стрельбой, как из винтовки, так и из пистолета. Такому увлечению способствовал и тир, находящийся в Пионерском парке. Именно туда каждый из нас во время увольнения часто захаживал и тренировался в стрельбе из малокалиберной винтовки. Иногда мы даже устраивали негласные соревнования, кто и сколько раз поразит мишени, стреляя прямо в «яблочко». Победителю покупали мороженое за счет проигравших, а иногда даже угощали аджарскими хачапури.

Упомяну еще об одном спортивном увлечении наших курсантов. Дело в том, что в мореходке училась большая группа латышей, переведенных из Рижского мореходного училища. Это были рослые парни спортивного телосложения, которые вели достаточно замкнутый образ жизни. Они мало с кем общались, разговаривали между собой на родном латышском языке, и все как один увлекались баскетболом. Вот этот вид спорта, благодаря латышским курсантам, и был поставлен в мореходке на определенную высоту. Наши баскетболисты часто участвовали в первенстве Грузии, ездили на общесоюзные соревнования.

Не уступала мастерству спортсменов и команда волейболистов. Ее прославленным лидером был нападающий А.Оклянский. Волейболисты мореходки слыли грозой любой команды города, будь то средняя школа, профессионально-техническое училище, Батумский нефтеперерабатывающий завод (БНЗ) или любая другая организация. Молодые курсанты брали с них пример, пытаясь постичь технику этой замечательной игры.

Наверно поэтому самым зрелищным мероприятием в училище становилось перетягивание каната, которое устраивали между взводами разных рот. Однако самым большим удовольствием для курсантов была возможность самим поучаствовать в соревнованиях. В коллективной схватке сходились грузинские и русские курсанты. Результаты были переменными – то русские парни перетянут, то грузинские. Но никаких обид или споров между нами после этого не возникало, наоборот, такие соревнования нас еще больше сближали между собой.

Такое общение было на пользу и русским, и грузинам, ведь мы, русские, с его помощью еще лучше осваивали грузинский язык, в дискуссиях нередко переходя с одного языка на другой. И грузинским курсантам, особенно тем, кто приехал с горных селений, как будущим штурманам и капитанам судов заграничного плавания необходимо было глубже проникать в культуру русской речи.

Несомненно, спорт сближал каждого из нас и создавал более благоприятные условия для дружбы между русскими и грузинскими курсантами. Не могу вспомнить ни одного случая, повлекшего за собой конфликт на национальный почве. Да, были и конфликты, и споры, и драки, но все они возникали по пустякам, а чаще всего из-за девочек. В целом русские и грузинские курсанты мирно уживались между собой, а многие даже дружили семьями. Что касается меня, то я тепло и сердечно подружился с Шотой Долидзе. Он жил рядом с море-

ходкой и часто приглашал меня к себе в гости. Сидя за столом с его родителями, мы делились своими воспоминаниями, взглядами на будущее. Это была настоящая человеческая дружба, дружба молодых юношей – грузина и русского. Шота не только помогал мне изучать грузинский язык, но и в случае необходимости, помогал с честью выходить из различных бытовых ситуаций. Он как бы взял надо мной шефство и свято выполнял его, я же платил ему вниманием и чисто русской добротой и милосердием.

16. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУРСАНТОВ И ТАНЦЕВАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРА

Замечательным событием в жизни курсантов было участие в различных видах художественной самодеятельности. Благодаря тому, что в училище старались развивать различные направления творческой активности курсантов, номера, создаваемые нами к праздникам, выглядели весьма прилично с эстетической точки зрения.

Одним из таких направлений было участие большинства курсантов в танцевальных кружках. Самым важным каждый из нас считал научиться «отбивать» чечетку. Ведь именно она входила в компоненту морских плясок под известным названием «Яблочко». Считалось, что курсант, не умеющий выразить себя через чечетку, не состоится как моряк. Поэтому редкие свободные часы в спортивном зале, аудиториях или караульных помещениях учащиеся оттачивали мастерство чечеточников. Этому искусству в училище отдавалось особое предпочтение, и курсанты из года в год раскрывали тонкости овладения им своим последователям. Такая традиция суще-

ствовала много лет, ею гордились и учащиеся, и офицеры, и вольнонаемные сотрудники.

Не менее популярным увлечением курсантов были балльные танцы. Они развивали слух, умение двигаться под музыку, держать ровно спину. Во время репетиций курсанты вставали в пары друг с другом, поэтому приходилось заучивать как мужские, так и женские партии. Самым серьезным образом относились к этому увлечению своих воспитанников преподаватели. Они всегда подчеркивали, как важно будущему офицеру быть галантным, иметь прекрасную осанку и уметь управлять своим телом, ссылались при этом на вековые традиции кадетов, гимназистов и офицеров многих поколений российской армии.

Важное внимание уделялось и хоровому пению курсантов. Разученные на занятиях песни о море, моряках и их службе учащиеся с удовольствием исполняли, сидя вечерами в одном из кубриков. Были среди участников нашего хора и свои доморощенные солисты. Например, курсант гидротехнического отделения, батумец Алик Кержневский. Когда он пел, его красивый и звучный голос слышался практически во всех помещениях главного и единственного корпуса училища. Алик пользовался уважением еще и потому что учился на отлично, поведением обладал достойным и всегда был внимательным ко всем, кто его окружал.

Были среди нас и прирожденные актеры, игравшие на импровизированной сцене комедийные миниатюры о быте, учебе и досуге курсантов. Сюжеты для своих постановок они находили в реальной жизни учащихся, подмечая особенности нашего общения между собой, наблюдая за ответами у доски и итогами успеваемости. Когда мы смотрели комедии на сцене, удивлялись, насколько все выглядело жизненным и реальным. Курсанты-актеры обладали удивительной сметливостью, иногда даже импровизировали, что еще в большей степени подчеркивало их тонкое чувство юмора.

Еще одним направлением нашего творчества было художественное чтение. Обладавшие четким голосом и умением с воодушевлением читать стихи, а иногда и прозу, очень сильно воздействовали на наше сознание. Эти курсанты во время своих выступлений как бы перевоплощались в авторов строк и вели нас в мир красоты и гармонии русского слова.

Участие в художественной самодеятельности со стороны командования училища приветствовалось и всячески поощрялось. И надо сказать, что курсантов такое отношение воодушевляло и даже помогало преуспевать в учебе, строевой и боевой подготовке.

Конечно, было приятно видеть, как шестнадцати-двадцатилетние парни с удовольствием пытаются выразить себя посредством различных видов искусства.

Во время репетиций в актовом зале собирались свободные от выполнения различных обязанностей курсанты русских и грузинских отделений, поскольку любой учащийся при желании мог участвовать в смотрах художественной самодеятельности. Правда, грузинами тогда мы называли всех, чью национальную принадлежность нам трудно было определить. Среди них были аджарцы, турки, грузинские евреи – те, у кого грузинский язык был родным. Но в свои юные годы мы никогда не выясняли, кто есть кто. Все ребята делились на русские и грузинские группы курсантов, и этого было вполне достаточно. На таком подходе строились наши национальные отношения.

Возвращаясь к грузинским курсантам, хочу сказать, что они с большим энтузиазмом принимали участие практически во всех кружках художественной самодеятельности. Их темпераментный грузинский танец «Лезгинка», когда курсанты переодевшись в горские национальные костюмы выходили на курсантскую публику. И пели грузинские курсанты красиво, мелодично и, как-то, по-особому, торжественно и величаво. Было приятно смотреть на своих коллег, товарищей и друзей.

Конечно же, мы все радовались успехам друг друга, каждой встрече с исполнителями и часто по-доброму спорили и выясняли, кто же лучше танцевал, пел, читал стихи или играл на гармонии, аккордеоне, баяне, гитаре. Жили мы все вместе и руководствовались единым правилом — о том, что училище — одна большая многонациональная семья, в которой тепло, душевно и мирно.

В праздничные дни 7 ноября, Новый год, 23 февраля, Первомай, день Победы и др. — проводились, как правило, торжественные вечера. На них приходили все курсанты, а также офицеры училища, вольнонаемные со своими членами семьи. На первых рядах сидели представители командования училища и обязательно наш начальник Яков Александрович Оганезов.

Все кружки художественной самодеятельности тщательно готовились к таким мероприятиям, отрабатывая во время репетиций свои «коронные» номера.

А время им выделяли за счет несения дежурств, выполнения хозяйственных работ и т.д.

И вот начинался праздник. На сцене появлялся хор и его незаменимый солист Алик Кержневский. Далее шли выступления танцевальных коллективов. Курсанты русских отделений отплясывали «Чечетку» и «Яблочко», грузинских — всеми нами любимую «Лезгинку», во время которой только ленивый не приотпывал в такт музыке и не пришепывал слово «Асса». Позже появлялись чтецы, музыканты, борцы, демонстрирующие свое мастерство в упражнениях с гириями, штангами и пр.

Пожалуй, самым замечательным на сцене было появление женского грузинского танцевального коллектива. Это было настоящим событием, которое очень согревало наши трепетные молодые сердца и души. Мы во все глаза смотрели на девушек пятнадцати-семнадцати лет, с длинными ниже пояса косами, одетых в белые платья и национальные сапожки.

Девушки, как белые лебеди на пруду, буквально «плавали» по сцене, демонстрируя свои гибкие девичьи станы. От этого еще больше щемило душу, сердце и тело каждого курсанта. Ох, уж эти грузиночки, как же они нам досаждали, и как они нам нравились! Слов нет, чтобы описать все те чувства в своем повествовании. Годы взросления и самоутверждения проявлялось наше внутреннее отношение к противоположному полу.росло желание более тесно общаться с девушками. Что тут поделаешь — природа брала свое. И хоть не каждый из нас это понимал, зато подсознательно осознавали все.

Девушки приходили к нам из подшефных средних общеобразовательных школ. Надо сказать, что женские школы боролись за право выступать на сцене Батумской мореходки. И, конечно, их представительницы с большим удовольствием приезжали к нам. Кроме танцев девушки пели, читали стихи, играли на различных инструментах, используя во время своих выступлений исключительно русский язык.

Пожалуй, самыми желаемыми для курсантов были редкие субботние вечера, посвященные только танцам. Их все учащиеся от первокурсников до выпускников всегда ожидали с большим нетерпением и готовились к ним по всем канонам морского устава. Рано утром, кто как мог, гладили форму, начищали пуговицы и бляхи на ремнях, чистили ботинки, бескозырку. Приводили в порядок свой внешний вид — кто-то брился, кто-то подстригался, кто-то душился одеколоном, а кто-то подолгу красовался перед зеркалом. Подготовка к танцевальному вечеру заканчивалась только перед его началом.

В такой вечер практически никто не хотел увольняться в город, поскольку танцы в зале училища были не частым явлением. Но самое главное было то, что на них приглашались очень красивые и совсем юные девчонки. Их-то и ждали с большим нетерпением наши курсанты. Как хотелось каждому из

нас покрасоваться в морской форме перед девушками, потанцевать с ними, познакомиться, а потом проводить домой!

Обычно небольшими стайками девчонки прибывали к центральному входу. Их встречали дежурный офицер и его помощники — курсанты, говорили им теплые слова и каждую в отдельности провожали в зал. Для этой цели в стороне всегда стояла группа курсантов, которая выполняла функции встречающих и провожающих. Такая церемония была очень приятная и для курсантов, и для девчонок.

В положенный час танцевальный зал заполнялся молодежью. В одном конце стояла большая группа курсантов, а в другой — небольшая группа девчонок. Стояли молча, шептались между собой, улыбались и бросали взгляды друг на друга. Курсанты в отутюженной морской форме, чистых и ярких тельняшках, гладко выбритые, в до блеска вычищенных ботинках готовились к атакам на девичью половину зала.

Вот заиграла музыка, в рупоре раздались звуки вальса, и молодые сердцееды спокойно и степенно стали подходить к гордо стоящим девушкам. Зал мгновенно превратился в какую-то невиданную ранее карусель. Девчонки в светлых нарядных платьях и красивых туфельках, положив одну руку на плечо партнера, с широко открытыми глазами закружились в танце. Молодые люди, нежно обхватив своих подруг за тоненькие талии, плавно вели их по залу. Танец заканчивался и курсанты, покрасневшие от волнения, но с радостными лицами, провожали девушек на их территорию зала. Проходили томительные секунды ожидания, и вновь играла музыка. Вальс-бостон сменялся Танго. Постепенно в зале возникало броуновское движение. В той стороне, где стояли девушки, появлялись курсанты. Они стояли и улыбались, размахивали руками, рассказывая короткие небылицы о морских путешествиях. Радостными и счастливыми были лица девушек. Им было приятно разговаривать с

курсантами. Завязывалась дружба, запоминались домашние номера телефонов и адреса девчонок и, конечно же, их имена, особенности внешности и душевного состояния.

Танцевальный вечер был в разгаре, менялись партнеры и партнерши. Каждый определял для себя того или ту, что оставили неизгладимые чувства пусть от коротких, но ярких и памятных танцев.

Часто танцы заканчивались со стороны курсантов морской пляской «Яблочко», девчонки же демонстрировали искусство темпераментной «Лезгинки». Но это уже был девичий вариант танца, и в круг чаще всего становились девушки — грузинки. Постепенно к ним подключались и курсанты — грузины. От их совместного исполнения танец еще больше впечатлял и надолго оставался в нашей памяти.

По традиции, неизвестно кем придуманной, вечер танцев заканчивался веселой и шутливой пляской «Краковяк».

А затем наступали грустные минуты, связанные с расставанием с подругами. Дело в том, что вечер танцев заканчивался поздно, и курсантам в это время увольнение уже не полагалось. Разрешалось увольнение с ночлегом только курсантам — батумцам. Вот они, наши друзья, и провожали девушек по их адресам. Конечно, некоторых девушек встречали их старшие братья или родители, некоторые небольшими группами разбегались по городу самостоятельно.

После таких вечеров мы подолгу не могли уснуть, так как произошедшее приводило нас в сильное волнение. Прежде всего, обменивались впечатлениями о девушках, которые больше всех запомнились.

17. ДОСУГ КУРСАНТОВ

Иногда, не смотря на занятость учебой, всевозможными дежурствами и хозяйственной работой, у курсантов появлялось свободное время. Как правило, это были предпраздничные и праздничные дни, а также дни зимних и летних каникул. Их курсанты любили посвящать изучению окрестностей города. Особенное внимание уделяли Зеленому мысу, расположенному в нескольких автобусных остановках от центра Батуми.

Зеленый мыс – уникальная сокровищница субтропических деревьев, кустарников и цветов. Полагаю, что это было единственное место в СССР, где произрастала флора практически всех континентов мира. Мне, как человеку далекому от биологической терминологии, трудно описать все многообразие растений, представленных на данной территории. Несомненно одно – Зеленый мыс является заповедной зоной и любимым парком отдыха и прогулок не только батумцев, но и всех тех, кто бывал в городе. И словно обязательный ритуал для приезжих – посетить уникальный уголок природы и насладиться его невиданными красотами, запахами экзотических кустарников и дикорастущих цветов. В то время по парку вели асфальтированные дорожки, в некоторых местах грунт покрывался морской галькой, отчего там всегда было сухо, чисто и красиво. Вокруг на разные голоса пели птицы, то здесь, то там встречались удивительной красоты насекомые и звери.

Теперь, я думаю, понятно, почему в свободное время курсанты всеми правдами и неправдами оказывались в этом замечательном месте. Расположившись на скамейке или под развесистым деревом, курсанты вели тихие и душевные беседы, наслаждаясь солнцем, голубым небом и ароматным запахом цветов. Такая мирная идиллия располагала нас к созерцатель-

ным мечтам. Будущие моряки представляли себя путешествующими по континентам мира. Вот мы находимся в джунглях Амазонии, оттуда попадаем на берега Индийского океана, а потом оказываемся в африканских пустынях. Эти фантазии как-то по особому согревали душу, а романтический настрой заставлял сильнее взяться за учебу. Хотелось многое узнать, многому научиться, стать специалистом с большой буквы и быть полезным Советскому государству и советскому народу. В процессе становления характеров курсантов патриотизм, любовь к Родине, гордость за Красный флаг, омытый кровью наших дедов, отцов и старших братьев, всегда играли главенствующую роль.

С возвышенностей парка «Зеленый мыс» хорошо просматривался город Батуми и, особенно, тихое, спокойное и серовато-голубое, покрытое небольшой дымкой наше Черное море. Глядя на него, всегда становилось радостно на душе, и, зачарованные его красотой, мы могли молча часами стоять, наблюдая за кораблями, медленно проплывающими по морской глади.

Помимо Зеленого мыса курсантов неудержимо тянуло в величавые Кавказские горы, окружающие Батуми с противоположной стороны Черного моря. И первое, что мы сделали, оказавшись там, – посетили достаточно высоко расположенную крепость Георгия Саокадзе. Там сразу почувствовали эпоху средневековья, время, когда грузины героически сражались против своих врагов. Жаль только, что Советская власть не всегда хранила историческую память своих народов. Но мы, курсанты Батумской мореходки, оценили крепость по достоинству. Облазили ее стены, побывали в обветшалых подвалах и укрепбойницах. Все в крепости напоминало о древней истории героического и гордого грузинского народа, его воинах, царях и князьях. Мы рассуждали о судьбе Грузии, пытались вычислить годы правления Георгия Саокадзе, царицы Тама-

ры, князей Эривани и других, оставивших неизгладимый след в истории этой республики. К сожалению, точных дат, фамилий, имен, званий, сословий и много чего еще мы не знали. Историю Грузии нам не читали, а в учебнике по истории СССР об этом никаких сведений не было.

Из окна мореходки нам казалось, что гора и расположенная на ней крепость находятся совсем рядом. Но это оказалось не так. Много сил, сноровки и умения нам потребовалось, чтобы забраться на вершину горы. А когда вскарабкались на стены древней крепости, нам показалось, что мы совершили какой-то подвиг. Каждый мысленно представлял себя рыцарем Георгия Соакадзе, сражавшимся рядом с ним за свободу и независимость Грузии и отбивавшим нападки со стороны турок, персов и других народов.

После походов в горы, посещения древних грузинских крепостей, расположенных в ближайших районах города, мы чувствовали себя первооткрывателями. Свои ощущения от увиденного старались передать другим курсантам, чтобы разжечь в них желание поучаствовать в подобных походах. И потом часто, сидя на уроках, устремляли взоры на горные хребты, где испытывали неповторимые впечатления. Обо всем пережитом писали в письмах своим родителям, друзьям и подругам.

Не скрою и того, что курсанты изредка тайком пробирались в мандариновые сады, чтобы полакомиться сочными мандаринами. Именно в Аджарии в окрестностях города Батуми на склонах гор в больших количествах произрастали эти, как нам тогда казалось, безумно вкусные плоды.

Действовать приходилось ночью, но не это нас смущало. Главная проблема состояла в том, чтобы не спугнуть сторожа и его собаку. Сторож был вооружен ружьем, а кавказские овчарки были нам хорошо известны из рассказов наших же грузинских курсантов. В этом случае два или три учащихся подходили

к грозному блюстителю порядка и жаловались ему на то, что заблудились из-за очень быстро наступившей темноты. На юге этот природный феномен нам сложно было объяснить. Вероятнее всего, солнце заходило за горы, и сразу же вступала в свои права южная ночь. В группу отвлекающих, как правило, входил грузин, поскольку многие сторожа слабо владели русским языком. Они, не спеша, допытывались, как и каким образом выйти на дорогу, ведущую в город, не забывая при этом вставлять в завязавшийся диалог различные морские небылицы. Разумеется, заветную тропинку в горах мы еще загодя изучили и знали все ее повороты. Разговор получался веселым, и сторож был необычайно рад такой «случайной» встрече. Однако собака чувствовала присутствие курсантов в другом конце сада и пыталась подавать знаки хозяину, на которые он, к счастью, не реагировал.

А в это время остальные курсанты в кромешной тьме на ощупь собирали мандарины и складывали в свои фланелевки. Сигнальный свист означал, что урожай наконец-таки собран. Рассказчики морских историй тепло прощались со сторожем, благодаря его мысленно за оказанную услугу.

Возвращались с таких «прогулок» поздно ночью, преодолевая высокий каменный забор со стороны Пионерского парка. Курсанты знали о том, что верхняя часть забора обработана битым стеклом и залита гудроном, поэтому заранее продумывали маршруты возвращения в родные пенаты. Часто в ближайших кустах прятали старое одеяло или шинель, которые в нужный момент забрасывали на забор и использовали в качестве подстилки. Тогда же один из нас, в целях конспирации, отходил в сторону от места штурма и бросал через забор какие-нибудь шумные предметы, тем самым отвлекая часового курсанта, охранявшего территорию училища. Одним словом, действовали с учетом всех канонических операций при

пересечении минных полей и противопехотных заграждений. О тактике ведения боя и проведения войсковой разведки в ночных условиях нам подробно рассказывали на занятиях по военно-морской подготовке. Вот мы на практике и применяли теорию, и, надо сказать, она нас никогда не подводила.

Находчивость курсантов не знала границ. Может быть, это было мальчишеством и желанием поиграть с опасностью, но каждый из нас проявлял самые настоящие бойцовские качества и смекалку. Бывало после занятий, вместо того чтобы отдохнуть во время мертвого часа», мы отправлясь на пляж. Во время жары как никогда хотелось окунуться в море. Раздевшись до пояса, курсанты осторожно пролезали через решетку забора и направлялись в сторону моря. Расклад был прост: если кто-то из офицеров или дежурных училища и заметит нас, то решит, что это городские ребята идут гурьбой на пляж. Вдоволь накупавшись и нанырвавшись, мы тем же путем возвращались в училище, зная, что по времени вот-вот раздадутся звуки горна для построения. И «пляжники», заметьте, никогда не опаздывали.

Были и другие увлечения у курсантов. Так, многие из нас любили посещать в субботние или воскресные дни вечера танцев, которые проводились в Батумском доме офицеров. Там собирались молодые армейские и флотские офицеры, батумская «элитная» молодежь, и приглашались девушки, правда, совсем не те, что приходили на вечера в мореходку. Девушки, посещавшие Дом Офицеров, как правило, были работницами местных фабрик и заводов или ученицами профессионально-технических училищ, обучающимися по профессиям повар, кондитер, швея-мотористка, контролер, кассир и прочим. Они запросто со всеми общались и с большим удовольствием знакомились с нами — курсантами. Большинство из них были озабочены желанием выйти замуж и непременно за моряка даль-

него плавания. Именно к этой категории потенциальных мужей мы и относились.

Дружба с этими девушками завязывалась здесь же. Однако жизнь показала, что редкий курсант выбирал в невесты девушку, посещавшую Дом офицеров. Раскрепощенность девушек с производства многих курсантов увлекала. С ними было просто и хорошо, но существовало что-то, что не позволяло по отношению к ним строить планы на будущее. С такими девушками чаще всего имели отношения более взрослые курсанты. По правилам приема в училище зачислялись молодые люди в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти лет. Многие из ребят постарше уже по несколько лет плавали на кораблях в качестве матросов, мотористов или кочегаров. Некоторые даже успевали закончить двухгодичные мореходные школы Одессы, Мурманска, Владивостока и других приморских городов. Такие курсанты чаще всего верховодили нами, подростками, они же были нашими первыми учителями-практиками. Рассказы старших товарищей о реальной морской службе увлекали молодых курсантов. Многие из них становились нашими кумирами, мы старались с них брать пример. Ходили вразвалочку, носили брюки-клеш, бескозырку одевали на макушку, гюйсы отмачивали хлоркой. Все это, как нам казалось, подчеркивало, что мы бывалые мореходы и нам море по колено. Уж очень хотелось молодым окунуться в реальную морскую жизнь, побывать в далеких зарубежных странах. Я, например, мечтал увидеть папуасов и негров, о которых только читал в книгах.

Много чего еще случалось с нами за годы учебы. Одно скажу, — это были самые приятные годы; память до сих пор хранит и образы друзей однокашников, и мельчайшие подробности наших приключений, и потрясающие уроки дорогих сердцу преподавателей.

18. КУРСАНТСКАЯ ЖИЗНЬ ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Почти пятьсот курсантов мореходки объединяло чувство гордости за то, что все мы являлись воспитанниками столь уважаемого учебного заведения.

Ранее я отмечал, что русские и грузинские подразделения, как правило, размещались на разных этажах главного корпуса. Занятия также проходили в разных аудиториях. И первые два года грузинские курсанты обучались на своем родном языке. А после введения специализированных дисциплин – по штурманскому делу, корабельному хозяйству – переходили на русский, поскольку преподаватели, в основном, были русскими или русскоговорящими – греки, армяне, евреи, украинцы и др. Специалисты своего дела, многие из них отдали службе на флоте по двадцать, а иногда и по тридцать лет.

Русские и грузинские курсанты жили в мире и согласии. Конечно, были иногда и ссоры, но не на национальной основе. Чаще разногласия возникали на бытовом уровне, например, при решении вопросов о том, кто должен натирать мастикой пол в коридоре роты или идти помогать поварам на кухне. В целом же все мы были единой дружной семьей и вместе мечтали о службе и славе морской.

Дружба и взаимопонимание между русскими и грузинскими ротами не раз проверялись в критических ситуациях. Речь идет о тех ситуациях, когда курсантам мореходки приходилось отстаивать свою честь и достоинство. Нечего греха таить, во время увольнений в город происходили столкновения курсантов с местными парнями. И как результат, возникала драка между ними. Причин тому было предостаточно. Например, кто-то кого-то оскорбил по-грузински или по-русски. Вот они, горячие юношеские сердца, и закипали. Один бьет другого в

челюсть. Сразу же образуется толпа, сбегаются курсанты, находящиеся в увольнении, и местные парни. В такие моменты коллективная драка становилась неизбежной.

Город был небольшим, курсанты гуляли, как правило, по его главным улицам. И если как по семафору передавалась информация «Полундра, наших бьют!», сбегались все, кто носит или носил курсантскую форму, включая военных моряков. Драка становилась массовой. Куча зевак окружала поле сражения.

Иногда кто-либо из местных жителей, у кого был телефон в квартире, звонил дежурному училища и сообщал, что в таком-то районе города бьют курсантов. Дежурный волей-неволей выпускал эту новость в курсантскую среду. И вот тогда наш гнев, как снежный ком обрушившийся с гор, моментально превращался в бурное море. Курсанты, кто в парадной форме, кто в робе, кто в брюках и тельняшке, выскакивали за ограду училища и устремлялись в город к месту предполагаемой драки.

Картина была не для робких. Можно себе представить как толпа из двухсот, а иногда и трехсот курсантов, в полураздетом виде с ремнями в руках врывается в толпу дерущихся. При этом страдали все: и тот, кто дрался, и тот, кто стоял рядом и просто глазел. Ориентир был один – если усатый молодой парень, то его надо бить и бить грубо, жестоко, с каким-то непонятным звериным натиском. Исход поединка бывал различный: или курсанты отступали, или городские парни.

После такого «Куликова поля» все молча зализывали раны, не спеша возвращаясь в училище. Искали лазейки для входа на территорию и также молча расходились по своим кубрикам.

Нет сомнения в том, что командование училища принимало адекватные меры к виновным, то есть зачинщикам подобной «смуты». Чаще всего это были различные наказания, включая дисциплинарное взыскание и запрет на увольнение в суббота и воскресные дни.

Спустя дни и даже недели курсанты, участвовавшие в «сражении», обсуждали, кто и как проявил свои бойцовские качества. Дискуссий, разговоров о «подвигах» тех или иных ребят разворачивалось более чем предостаточно. Так среди нас появлялись новые герои, которых чтили, уважали и с которыми хотели дружить.

В драках с местными принимали участие и грузинские курсанты, из-за солидарности и гордости за мореходку. Честь мундира, а тем более курсантской формы всегда была на высоте. Их присутствие зачастую снижало накал борьбы; батумцы узнавали своих, тем самым драки часто заканчивались полюбовно, как бы без обиды друг на друга.

Были и более крутые случаи. Если по училищу разносилась молва, что бьют русских курсантов, все русские роты как по тревоге выбегали в город. И всех, кто попадался на пути в усах, били, принимая их за грузин. Как правило, это относилось к молодым парням.

После таких «прогулок» в город без увольнительных командование училища принимало более решительные меры. Многих курсантов вызывали в кабинеты для разбора, а иногда даже приезжали работники милиции для составления актов о произошедших событиях.

Надо быть справедливым и сказать, что подобные схватки происходили нечасто, но все же имели место в нашей жизни. Хотел бы также отметить, что на отношения русских и грузинских курсантов они влияния не имели.

Недоразумения между представителями этих двух национальностей все же случались. Но они, как правило, протекали без особых осложнений и быстро предотвращались. Так по пустякам иногда возникают перепалки и в конкретных семьях. В молодых же жилах течет горячая кровь, и юность всегда настроена максималистски. Вот и формирование парней, оде-

тых в морскую форму и волею судьбы оказавшихся вдали от своей малой родины, не могло протекать гладко.

Своеобразные ситуации возникали с нашими курсантами и при посещении танцевальных площадок, городских пляжей, скверов и парков. Но здесь им способствовали уже другие причины, чаще всего связанные с прекрасным полом. Кто-то с кем-то не поделил подругу, а она, не решаясь сделать выбор, встречалась и с тем, и с другим. В результате крупных разборок морская дружба побеждала, а подруга оставалась ни с чем. И как это традиционно принято на Кавказе, с такой девушкой впоследствии мало кто дружил и встречался. В наши годы проституток не было, но поведение некоторых молодых особ не соответствовало принятым в то время общественным нормам. И здесь справедливости ради надо сказать, что упомянутое выше относилось, в основном, к русскоговорящим девушкам, прибывшим на предприятия города из многочисленных республик Советского Союза.

Жизнь курсантов была полна разнообразных событий и мероприятий. Взять хотя бы практически ежевечерние прогулки строем по городским улицам на сон грядущий. За час до отбоя курсанты выходили на построение, а затем с песней шли по ближайшим от училища улицам. Песни в нашем репертуаре были, как правило, морские, бравурные и очень веселые. Представьте картину: по асфальту марширует рота со своей песней, а на соседней улице другая рота затягивает свою песню «о жизни большой, о службе морской». Конечно, в эти часы город не спал, ведь населению наши прогулки очень нравились. Еще бы! Кто не захочет посмотреть на курсантскую роту из четырех взводов, численностью сто человек, где все поют?! Это зрелище замечательное!

Любили курсанты различные шутки и забавы. Ну что тут можно поделывать — молодость есть молодость, ей нужны спе-

цифические развлечения. И еще, мы находились в том возрасте, когда постоянно хочется кушать и спать. Часть курсантов очень любили поспать, и даже громкие разговоры и смех в кубрике не могли разбудить их. И вот однажды ребята решили подшутить над одним из них не совсем обычным способом. Взяли два кусочка газеты, вложили их между пальцами ног курсанта и подожгли. Когда загорелся огонь, парень стал метаться по кровати, не понимая, что же с ним происходит. Потом нервно задергал ногами, вскочил как очумелый не в силах что-либо сообразить. И в этот момент раздался гром курсантского хохота, полный доброго злорадства. Чудесная картина! Курсант стоит в одних трусах и все еще не может понять, почему друзья так смеются, что даже хватаются от хохота за свои животы. Потом он, конечно, замечает обуглившуюся между пальцами ног газету и вместе с остальными хохочет до слез.

Командиром нашей роты в то время был хороший армеец, участник Великой Отечественной войны капитан Кладов. Его курсанты уважали, но имели определенные претензии относительно его иезуитского отношения к службе. По мелочам, хотя зачастую вполне справедливо, он придирался к каждому курсанту.

Как-то раз, сговорившись между собой, учащиеся решили немного подшутить над капитаном. Он знал, что один из курсантов его роты очень любит поспать и никогда не выходит на утреннюю физзарядку. И вот когда в очередной раз утром к нему подошел дежурный по роте и доложил о том, что курсант не хочет вставать с постели, капитан мгновенно отреагировал и прибежал в кубрик. «Товарищ курсант, подъем!», — закричал он. Реакция нулевая. Курсант лежит, накрывшись с головой одеялом, не шелохнется.

Кто-то из курсантов предложил капитану пригласить дежурного горниста и барабанщика. А надо сказать, что он, под-

нимая курсанта с постели, всегда только отдавал команды, но никогда не дотрагивался до него руками. Это был его принцип, и курсанты, зная это, воспользовались ситуацией.

И вот, к кровати подходят горнист и барабанщик, по команде капитана раздался звук горна и бой барабана. Курсант продолжает лежать не реагируя. Капитан в ярости с силой сдернул с курсанта одеяло. О, ужас! Вместо курсанта под одеялом лежали шинель, бушлат и другие аккуратно сложенные вещи. Курсанты со злорадством захохотали, кто как мог. С тех пор капитан во многом изменился, что-то в нем произошло, и он стал более добрым и человечным.

Случались и другие оригинальные истории. Однажды один из курсантов оделся в гражданский костюм, что строго запрещалось, и ушел в самоволку. Спустя несколько часов его обнаружил в городе начальник строевого отдела подполковник Габолаев, слывший оригинальным человеком. По мнению многих, он был якобы контужен во время боевых действий советских войск в Корее против американской агрессии. Подполковник жестами подзывает курсанта, требует его вернуться в училище, а о случившемся доложить майору - командиру роты. Тот, не моргнув глазом, отвечает, что он вовсе не курсант мореходки. Курсантом является его брат-близнец, и их в очередной раз перепутали. Подполковник, уверенный в своей правоте, промолчал и тут же направился в училище проверить, так ли это. Но и курсант был не из «дурачков». Он также быстро добежал до училища, перемахнул через забор. Оказавшись в кубрике, моментально сбросил одежду, надел тельняшку, расправил постель, лег и, изображая тихое похрапывание, закрыл глаза. Через полчаса в сопровождении дежурного офицера вошел подполковник и уверенно направился к кровати курсанта. Каково же было его удивление, когда он обнаружил в постели мирно спящего парня. Подполковник долго стоял молча, а потом, что-то проговорив про себя, — вероятно, вспомнив войну в Корее, — медленно вышел из кубрика.

Подобных случаев могу перечислить множество. Однако все они не были злобными и лишь вносили определенную разрядку в однообразие жизни учащихся. Позже эти истории обрастали всевозможными небылицами и передавались из поколения в поколение молодым курсантам.

19. ПЕРВОЕ МОРСКОЕ ПЛАВАНИЕ

Заканчивался второй год обучения, и согласно учебному плану курсантам предстояло пройти первую плавательную практику на судах Черноморского пароходства, которую те ожидали с большим нетерпением. К предстоящему испытанию готовились не только курсанты, но и преподаватели, отвечающие за прохождение практики на кораблях.

Наконец, наступил долгожданный день. Учащиеся с вещами прибыли на морской вокзал города Батуми. У причала стоял белоснежный пассажирский теплоход, на носу которого было написано «Грузия». В машинном отделении этого судна нам и предстояла двухмесячная практика. По трапу мы поднялись на борт теплохода. Нас встретили вахтенные матросы и штурман. Они отвели нас на корму корабля, а затем спустились вместе с нами в огромный кубрик. Там стояло множество деревянных двухъярусных кроватей. На многих из них уже лежали молодые моряки. Как потом выяснилось, это были курсанты судомеханического отделения мореходного училища им. Седова из Ростова-на-Дону, прибывшие на «Грузию» за несколько дней до нашего приезда. К этой группе присоединились и мы, курсанты судомеханического отделения Батумского мореходного училища. Мы все сразу перезнакомились и быстро подружились. Каждому из нас было тогда от семнад-

цати до двадцати лет. Мы были молоды, здоровы и задорны и уже научились ценить морскую дружбу и взаимовыручку. А любовь к шуткам и розыгрышам, как оказалось, была свойственна не только нам, но и морякам постарше.

Вскоре нас пригласили в корабельную столовую. Я с большим удовольствием уселся в кресло, указанное мне одним из матросов. Он даже подал мне кашу, хлеб с маслом и чай, так что я с большим аппетитом приступил к завтраку. Не заметил, как ко мне со спины подошел дюжий моряк ростом под два метра и весом около ста пятидесяти килограммов. Может быть, я и преувеличиваю его размеры, может быть так мне показалось с испугу в тот момент, когда «бугай» взял меня за шкирку, высоко приподнял и шлепнул об пол, приговаривая: «Не смей кому бы то ни было занимать место боцмана». Вот тут я понял, что надо мной жестоко подшутили. Со стороны это, вероятно, выглядело очень смешно. Вес-то у меня был не более пятидесяти килограммов, и ростом я был не более полутора метров. Все моряки и курсанты, присутствующие на завтраке, со смеха хватались за животы и до слез смеялись. Мне же было не до смеха. Очень болела шея и, конечно же, пятая точка, на которую я приземлился после «объятий» боцмана.

Так началась моя морская служба на кораблях Черноморского пароходства. И с тех пор, где бы я ни служил, на каких кораблях не плавал, я всегда интересовался, чье место занимаю. Кстати, этот урок я усвоил и на всю дальнейшую жизнь, будь это флот, армия или гражданка.

После завтрака нас пригласили на верхнюю палубу, где ознакомили с распорядком дня, условиями прохождения практики и проведения свободного от вахты времени. Запомнилось одно — нам не рекомендовали посещать салоны, каюты и помещения пассажиров корабля, а также бассейн «Грузии». Однако курсанты оказались более чем находчивыми и каким-то образом умудрялись обходить все запреты.

На борту, кроме экипажа из более чем двухсот человек, всегда присутствовали не менее четырехсот пассажиров. Теплоход «Грузия» совершал плавание с заходом во все черноморские порты. И в свободное от вахты время у курсантов была возможность вместе с пассажирами посещать те города, куда заходил наш корабль, — Батуми, Поти, Сухуми, Сочи, Новороссийск, Евпатория, Севастополь и, наконец, Одесса. А затем тем же курсом в обратном направлении.

Уже на второй день нас пригласили в машинное отделение — сердце любого корабля. Спускались по трапу медленно, крепко держась за поручни. Ранее нам было трудно представить, каково же оно — машинное отделение современного судна. Наконец, увидев его, все ахнули разом. Главные двигатели, а их было два, достигали высоты трехэтажного дома. Рядом располагалось множество насосов, труб, клапанов, фильтров и много чего еще. Двигатели надежно работали, приводя в движение другие механизмы, так что создавалась картина жизни могучего организма. Все кругом шумело, клочотало, вздыхало, скрипело, свистело. И первоначально это формировало грустно-настороженное впечатление. Проходя мимо механизмов, каждый из нас боялся зацепиться за них, подскользнуться и упасть. В отделении было очень скользко от топлива, масла и необыкновенно жарко от тепла, выделяемого двигателями. Мотористы, машинисты и кочегары работали раздетыми. Их лица, руки и спины блестели от пота при тусклом электрическом освещении. Действовали они спокойно, слаженно и уверенно. Перед главным двигателем у основного пульта управления стоял вахтенный судовой механик. Именно он реагировал на сигналы штурманской рубки, когда надо было увеличить или уменьшить обороты двигателей, а также отработать стоп левый или активизировать правый двигатель. Несомненно, управлять машинным отделением достаточно сложно, и теперь нам предстояло освоить это муд-

ренное ремесло. А для начала необходимо было выполнять любую работу по требованию ремонтного механика, который непосредственно отвечал за устранение всех неполадок, возникающих в этом отделении. Всем нам, кто спустился на вахту, а нас было не менее десяти курсантов, он выдал по обычной тряпке и обязал начищать все механизмы до блеска.

Каждая последующая вахта требовала от нас другой работы. Например, приходилось проверять работу судовых трубопроводов, а также приводить их в надлежащий вид, используя все ту же тряпку, а, вернее, ветошь. Работали мы и в тоннеле гребных валов (правый и левый двигатель). Там было прохладно, и курсанты с удовлетворением натирали подшипники и проверяли их смазку. Правда, в этом отсеке многие чувствовали себя немного жутковато, уж очень низко располагались гребные валы и, соответственно, днище корабля — 8-10 метров под водой. В кочегарке изучали все, что связано с паровыми котлами. Курсанты были обязаны знать схему расположения паровых трубопроводов, для чего зарисовывали в своих тетрадах, куда и откуда идут трубы, и где находятся на них те или иные многочисленные клапаны. Практиковались мы и в токарных мастерских «Грузии», где вытачивали необходимые для ремонта детали — шайбы, гайки, стержни и многое другое.

Приобретя элементарные навыки, мы стали вставать на вахту. Каждому из нас вменялась в обязанность та или иная работа, требующая еще больше знаний и самостоятельности. Вахта приносила нам удовлетворение, и мы гордились своей ролью на судне. Да и уважение со стороны членов экипажа становилось все больше. А как же иначе, ведь вчерашние курсанты теперь несли службу в машинном отделении наравне с бывалыми мореходами. Собираясь в кубрике, новоиспеченные вахтенные часто дискутировали и спорили о работе тех или иных механизмов, что доставляло им несказанное удоволь-

ствие и заставляло с еще большим энтузиазмом осваивать тонкости профессии.

Обо всем увиденном, услышанном и испытанном мы писали в своих дневниках. Это были своеобразные отчеты о практике на море.

Наряду с освоением морского дела нас радовало и посещение незнакомых ранее морских портов. В частности, нас поразили город Сухуми и особенно обезьянник, у которого мы могли простаивать часами, наблюдая за ловкими действиями мартышек. Забавно было смотреть на них, ведь таких чудесных зверушек мы не встречали нигде. Большой след в нашей памяти оставила и Ялта. Побывали мы в ее Ботаническом саду, поднимались на ялтинские возвышенности и любовались морем, голубым и спокойным. До сих пор перед нашими глазами, хоть и прошло уже много лет, стоит город-герой Севастополь и его достопримечательности: бухты Северная и Инкерман, Графская пристань, Нахимовский проспект. Но главная жемчужина Черноморья – город Одесса – открылась для меня во всей своей красе, благодаря случаю.

Будучи в рейсе, я иногда посещал судовой бассейн, предназначенный в основном для пассажиров. Как-то получилось, что во время купания я познакомился с четырнадцатилетним пареньком Евгением. Он, в свою очередь, познакомил меня со своей мамой и старшей сестрой Аллой девятнадцати лет. Это была достаточно красивая голубоглазая блондинка с красивой фигурой и тонкой талией. Она носила длинную косу ниже пояса, была улыбчивой и обаятельной в беседе со мной. Алла рассказала, что раньше их семья жила во Владивостоке, что отец их генерал. Сейчас же, в связи с переводом отца в Одесский военный округ, они переехали в этот замечательный город. Она увлеченно и с какой-то теплотой и любовью рассказывала о достоинствах Одессы, а также пообещала, что непременно по-

кажет мне её. В порту мама разрешила Алле сойти на берег вместе со мной, хорошо, что у меня в запасе было восемь часов времени до следующей вахты. Прежде всего, Алла повела меня к Потемкинской лестнице и заставила считать ее ступеньки. Их было не то сто семьдесят шесть, не то сто восемьдесят. Впоследствии, сколько бы я ни считал ступеньки, а посещал я Одессу неоднократно, у меня всегда выходило разное количество.

Потом мы направились на Дерибасовскую улицу – легенду города Одессы, а оттуда в сад Уточкина. Далее наш путь лежал по Пушкинской улице. От Оперного театра мы, не спеша, дошли до Одесского железнодорожного вокзала. Недалеко от него и жила Алла вместе со своими родителями. Оказалось, что она была студенткой телефонно-телеграфного отделения Одесского государственного института связи и дружила с курсантами Одесского высшего мореходного училища. От этой информации мне стало грустно, но девушка мне нравилась, поэтому я ни о чем больше не стал ее расспрашивать.

Вскоре наш корабль с новыми пассажирами на борту отправился в обратный рейс. Курсанты продолжали стоять на вахте по четыре часа через каждые восемь часов. Также знакомились с юными пассажирками, обменивались с ними адресами, обещая непременно писать. Гуляли по набережным городов, их скверам и паркам. Здесь хочу заметить, что не очень понравился нам город Новороссийск, так как весь он был в цементной пыли. Даже сесть на скамейку не представлялось возможным, – брюки тут же становились белыми. Листья деревьев едва трепетали под тяжестью пыли. И море всегда было серое, хмурое и неприветливое.

Теплоход «Грузия», а вместе с ним и курсанты Батумской мореходки совершили около десяти рейсов. Практика приближалась к концу, а нам предстояло составить отчет о ее прохождении и подготовиться к отъезду на летние каникулы.

Первая практика оказала неизгладимое впечатление на каждого из нас. Мы уже чувствовали себя настоящими моряками, часто рассказывая друзьям и знакомым разные истории, даже те, которых вовсе не было. Умение «травить» анекдоты и всевозможные небылицы высоко ценилось среди моряков. Это своеобразное искусство было присуще многим представителям профессии, и в этом они находили ценность и радость жизни.

20. МОРСКАЯ ПРАКТИКА НА СУДАХ ЗАГРАНПЛАВАНИЯ

Каникулы закончились быстро. Курсанты вовремя прибыли из родных мест. Настроение у всех было приподнятое, лица многих округлились от маминых пирогов. Также быстро включились в учебный процесс и, со знанием дела, продолжали изучать двигатели внутреннего сгорания, судовые паровые котлы и другие корабельные механизмы. Только теперь каждый из нас уже имел полное представление о реальном корабельном устройстве и, конечно же, часто щеголял этим знанием, особенно перед первокурсниками.

Учебный год пролетел незаметно, и нам вновь представилась возможность выйти в рейс. Однако на этот раз мы должны были выйти в море на грузовых кораблях, берущих курс на разные континенты и материки. Заранее были получены заграничные паспорта, на которых рядом с фотографией проставлялся отпечаток большого пальца правой руки их обладателей. В те годы только советские моряки имели такие своеобразные паспорта. На одном из пассажирских теплоходов – не то «Украина», не то «Победа» – курсанты прибыли в отдел кадров Черноморского пароходства.

Нас временно расселили в экипаже Одесского мореходного училища, а уже через несколько дней все курсанты были рассредоточены по различным судам. Я и несколько других курсантов были направлены на пассажирский теплоход «Крым», курсировавший между портами Одесса – Константа (Румыния) – Варна (Болгария) – Дуррес (Албания). Нас поселили в каютах для членов экипажа, а на следующий день включили в штатное расписание для прохождения практики в машинном отделении. Спустившись в него, мы обнаружили, что основным и единственным двигателем судна является двигатель немецкой фирмы «Зульцер». Машина, по оценке специалистов, достаточно надежная, но с ограниченным числом оборотов, влияющих на общую скорость теплохода. По сравнению с «Грузией» теплоход «Крым» был гораздо меньше по водоизмещению и количеству пассажиров на нем.

Первым заграничным портом, в котором бросил якорь наш корабль, стала Константа. Свободные от вахты курсанты и члены экипажа вышли побродить по улицам города. Надо признать, что нас Константа ничем не обрадовала, но несколько удивила. К нам, советским морякам, подходили какие-то подозрительные личности и предлагали различные товары: одежду, обувь, парфюмерию и др. Мы, может быть, и приобрели бы что-нибудь, но у нас денег было, как говорится, кот наплакал. На свои средства мы могли купить только мороженое.

Пройдясь по городу туда и обратно, мы возвратились на борт нашего теплохода. Собрались вместе, посудачили об увиденном и единодушно согласились, что Одесса и другие советские города лучше Константы. К тому же и местные жители нам не пришлись по душе. Румыны есть румыны, рассуждали мы, уж очень они схожи с советскими цыганами. Им бы только подешевле купить, а потом подороже продать. Увы, с нами

провернуть сделку им не удалось — у нас не было румынских лей. В целом, о посещении Румынии у моряков особого впечатления не сложилось. Правда, об этом нам говорили еще в Одессе.

Вскоре на горизонте появился болгарский порт Варна. Пришвартовались к причалу быстро, и вновь все пассажиры и свободные от вахты моряки отправились в город посмотреть на его красоты. Варна нам очень понравилась, приглянулись нам и горожане, похожие больше на турок, чем на славян. Курсанты знали, что Турция многие годы владела Болгарией, отчего и произошло смешение кровей. Но язык болгарам удалось сохранить, и мы, хоть и сносно, могли говорить с ними на различные темы о жизни, культуре и нравах двух наших народов.

Между вахтами и во время прогулок по Константе и Варне мы познакомились со многими пассажирами. Было начало лета, и основными пассажирами теплохода являлись студенты и курсанты советских высших и средних учебных заведений. В частности, мы познакомились с курсантами Горьковского военного училища, которые шли на нашем теплоходе в Албанию. Таких молодых людей было очень много, они сходили и поднимались на борт в каждом порту. Ребята и девчата достаточно бегло говорили на русском языке, и мы быстро нашли с ними взаимопонимание.

Ко всем иностранцам, обучающимся в СССР, мы относились с большим уважением и стремились оказывать им всяческую поддержку и посильную помощь. В те годы проводилась политика интернационализма, и ее принимали практически безоговорочно все люди, включая, конечно же, и иностранных граждан.

Среди студентов-албанцев была одна миловидная девушка по имени Люмтури Капо. Ее отец являлся одним из секретарей ЦК Компартии Албании, а сама она училась на филоло-

гическом отделении Московского педагогического института им. Ленина, хорошо владела русским языком. Люмтури очень много интересного поведала мне об Албании, ее народе, традициях и идеалах. Девушкой она была откровенной и очень доброжелательной. Между нами возникло полное взаимопонимание, и мы решили обменяться адресами. Правда, мне больше нравилась ее албанская подруга, с которой я тоже с удовольствием завязал бы переписку, но, к сожалению, она слабо разговаривала на русском языке, я же албанского языка и вовсе не знал.

И вот мы уже пришвартовываемся в албанском порту Дуррес. Наш теплоход встречали горожане с криками радости от предстоящей встречи с близкими и друзьями. Я попрощался с Люмтури и пообещал, что когда буду в Москве, обязательно ее там найду. Впоследствии так и произошло, и мы действительно вновь встретились.

Получив увольнение на берег, я с друзьями отправился в город для знакомства с его достопримечательностями. Но за территорией порта перед нами открылась довольно унылая действительность. Улочки были узкими и тесными, дома маленькими и неприглядными. Но поразило нас другое. Навстречу курсантам хлынула толпа мальчишек и девчонок в возрасте от шести до десяти лет. Все они были небрежно одеты и как один босоногие. Нам показалось, что они даже немые и очень похожи на советских цыганят. Каждый из них подбегал, протягивал руку и что-то на своем родном языке горячо и быстро говорил. Мы поняли этих детишек, но удовлетворить их просьбу не могли, у нас не было ни советских, ни албанских денег. Нам впору было тоже протянуть руки и просить подавание, глядя на этих малышек. Прошло много лет, но я до сих пор вспоминаю этих босоногих мальчишек и девчонок и все думаю о том, кем же они стали в реальной взрослой жизни.

У нас был с собой фотоаппарат, и мы вместе с малышами сфотографировались. Это фото я до сих пор держу в своем альбоме. Хотя нам было не так много лет, и мы сами провели горькое и босоногое действо, однако вид албанских малышей нас очень взволновал. Мы пошли дальше, а они все еще долго бежали за нами, выпрашивая монетку на пропитание. Я тогда как-то интуитивно понял, что каждый русский человек с большой болью переживает за таких вот босоногих, нищих детей, но, увы, сделать для них ничего не мог.

Потом мы поднялись на холм, стоящий недалеко от центра, и сфотографировались у дворца Энвера Хаджи, одного из албанских царей. Еще немного погуляв по городу, мы вернулись на борт теплохода.

Когда корабль вышел в море, взяв обратный курс на милую для нас Одессу, курсанты вновь проявили активность в знакомстве с пассажирами, которые на этот раз были, в основном, советскими гражданами. Среди них преобладали молодые женщины с детьми, а также статные и brave мужчины. Как выяснилось, что это были члены семей советских военнослужащих, а также офицеры, проходившие службу в Албании в качестве советников и консультантов. В те годы албанская армия была вооружена советским оружием, а его обслуживание и ремонт требовали присутствия большого числа советских специалистов. Советско-албанская дружба набирала силы, о чем свидетельствовали развешанные по улицам плакаты «Албания и СССР – дружба навеки». Вот и советские курсанты прилагали максимум усилий для поддержания братской дружбы между двумя народами.

Удивительное было время, мы были одержимы идеей всем и во всем помогать, не считаясь даже с тем, что многие и в СССР по-прежнему жили впроголодь и ходили в лаптях. Для нас дружба была превыше всего, и это чувство воспитывалось

в советских людях с первой буквы букваря и первого предложения любой книги.

В разговоре, на этот раз уже с советскими гражданами, мы узнали о службе в Албании офицеров Советской Армии, которые в сложных условиях и вдали от Родины честно выполняли свой долг в качестве советников всех родов Албанских вооруженных сил.

Советский Союз строил и укреплял великую державу от Дальнего Востока до Атлантики, от южных границ до Крайнего Севера. И эта цель нами, курсантами, поддерживалась во всех ее многообразных проявлениях.

Надо сказать, что наше пребывание на теплоходе было всецело связано с машинным отделением. Мы, как и другие моряки, исправно несли вахту, участвовали во всех ремонтных работах, связанных с судовыми силовыми установками. Важное внимание уделяли электродвигателям, электрощитам и электрокабелям.

Курсанты, по своей природе, народ любопытный и работающий. Нам всем хотелось все делать своими руками, причем красиво и добротнo. Теоретические знания, приобретенные на уроках и в мастерских училища, нам оказали неоценимую помощь в реальной жизни на флоте. Для углубления в профессию вели дневниковые записи об участии во всех ремонтных работах на судне, записывали информацию о причинах основных поломок и способах их устранения. В нас было заложено большое чувство ответственности под влиянием того факта, что в море не может быть мелочей.

Таким образом, теплоход «Крым» с нами на борту по несколько раз побывал в портах Румынии, Болгарии и Албании. За это время он перевез не менее тысячи румынских, болгарских, албанских и советских граждан. Каждый такой рейс курсантам приносил много сведений об укладах жизни в иност-

ранных государствах и судьбах их граждан, но главное — мы накапливали опыт работы по эксплуатации и ремонту судовых силовых установок.

Вскоре практика окончилась, и курсанты прибыли в отдел кадров Черноморского пароходства для отправки в порт Батуми. А еще какое-то время спустя все мы одновременно прибыли в родное для нас училище. На общем собрании курсанты доложили командованию о результатах прохождения практики. Настроение у всех было хорошее, ибо, во-первых, впереди нас ждал месячный отпуск в родные края, а, во-вторых, приказом начальника училища мы были переведены на четвертый и последний курс обучения.

Как и раньше быстро купили проездные билеты и разъехались из Батуми во все концы великого Советского Союза. Кто-то улетел на Дальний Восток, кто-то в Узбекистан, кто-то в центральные регионы Советского Союза. Многие ребята поездом отправились на Украину, в Белоруссию и Прибалтику. Отпуск есть отпуск, и все мы с большим наслаждением провели его в своих краях со своими родными и друзьями.

21. ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ОБУЧЕНИЯ

Четвертый курс обучения готовил нам не только большие перспективы увидеть мир своими глазами, но и почувствовать грусть расставания со своими друзьями.

Год выдался достаточно напряженным, обучение шло интенсивно по всем учебным дисциплинам. Значительное внимание обращалось на предметы, связанные с ремонтом судовых силовых установок. Эти дисциплины читали нам опытные специалисты, имеющие многолетнюю практику на судоремонтных

заводах Одессы, Новороссийска, Херсона и Николаева. Мы же вникали во все тонкости дела и мечтали как можно быстрее ощутить все собственными руками. Кроме того, мы прошли небольшой курс по военной навигации, корабельной артиллерии и минно-торпедным аппаратам. Не скрою, все, что нам читали, было более чем интересно. Курсанты жадно ловили каждое слово преподавателя, а потом в кабинетах военно-морской подготовки часами осматривали и ощупывали пушки, мины, торпеды, спусковые аппараты, скафандры и многое другое. Интересовало нас и снаряжение морских диверсантов, охотников за кораблями вероятного противника, и техники уничтожения непрошенных гостей в морях и океанах мира.

Надо сказать, у нас, уже взрослых парней, было развито повышенное чувство патриотизма и любви к Родине — Советскому Союзу. Тогда каждый из нас готов был выполнить любой приказ, полученный от своих командиров и начальников. Не скрою, эти чувства курсантам прививались с первого дня обучения. Воспитанию в курсантах бережного отношения к своей стране, своему народу содействовала вся учебно-методическая литература, уставы и наставления, наглядная агитация. А главное, нашими воспитателями были люди, большинство из которых прошли боевыми дорогами Великой Отечественной войны, войны в Корее. Они своим боевым примером, безукоризненной внутренней дисциплиной и красивой военно-морской формой вселяли боевой настрой и бойцовские качества в будущих офицеров Флота СССР. Это были преданные Родине наши старшие товарищи, представители разных национальностей. Их всех объединяло чувство уверенности в правоте своего дела, величия СССР, единения людей всего мира и, конечно же, беззаветной любви к морю, морской службе и ее традициям, морской форме. Все они были представителями великого многонационального советского

народа. Русский язык преподавал еврей Горкин, математику – армянин Миносян, грузинский язык – грузинка Микеладзе, судоремонт – азербайджанец Багиров, историю СССР – еврейка Фарбер, строевое дело – осетин Габулаев, начертательную геометрию – грузин Гордадзе. Были среди них и украинцы, и белорусы, и молдаване, и прибалтийцы.

Последний четвертый курс оказался напряженным как в изучении новых учебных дисциплин, так и в связи с проведением различных образовательных мероприятий. Именно тогда наши курсанты прошли военную стажировку в городе Потти, недалеко от Батуми. В Потти в те годы находилась мощная военно-морская база СССР, а также располагалась бригада войск противовоздушной обороны Флота. Наличие там значительных вооруженных сил диктовалось сложившейся внешнеполитической обстановкой, особенно по линии СССР – Турция. С этим государством у нас были напряженные отношения, что и требовало нашего военного присутствия в этом регионе.

Помню, как впервые появились реактивные самолеты, низко пролетевшие над домами города. Возникло напряженное состояние. Дрожали окна домов, а по телу горожан пробежали мурашки. Громоподобный звук самолетов, по всеобщему мнению, «успокаивал» турецкие агрессивные круги и, конечно же, хорошо охлаждал их воспаленные умы.

Что же касается курсантов, то по решению командования училища мы часто делали марш-броски к турецкой границе. Расстояние было небольшим, от пятнадцати до двадцати километров, и курсанты преодолевали его достаточно спокойно. Марш-броски проводились обычно в ночное время. Боевую задачу нам ставили на серьезном уровне, однако оружие не выдавали. Вот, мол, турецкие подразделения перешли границу и пробиваются к нашему городу. Задача – уничтожить турецкие подразделения или вынудить их покинуть советскую территорию.

Подобные задания укрепляли наш боевой дух и давали ощущение причастности к возможной защите Родины – СССР. Патриотический оптимизм поддерживался и комсомольской организацией, проводившей собрания, диспуты, дискуссии с рассуждениями о величии и славе советского народа. Мы чувствовали себя единым народом и воистину уважали и ценили друг друга. Что же касается возможного неучастия в боевых действиях, то подобное даже в мыслях не возникало. Каждый курсант, вне зависимости от возраста, готов был взять винтовку или автомат и пойти в атаку на любого врага, осмелившегося напасть на СССР.

И это было правдой. Наша любовь к Родине и ее народу была безграничной. Впоследствии беспримерным трудом, боевой славой своих кораблей многие курсанты доказали свою верность и преданность на практике. Погибали, но не сдавались ни врагу, ни морской стихии. Так, сражаясь с пожаром, возникшем на теплоходе «Северная Двина», погиб мой добрый друг и товарищ Коля Болеев. Ему было всего двадцать два года. Он служил в Приморском пароходстве и в критическую минуту до конца выполнил свой долг. Не покинул вахту в машинном отделении и, спасая корабль и пассажиров, погиб, задохнувшись угарным газом. Родом он был из казачьей станицы Дондуковская Краснодарского края. Еще не успел жениться. У него осталась мама, которую он очень любил. Подобных примеров я мог бы привести очень много. Курсанты мореходки, воспитанные в советских традициях, не задумываясь отдавали свои жизни во имя присяги на верность советскому народу. И это были не простые слова, и не пафосные речи. Это было в сознании и сердце каждого моряка от командира флота до курсанта.

Время шло, и вскоре курсантам объявили о начале еще одной практики. На этот раз нас собирались отправить на один

из судоремонтных заводов. Поговаривали, что это будет Новороссийск, Николаев или Херсон.

За несколько дней до отъезда нам огласили приказ, по которому курсанты четвертого курса судомеханического отделения должны были выехать в Баку для прохождения практики на судоремонтных заводах. С Батумского железнодорожного вокзала наш поезд отправился в Тбилиси, где мы должны были пересесть на поезд, следовавший до Баку.

Ехали, как и положено, в общем вагоне. Кроме курсантов в нем не было никого, за исключением сопровождавших офицеров. Утром прибыли на железнодорожный вокзал города Тбилиси. Когда поезд остановился, то все обратили внимание на совершенно свободную платформу. Не было ни одного человека, желающего встретить друзей, товарищей или родных. Такое положение нас обеспокоило. И вот в вагон поднялись представители военного патруля и сообщили офицерам о беспорядках в Тбилиси и ряде других городов Грузии.

Шел 1956 год. Хрущев развенчал И. Сталина, тем самым жестоко обидев самолюбие большинства грузинского народа. Мне трудно сказать, какова была основная причина бунта в Тбилиси, ясно одно — в город были введены войсковые подразделения и объявлен комендантский час.

Нас строем ввели в помещение железнодорожного вокзала и приказали не покидать помещение до особого приказа. Внутренне все мы были напряжены, но вопросов не задавали, приказ выполняли спокойно. Каждому курсанту очень хотелось побывать в Тбилиси, погулять по его главным улицам, но...

Один из нас, будучи русским грузином (отец грузин, а мама русская), переделся в гражданский костюм и отправился на разведку. Вскоре он вернулся обратно и рассказал, что повсюду стоят советские солдаты, по улицам проходят патрули, движение приостановлено, а где-то гремят одиночные выстрелы и слышатся крики возмущенной толпы.

Подобные взрывы негодования местного населения в те годы были достаточно частыми. Но, к сожалению, сообщения о них полностью исключались из средств массовой информации. Что же касается Грузии, то, по моему глубокому убеждению, Никита Хрущев, развенчивая культ Иосифа Сталина, сильно обидел грузинский народ. Хотя в целом грузины в те годы жили достаточно хорошо и мало в чем нуждались.

Вечером наш курсантский взвод, состоявший из тридцати человек, отправился поездом в Баку. В вагоне только и слышались разговоры о событиях в Тбилиси. Вспоминали также случай в Батуми. Когда Н. Хрущев разоблачил культ личности И. Сталина, началось массовое уничтожение памятников вождя. Грузинам такой акт КПСС не понравился. И вот, в ближайшую годовщину смерти И. Сталина грузинские роты мореходного училища, одев парадную форму и сняв бескозырки, с опущенными головами строем направились к месту, где совсем недавно стоял памятник «отцу всех народов».

Разумеется, приказа о построении не было, командование о готовящемся походе курсантов ничего не знало. Они вышли за территорию училища, выстроились в походные колонны и строевым шагом, соблюдая равенство, отправились к центру города. Несомненно, этот эпизод следует рассматривать как акт отчаяния и одновременно акт возмездия Н. Хрущеву и ЦК КПСС за предпринятые шаги.

О проводящейся акции срочно доложили начальнику мореходного училища Я.А. Оганезову. Он принял, для того времени, адекватное решение: не стал разгонять курсантов, не отдал неуместный приказ о прекращении движения. Он просто встал во главе курсантской колонны, снял флотскую фуражку и пошел вперед рядом со своими воспитанниками. Такое поведение было понято и принято не только коллективом мореходки, но и городскими властями.

Наконец, поезд прибыл в столицу Азербайджана город Баку. Нас встречали командиры Бакинского мореходного училища и представители местных судоремонтных заводов. По окончании приветственных речей нас поместили в автобус и доставили в экипаж мореходки. Довольно быстро освоившись, все курсанты остались удовлетворены встречей и добрым отношением к себе со стороны руководителей Бакинского училища.

В течение следующего дня часть из нас была направлена на завод «Зак-федерации», а другая на завод «Парижская коммуна». Каждого включили в состав ремонтных бригад основных цехов завода.

Искусству ремонта судовых механизмов нас обучали опытные мастера, отдавшие заводу десятки лет труда. Курсанты же, чувствуя ответственность, со знанием дела и опытом плавательных практик включились во все планы цехов, чтобы обогатить свои знания и получить дополнительные навыки по избранной профессии. Работа на заводе была поставлена на поток, поэтому бригады с одного стапеля тут же переходили на другой, чтобы в срок выполнять необходимые ремонтные операции.

Во всех цехах судоремонтного завода курсантов окружало заботливое отношение со стороны азербайджанских специалистов. Это нас радовало, и мы старались платить им тем же теплом и усердной работой.

Курсантам нравилось ходить в прокопченных и замасленных комбинезонах и быть похожими на других рабочих. Этим мы гордились и старались во всем подражать ветеранам завода. Бок о бок с нами работали и молодые пареньки, выпускники профессионально-технических училищ. Были они нашими ровесниками, и, если бы не морские тельняшки, которые курсанты в обязательном порядке носили под комбинезонами, нас было бы сложно от них отличить.

В свободное от работы на заводе время мы с большим желанием гуляли по бакинским улицам, посещали скверы, парки и танцплощадки. Хочу отметить, что местные парни вели себя более сдержанно, чем грузины в Батуми. Объяснялось это многими причинами, в частности, пролетарским прошлым бакинских нефтяных промыслов и бакинскими революционными вождями.

В это время я познакомился с очаровательной азербайджанкой Ириной Алибековой. Мы подружились и стали часто встречаться. Однажды она сказала мне, что родные запрещают ей выходить замуж за русского парня. Я долго не мог понять, к чему это было сказано, ведь жениться я даже не помышлял. Девушкой она была очень воспитанной, любознательной, но, как и все кавказские женщины, строгой и настороженной. Впоследствии мы с ней несколько лет переписывались. Однажды она прислала письмо, в котором сообщала, что выходит замуж. На этом наши не сложившиеся отношения прекратились. А спустя много лет, от бакинских друзей я узнал, что у нее сложилась удачная семья, появились дети.

Из Баку мы уезжали в приподнятом настроении. Этот город, его улицы и дома, его жители оставили в наших сердцах неизгладимое впечатление. На вокзале нас провожали новые друзья и новые подруги.

22. КУРСАНТЫ ОТПРАВЛЯЮТСЯ НА ВОЕННЫЕ СБОРЫ

Заканчивался четвертый год обучения. Знания, умения и навыки, накопленные нами в мореходке, создавали основу для практической деятельности курсантов на судах заграничного

ния. Однако нам еще предстояло получить офицерское звание по избранной специальности. Для этой цели в учебный план была включена в обязательном порядке стажировка на военно-морских базах.

Как всегда, короткие сборы, и курсанты пешком отправились в батумский порт, где нас уже ждал дизель-электроход «Россия». Белоснежный красавец-теплоход стоял, пришвартованный к причалу. Краткая беседа офицера группы курсантов с вахтенным штурманом, и вот мы уже неспешно поднимаемся по трапу на борт корабля. В этот момент, вероятно, многим из нас вспомнились слова известной песни «Как шли мы по трапу на борт корабля». И от этих слов с наших лиц сошла грусть, набежавшая в связи с наступающим расставанием с мореходкой, друзьями и Батуми.

Вахтенный матрос заселил нас в достаточно большой кубрик и со словом «привет» удалился. Разместившись по кроватям и разложив по тумбочкам свои пожитки, мы поднялись на верхнюю палубу. В это время началась посадка пассажиров. Люди толпились у трапов, провожающие выкрикивали последние слова прощания. Кто-то поднимался на борт с тяжелыми чемоданами, кто-то вел заплаканного ребенка. Вскоре все каюты, закрытые помещения и часть верхних палуб были заполнены пассажирами. Наш корабль начал медленно отходить от причала и взял курс на Одессу-маму.

Нам, вот уже в который раз, предстояло пройти по знакомому маршруту Батуми – Поти – Сухуми – Сочи – Туапсе – Новороссийск – Евпатория – Севастополь – Одесса. Запечатлев момент отхода от причала, курсанты стали разбредаться кто куда. Кто-то остался на шлюпочной палубе, кто-то поспешил к прогулочным палубам, а кто-то отправился в судовой бар выпить пива. В общем, каждый был при своих интересах и в душе радовался началу неизведанного пути. Однако грусть

тоже присутствовала, ведь Батуми уже стал для нас дорогим сердцу городом.

Время шло, наш корабль, разрезая морские волны, шел по уже давно известному курсу. Позади остались многие порты, в которых курсанты в свое время с удовольствием гуляли и даже повстречали друзей и любимых девушек.

Один наш однокашник по фамилии Кибальчич, будучи батумцем, дружил с девушкой из Сочи. Каждый раз она его встречала в порту, а мы с ребятами исподтишка наблюдали за их встречами. Что было, то было. Прошли годы, и он женился на этой девушке. Длительное время служил на кораблях, а впоследствии так и остался жить вместе с женой в Сочи.

Меня же в Ялте одно время встречала очень красивая зеленоглазая девушка по имени Луиза Ланг. Отец ее был немец, а мать русская. Девушка эта мне, действительно, нравилась, но это был только эпизод, и пути-дороги наши вскоре разошлись.

По корабельной радиосвязи сообщили, что д/э «Россия» приближается к городу-герою Севастополь. Все пассажиры, курсанты и свободные от вахты члены экипажа моментально высыпали на верхние палубы. Перед нами открылась панорама замечательного города, белоснежного, с красивыми домами и массой военных кораблей на рейде. Подойдя к входу в бухту, наш корабль бросил якорь. Было слышно, как работает брашпиль, и якорная цепь быстро погружается в море.

Д/э «Россия» в Севастополь не пустили – тогда это был закрытый военный город-крепость. В него можно было попасть только по специальным пропускам. Вскоре на горизонте появился белокрылый катер с пограничниками и военными моряками на борту. И вот уже матросы спускают трап. Вначале часть пассажиров, а потом и мы, курсанты, покинули электроход и оказались на катере. Пограничники проверили наши документы, и катер, развернувшись на рейде и сделав, по тра-

диции, прощальный круг возле «России», на большой скорости устремился в Севастопольскую бухту.

Катер пришвартовался к Графской пристани Севастополя. Нас встретили офицеры штаба Военно-морской базы. Сделали переключку, еще раз проверили документы и пригласили на катер, стоявший поблизости. На нем нас доставили на бухту Инкерман, примыкавшую к Севастополю с северной стороны. В этой бухте нам и предстояла военная служба в течении шести месяцев.

Нашу группу курсантов встретил командир противоздушной батареи Военно-Морского Флота СССР. Его сопровождали другие офицеры и несколько старшин. Все они были одеты в обычную армейскую форму артиллеристов. После приветственных речей и слов о долге перед Родиной и сложной военной обстановке в мире нас отвели в казарму. Новое место жительства курсантов оказалось обычным военным блиндажом, сверху покрытым бетонными плитами. Спустившись в него, мы обнаружили несколько рядов свежеекрашенных железных кроватей.

То, что произошло в последующие часы, нас поразило до глубины души. Нам приказали снять морскую форму и одеть обычную армейскую с петлицами, форму бога войны — артиллерии. Вот уж такого никто из нас не ожидал. Как оказалось, незадолго до нашего прибытия на военные сборы был издан приказ министра обороны СССР о переводе частей военно-морской противоздушной артиллерии под армейское командование.

Как бы то ни было, приказ есть приказ, и мы молча переоделись в совершенно новое для нас обмундирование. Старослужащие солдаты обучили курсантов накручивать портянки, что первоначально оказалось не так-то просто. Надевать сапоги и пилотки было крайне необычным явлением для тех, кто

готовился стать морским офицером. И первые дни и недели новая армейская форма никак не хотела приживаться на наших плечах. Но прошло время, и мы привыкли к ней и даже несколько полюбили.

Как и положено, все курсанты приступили к изучению армейского устава, знакомству с артиллерийскими орудиями и снарядами и многим другим. Одновременно с этим нас привлекали к чистке орудий, уборке блиндажей и другим хозяйственным работам.

Наша батарея располагалась на берегу бухты Инкерман и имела в арсенале четыре сто пятидесяти двух миллиметровых орудия. Ежедневно перед нами расстилался севастопольский порт с беспрерывно снующими военными кораблями и катерами. Курсантов очень сильно тянуло в родную флотскую семью, но служба есть служба, и долг есть долг. Мы продолжали жить и служить по уставу береговой противоздушной обороны Военно-морского флота СССР. И, конечно же, считали месяцы, недели и дни до окончания военных сборов.

Курсанты полностью были подчинены распорядку зенитной батареи. Каждое утро построение, затем завтрак и работа на том или ином участке.

Вскоре перед нами была поставлена боевая задача — проведение боевых стрельб по летящим на большой высоте самолетам. Тренировки во время учебных боев приближались к концу. И вот настало время, когда батарея была поднята по тревоге «В ружье!» К берегу подошли мощные бронетранспортеры, и нас всех погрузили на них в полном боевом снаряжении, вручили противогазы, автоматы и армейский паек.

Нам предстояла передислокация с постоянного места несения службы на огневые позиции мыса Фиалент. Передислокация проходила по всем законам военного времени, то есть скрытно и ночью. За бронетранспортерами с солдатами и стар-

пинами на борту двигались мощные тягачи с артиллерийскими орудиями и боевыми снарядами. Колонны шли в кромешной темноте южной ночи. Прошло несколько томительных часов пути, и вот поступил приказ покинуть машины.

Мы построились в две шеренги, и командир батареи зачитал приказ о переводе личного состава и орудий на военное положение на период боевых учений. Окопали площадки, установили орудия, соорудили блиндажи, накрыв их бревнами в несколько рядов и дерном. Работы было много, но количество солдат, приданных батарее, было достаточным, чтобы подготовиться к ведению боя с возможным противником.

Ранним утром на батарею прибыла машина-джип, из которой вышли несколько офицеров Военно-воздушных сил СССР. По боевой тревоге командир собрал в штабной землянке весь боевой расчет батареи. Офицеры-летчики выступили перед нами с теплыми словами и сказали, что они верят в артиллеристов-зенитчиков. Дело в том, что именно на этих пилотов возлагалась задача по транспортировке мишеней, по которым мы, в свою очередь, должны были осуществлять боевые выстрелы. Встреча прошла в приятной обстановке, обе стороны пожелали друг другу успехов.

По боевой тревоге солдаты, сержанты, старшины и офицеры заняли свои места у артиллерийских орудий. Высоко в небе послышался гул реактивных самолетов, и вскоре мы увидели два из них. За хвостами обоих самолетов на определенном расстоянии тянулись мишени в виде пеналов. По ним мы и должны были стрелять боевыми снарядами.

Главное состояло в том, чтобы каждый из нас четко и точно выполнил свои обязанности. Орудия были расчехлены, снаряды изъятые из деревянных ящиков и вложены в лотки. Томительные минуты молчаливого ожидания сменяются командой «Пли!» Вздрогнули орудийные стволы, содрогнулась

земля, и небо покрылось красной пылью. Несколько секунд невозможно было открыть глаза, чтобы удостовериться в точности попадания. Раздалось еще несколько выстрелов, а затем поступила команда «Отбой!» Только тогда мы смогли рассмотреть в небе наши самолеты. Пеналы отсутствовали, стало быть, задача выполнена. Мы с первых же выстрелов поразили воздушные мишени. Помню, как все радовались за пилотов самолетов, что им повезло и они остались живы.

Через несколько минут из штаба военно-воздушных сил Севастополя поступило сообщение со словами благодарности артиллеристам за ведение точного огня по боевым мишеням.

Я уже не помню, сколько времени мы провели на боевых позициях мыса Фиалент. Кажется, прошла вечность. Для нас, курсантов, это было боевым крещением. Через несколько дней наша батарея успешно поразила и морские цели. В той операции боевые тральщики на буксире тянули боевые мишени, которые мы также эффективно поразили орудийными залпами.

Учения приближались к концу. Однако вскоре поступил приказ об их продолжении. Командир батареи собрал командиров орудий и сообщил о возможной передислокации в Венгерскую народную республику.

Шел 1956 год. В это время в Венгрии произошли кровавые столкновения между советскими войсками и венгерскими повстанцами. Несколько недель мы жили, ожидая разрешения этой ситуации. Не было сомнения в том, что наша батарея и мы, курсанты мореходки, выполним любой приказ нашей Родины. К этому каждый из нас был готов. Приказа для отправки в Венгрию ожидали спокойно, без какого-либо волнения. Время шло, но никаких распоряжений не поступало. В итоге мы вернулись на исходные позиции в бухту Инкерман.

23. НА БОРТУ ТАНКЕРА «ИОСИФ СТАЛИН»

Поднимаясь на борт танкера, носящего имя великого вождя, каждый из вчерашних выпускников легендарной Батумской мореходки думал и о своей причастности к его делам и подвигам во имя славного и героического советского народа. Ведь тогда с именем Сталина олицетворялась вся героическая эпоха громадной страны от Бреста до Владивостока и от Мурманска до Алма-Аты. И такие чувства испытывали не только мы, двадцатилетние курсанты, но и наши старшие наставники — преподаватели, воспитатели и офицеры. Это были замечательные люди, квалифицированные специалисты и носители высокой нравственности. Многие из них прошли горнило Великой Отечественной войны, а некоторые были участниками американо-корейской войны. Каждый из них проявлял бесстрашие, волю к победе и любовь к простому народу вне зависимости от его происхождения.

Своими старшими наставниками и учителями мы всегда гордились, брали с них пример служению Родине и любви к своему трудовому народу. Все это навело нас на имя генералиссимуса Иосифа Сталина, и на борту танкера с его именем нам теперь предстояла новая жизнь.

Практикой руководил наш замечательный преподаватель по судовым силовым установкам армянин Татевасян. Этот мягкий по характеру и добрый от природы человек оказывал нам последние почести. Именно на борту «И. Сталин» нам предстояло скоро расстаться и, как показала жизнь, рассредоточиться по всем морям и океанам мирового пространства.

Наш танкер был каботажным, т.е. без выхода за Босфор и Дарданеллы. Он попал в Советский Союз из Германии по репарации и не имел права выхода в иностранные воды.

Машинное отделение танкера было оборудовано двигателями внутреннего сгорания фирмы «Зульцер». Это были очень надежные в эксплуатации двигатели, не требовавшие частой профилактики и ремонта. Нам, курсантам, оставалось только следить за чистотой в машинном отделении, вести дневник работы судового оборудования и своевременно выходить на вахту.

Кроме машинного отделения нам предписывалось также досконально изучить и все другое оборудование, включая палубное. Мы включились в работу, хотя многое уже знали по предыдущим морским практикам, проходившим на различных кораблях Черноморского пароходства.

В свободное от вахты время курсанты собирались в корабельной столовой, а чаще всего на верхней палубе около трубы и вели бесконечные разговоры о будущем. Мечтали о дальних странствиях, обсуждали, что нам предстоит увидеть и узнать. Удивительное было время, мы стремились своими действиями, прежде всего, приумножить традиции наших старших товарищей и приумножить славу советского флота. Ибо мы уже тогда понимали, что во всех странах мира на советских моряков смотрели с нескрываемым чувством зависти. В тех портах, где швартовались наши корабли, нам вослед кричали: «Это русские, это советские моряки». И нет сомнения в том, что мы гордились принадлежностью к великому народу страны Советов.

Каждый из нас видел и чувствовал, что государство прилагает много сил и средств, чтобы дать нам прекрасное образование, воспитать из нас замечательных патриотов своей Родины. А самое главное — доверить штурвалы кораблей, на которых нам предстояло служить многие и многие годы. Конечно, мы не могли знать, как сложится наша судьба, и что нас ждет впереди, но в одном мы были уверены — чести советского моряка мы не запятнаем никогда. Прошли годы, и многие из

нас теперь с гордостью могут произнести: «Мы честно служили Родине, приумножали ее величие и передали флаг молодому поколению».

И это действительно так, ибо большинство моих друзей по мореходке отдали флоту по тридцать пять, а то и по сорок лет. Сколько же миль осталось за кормой их кораблей, сколько портов мира они посетили? Сколько знаний, труда и души вложили они в святое дело морского братства? Когда я встречаюсь со своими друзьями-мореходами, то разговоры льются бесконечные с необычайной радостью на глазах и гордостью в сердце за свою великую Родину – СССР.

«И. Сталин» за время нашего пребывания на его борту побывал несколько раз в Новороссийске, Потти, Одессе, а также в портах Румынии и Болгарии. Эта наша групповая практика еще раз показала, что все мы были великие мечтатели, все жаждали служить флоту, его славе, а еще более – своему замечательному советскому народу.

И сейчас, когда я пишу эти строки, мне кажется, что я живу в чужой стране, среди чужого народа и с чуждой для меня идеологией и психологией восприятия действительности. Кажется мне, что это сон, что не может быть такого наяву. Но все верно, нет той замечательной страны, нет того замечательного народа, а есть только продажные чиновники и вороватые «олигархи», разграбившие и продавшие за бесценок все то, что накапливалось трудом и потом миллионов граждан СССР. И вот результат – около сотни миллиардеров иудейского происхождения являются владельцами несметных богатств, принадлежавших некогда всему советскому народу. Что это, какое-то наваждение или же реальность? К великому сожалению и страданию народов, это оказывается горькой правдой. Нет уже Советского Союза, нет у народа собственности, которую ловко разбазарил Чубайс через ваучеры и всевозможные чеки.

24. «ПТЕНЦЫ» ВЫЛЕТАЮТ ИЗ РОДНЫХ ПЕНАТ

За бортом все дальше и дальше остается город-герой Севастополь. Наш теплоход держит курс на Батуми. Пришвартовались, спустили трап. Встречающих на причале было немного, в основном друзья, родственники и знакомые батумских курсантов. И вот уже обычным городским автобусом мы прибыли в мореходку. Короткие процедуры оформления документов по случаю окончания военных сборов, и курсанты вновь оказались в своем кубрике.

Повстречались со своими командирами, друзьями и преподавателями. Рассказали им о воинской службе, Севастополе и его замечательных жителях. Поистине «город русской славы» произвел на каждого из нас неизгладимое впечатление.

Времени пребывания в мореходке у нас оставалось мало. Каждый выпускник уже получил направление к месту дальнейшего прохождения морской службы. Пожалуй, традиционно уроженцы Кавказа распределялись в основном на Север и Дальний Восток. Это было их личное желание. А курсанты из Сибири, Урала и Средней полосы России с большим желанием уезжали на Каспий, в Дунайское пароходство и, конечно же, в Одессу-маму. Соблюдалась и такая традиция: курсанты, выезжающие в Одессу, должны были иметь в своих дипломах только хорошие и отличные оценки. Те же, кто учился средне, отправлялись, как правило, на Каспий.

Из нашего выпуска в Одессу были распределены я и мой дружок Виктор Зинченко. Он получил диплом с отличием, и ему было предоставлено право первому выбрать тот или иной флот. Я также окончил мореходку без единой тройки, на «хорошо» и «отлично», поэтому мне была предоставлена такая же возможность.

Среди курсантов ходила прибаутка – «курица не птица, а Каспий не граница». Это закрытое море имело единственный заграничный порт в Иране, но туда достаточно редко заходили советские торговые корабли. Хотя военно-морская флотилия на Каспии была достаточно мощной. В ее состав были включены эсминцы, тральщики, торпедные катера и другие средства военно-морского флота. Что же касается морских пароходств, в которых базировались суда торгового флота, то они находились в различных портах. В частности, в Одессе, Измаиле, Мурманске, Архангельске, Владивостоке, Петропавловске-Камчатском, Холмске (Сахалин) и даже в Чард-Джоу (Средняя Азия). Преимущественно в эти морские города и разбросала судьба всех наших курсантов.

Тогда почти каждый день был наполнен проводами друзей-курсантов к месту назначения. Спустя почти пять лет мы с болью и грустью расставались на железнодорожных вокзалах, морских причалах и в аэропортах. И даже не предполагали, что со многими из них мы уже никогда не встретимся. К сожалению, так и случилось. Судьба разбросала нас по всем морским портам великого Советского Союза. Вначале мы переписывались, а с годами и переписка закончилась.

Каждому из нас открывались свои пути-дороги, но одно и самое главное оставалось общим – наши сердца отныне и навсегда были связаны с родной Батумской мореходкой. Где бы мы ни были, какую бы работу не выполняли, мы всегда с каким-то душевным трепетом вспоминали училище, наших командиров-наставников и, конечно же, преподавателей. Волею судьбы мне пришлось обучаться и в ряде других учебных заведений, но той теплоты, которую дала нам мореходка, пожалуй, я нигде больше не ощущал. Через годы и расстояния все чаще и чаще вспоминаешь свою юность и своих друзей. Где они теперь? С грустью приходится констатировать – одни далеко, а других уже с нами нет.

Итак, мне предстояло одному выехать в Одессу и приступить к месту прохождения дальнейшей службы. Правда, туда же получил распределение и мой добрый дружок В. Зинченко, родом из города Черкассы. Но он уехал домой к родителям, тем более что Украина, если сравнивать с расстоянием до Дальнего Востока, находилась совсем рядом. Я же на этот раз не поехал в свой родной край – Вятку, во-первых, было далеко, а во-вторых, не хватало денег на билеты туда и обратно.

И вот снова уже очень знакомый маршрут. С небольшим чемоданчиком, все еще в курсантской форме я сбегаю по трапу теплохода на полюбившийся мной Одесский причал. Меня никто не встречает. Алле о своем прибытии я не сообщил, поскольку знал, что она учится в институте, а в свободное время встречается со своим другом, курсантом Одесской высшей мореходки.

Вновь я оказался один в большом южном городе. Погода стояла солнечная, но прохладная, можно сказать характерная для начала апреля. Настроение у меня было хорошее, поэтому, не мешкая, пешком я отправился в отдел кадров Черноморского пароходства.

Управление флотом находилось в конце Приморского бульвара. Я поднялся по Потемкинской лестнице, вновь просчитав количество ступенек. Их число и на этот раз не совпало с предыдущим. Наверху меня, как и всех остальных, встречал памятник основателю Одессы графу де Ришелье. Величавая фигура графа была обращена в сторону морского порта и стоящих в нем сотен кораблей различного назначения. Пройдя по Приморскому бульвару метров триста, я оказался у памятника А. Пушкину. Чуть в стороне от него стояла корабельная пушка времен крымско-турецких войны, напоминавшая силу и стойкость русского моряка, русского офицера, патриота Великой России. Перейдя площадь, я вплотную приблизился к Управлению флотом.

Спросив у дежурного, где находится отдел кадров, по ступенькам поднялся на второй этаж. Кому-то из сотрудников отдал направление, и мои данные записали в толстую амбарную книгу. Сказали, что я зачислен в резерв флота и что как только будет место на одном из судов, мне тут же сообщат. Однако при этом уточнили, что я должен сам приходить в отдел кадров не менее двух или трех раз в неделю за получением информации.

Всех моряков, находившихся в резерве, почему-то называли непонятным для меня словом «бич». На этом самом «биче» многие могли находиться месяцами, а иногда даже и годами, ожидая для себя должность на корабле. За это безделье каждый моряк получал 75% ежемесячного оклада по предполагаемой должности. И таких «бичей» были сотни. Они болтались по Одессе, посещали кинотеатры, танцплощадки, а многие находили приют у молодых женщин, мужья которых были в длительных рейсах.

Так, например, китобойная флотилия «Слава» уходила в рейс на семь или восемь месяцев ежегодно. Уходили в длительные рейсы на Дальний Восток вокруг Африки или в Южную Америку как сухогрузы, так и наливные суда. И все это время семьи членов экипажей оставались в одиночестве. Многие жены не работали, так как были вынуждены периодически встречать своих мужей в различных портах СССР. Они часто вылетали в Мурманск, Архангельск, Владивосток, Батуми, Жданов (Мариуполь) и другие порты, куда заходили суда их мужей. Иногда приходилось ожидать прибытия кораблей по несколько дней. Жили, как говорится, всегда на чемоданах. Но это был образ и смысл жизни советских моряков и их семей.

В отделе кадров флота я получил направление в общежитие, взял свои вещи и пошел по указанному адресу. Общежитие находилось недалеко от центрального входа в порт. Приняли меня доброжелательно и разместили в одной из комнат.

Как выяснилось, в общежитии «бичей» было большинство. Часть из них ожидала свои корабли, не желая менять уже породнившиеся экипажи. Другая часть в перерывах между рейсами решала свои те или иные проблемы, чаще всего связанные с учебой на заочных отделениях одесских институтов. Некоторые же просто не спешили выходить в море. В общем, разный люд жил в общежитии, но все это были доброжелательные и достаточно щедрые моряки. Каждый вечер, засиживаясь до поздней ночи, опытные моряки рассказывали молодым «бичам» об историях, происходящих с ними в море или иностранных портах. Некоторые из них были явно надуманными, но так красиво преподнесенными, что слушать их было одно удовольствие.

Такие разговоры в кубриках, каютах и других местах назывались «морской травлей». «Потравить» для моряка всегда было высшим достижением. Но не все это могут делать с артистизмом. Вокруг моряков, которые умеют хорошо «травить», всегда собирается много людей, и такие моряки всегда пользуются большим уважением и авторитетом. Для вчерашних же курсантов, чуть-чуть «понюхавших» море и шторма, опытные моряки были своего рода примером, и на них хотелось походить во всем.

В ожидании должности на каком-либо судне моряки-резервисты, находившиеся на «биче», практически все свободное время болтались по улицам, бульварам и скверам Одессы. И каждый раз город поражал своими красотами, раскрывал характер одесситов, их нрав и неповторимый калорит, их неиссякаемую потребность помочь нуждающемуся. По мнению многих, Одессу и ее жителей не стоит представлять как какой-то еврейский анклав. Одесса — это особый мир, а одессит — это профессия. Одесса всегда веселая, она никогда не грустит. Одесса всегда гуляет и поет. Надо быть одесситом или подолгу жить в Одессе, чтобы знать этот чудный город и его замечательных

людей. Многие из них беззаветно служат морю, живут морем, мечтают о море. И как бы далеко они не ходили, всегда возвращаются в свою любимую Одессу-маму.

Лично я, будучи несколько месяцев на «биче», во многом полюбил этот город, и даже хотел стать одесситом, поселившись в нем.

По вечерам, когда приходили корабли из дальних рейсов и швартовались у причалов, «бичи», в том числе и я, часто приходили их встречать. Знакомились с моряками судов, которые приглашали нас на борт, угощали в матросских столовых, а иногда даже в кают-компаниях. Редко, но дарили нам те или иные сувениры, приобретенные за «бугром».

Еще будучи на последнем курсе мореходки, мы с В. Зинченко сдали вступительные экзамены на заочное отделение Одесского высшего мореходного училища. В этом нам оказал неоценимую помощь замечательный преподаватель Николай Сарапионович Гордадзе. Настоящий грузин, балагур и коллекционер морских кортиков и ножей Гордадзе приобрел среди курсантов любовь и уважение. Он всегда был среди своих учеников и, казалось, даже жил ради них.

Вспоминая свою юность, хочу сказать, что мне повезло на замечательных грузин, на общение с ними, на их исходящую от сердца поддержку. Наверное, те, кто не жил в Грузии, понять этих добрых и щедрых людей не сумеет. Чтобы их знать и уважать, надо быть в Грузии, жить среди них и чувствовать их рядом с собой.

Таким образом, в часы своего свободного времени я посещал Высшую мореходку, пользовался читальным залом, а иногда и получал консультации от преподавателей заочного отделения.

Первый год обучения в Одессе выдался достаточно трудным в связи с освоением солидных курсов по математике, физике и

химии. Требования были жесткими, особенно при подготовке множества контрольных работ. Но в Батумской мореходке нас приучили относиться к учебе с большой ответственностью, поэтому данное испытание мы с Виктором выдержали достойно.

В пятидесятые годы вся идеология государства в области молодежной политики была выстроена по одному принципу – учиться, учиться и еще раз учиться. Другого подхода не было. Да и мы, живя скромно, больших желаний, кроме права получать знания, не имели. Зато данное государством право на бесплатное обучение молодые и задорные парни использовали сполна. Нас никто не уговаривал, нам никто не приказывал, мы просто учились и осваивали высоты нашей профессии.

Дни и недели проходили быстро, но я не забывал каждый раз посещать отдел кадров с целью получения какой-нибудь должности на тот или иной корабль. Во мне жило огромное желание уйти в дальний рейс и окунуться в бурную корабельную жизнь.

Вскоре счастье улыбнулось, поскольку мне предложили пойти мотористом на наливной танкер «Иосиф Сталин». Несомненно, таким назначением я был доволен и быстро оформил необходимые документы. Но по иронии судьбы на танкер «И. Сталин» я не попал.

25. МОТОРИСТОМ ПЛАВДОКА – ТАК ГЛАСИЛ ПРИКАЗ ОТДЕЛА КАДРОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Многие посты в Одессе были заняты лицами еврейской национальности, и поэтому меня не удивило, что со мной потечески разговаривал инспектор кадрового отдела тов. Розем-

блом. Это был очень грузный мужчина, доброжелательно относящийся к морякам. Он достаточно подробно рассказал мне о предстоящем плавании вокруг Европы, а напоследок произнес: «Если выживешь, и Док не опрокинется в Бискайском заливе, то ты будешь настоящим морским волком». Инспектор пожелал мне удачи в предстоящем рейсе, напомнив, что на следующий день я должен прибыть в Херсон и представиться старшему механику Плавдока.

До Херсона я добирался каким-то попутным грузовым кораблем. Войдя в порт, на водной глади я увидел громадный железобетонный плавучий Док, который стоял на якоре. К нему был пришвартован небольшой катер, по внешнему виду напоминающий буксир. Множество других небольших катеров у причала стояло. Я показал путевку, подписанную в отделе кадров ЧФ дежурному по порту, и вскоре был доставлен одним из катеров на плавучий Док. На его палубе уже стояли загруженные не то песком, не то другим каким-то грузом две большие баржи. Они были закреплены стальными тросами и мощными железными цепями, напоминающими якорные цепи. Матросы сверху прокричали, что трап находится слева от меня. Я стал быстро подниматься. На высоте 30–40 метров меня встретил матрос и представился боцманом Книга. Увидев мое удивленное лицо, добавил, что это его фамилия. От боцмана я узнал, что в Мурманск пойдут две секции Дока, каждая из которых составляет в длину около 60 метров. Там их надлежит соединить в полный Док. Для этой цели и находились на палубе Дока баржи, загруженные необходимым материалом: песком, щебнем, гравием, железом, а также цементом в специальных непроницаемых контейнерах. Честно признаться, я долго недоумевал, как и каким образом потянут эти громадины вокруг всей Европы.

Боцман, а он был старшим на плавдоке, проводил меня в кубрик, где стояло несколько десятков кроватей, и показал мне

ту, которую я должен был занять. Людей в кубрике не было, так как экипаж плавдока только формировался. Вскоре стали появляться другие моряки – кочегары, мотористы, матросы, токаря, ремонтники и прочие необходимые специалисты. Это были люди преимущественно среднего возраста от 35 до 45 лет. В итоге нас стало тридцать человек. Все разные, с различных кораблей, многие из резерва, а короче говоря «бичи».

На внутреннем рейде порта мы простояли около двух суток. За это время погрузили провиант, одежду, а также спецоборудование: водолазные костюмы, акваланги, шлюпки, весла, спасательные круги и пробковые пояса. Все это предназначалось на случай аварии или других непредвиденных ситуаций.

По радиотелефону сообщили, что вскоре подойдут к нам буксировщики. Буксировка Дока была поручена мощному сухогрузу «Академик Крылов» Балтийского флота. Кроме него нам был придан еще и небольшой буксир «Сталинец» с 18 членами экипажа.

Спустя несколько часов, экипажи трех плавучих средств приступили к работе. Экипаж сухогруза на шлюпках подвел к нам мощные стальные тросы и намертво приварил их к специально выделенным стальным кнехтам. Сами же тросы, а их было два, закреплялись на спецбарабанах «Академика Крылова». Буксиру предстоял длительный рейс по Черному и Средиземному морям, затем миновав Бискайский залив, он должен был пройти мимо английских берегов, Норвегии и пришвартоваться в Мурманске. В мыслях все получалось хорошо, а как это выйдет на практике, было неведомо никому. Планируемая операция по буксировке Плавдока, представляла собой первое подобное мероприятие за весь период советской власти. Дело предстояло крайне ответственное, поскольку срастив две секции в одну, получался 120-метровый док, пригодный для ремонта океанских судов, включая военные корабли, подводные лодки, танкеры, сухогрузы и пр. Три месяца пути

через многочисленные моря и бушующие Атлантический и Северный-Ледовитый океаны — опасное путешествие. Но надо сказать, что такая перспектива нас не пугала, никто из нас не знал и не хотел загадывать, что же будет в реальных условиях.

На утро следующего дня на наш борт поднялись пограничники, таможенники и санитарные врачи. Каждый из них выполнил свои обязанности и отбыл к месту последней дислокации. Теперь граница для нас была закрыта, и никто из экипажей трех судов уже не имел права сойти на берег. Начался заграничье, и нам надлежало жить уже по другим законам — законам океанско-морской стихии.

По радиотелефону дали команду поднять якоря и взять курс на турецкие проливы Босфор и Дарданелл. Наша кавалькада двинулась в путь. Впереди шел т/х «Академик Крылов», на расстоянии 300 метров на двух стальных тросах тянущий наш Плавдок, а еще в 150–200 метрах — буксир «Сталинец». Еще раз, взглянув на херсонский порт, людей, стоявших на причалах, каждый член команды приступил к своим обязанностям согласно судовому расписанию.

Я вместе с судовым (т.е. доковым) механиком отправился в машинное отделение, в котором мне предстояло нести вахту каждые четыре часа из двенадцати часов. По трапу перешли на другой борт Плавдока, открыли люк и спустились в машинное отделение. Там стояло два небольших двигателя, предназначенных в основном для освещения Плавдока и прожекторов, а также подачи электроэнергии в кухонный отсек (камбуз).

Через несколько дней мы подошли к турецким берегам. Перед нами встали два достаточно узких пролива Босфор и Дарданеллы. Турецкие пограничники, оповещенные заранее по радио, раскрыли стальные защитные сети и предоставили нам проход. Благодаря искусству капитана т/х «Адмирал Крылов» мы благополучно вошли в Средиземное море.

Шли дни за днем, сменялись вахты. Исправно работали двигатели и котлы, которые топились углем. Котельная предназначалась для отопления жилых и служебных помещений плавучего дока.

Полагаю, через 10–12 суток мы оказались у испанских берегов. Теперь нам предстояла встреча с Гибралтарским проливом. На открытом рейде бросили якоря в ожидании разрешения испанских властей на проход через пролив. Там же пополнили запасы провианта, угля и дизельного топлива.

Через пару дней стояния на рейде мы получили разрешение английской военно-морской базы на проход Гибралтара. А буквально через несколько часов хода всю свою мощь показал Бискайский залив. Подул сильный ветер, поднялась высоченная волна, и наш док, как спичечный коробок, стало бросать из стороны в сторону. Обычная жизнь на доке была парализована. Экипаж даже выйти наверх не имел возможности, так как башни дока попеременно скрывались в громадных волнах Бискайя. Это был какой-то кошмар. Прошли годы, но картина того ужасного шторма до сих пор стоит у меня перед глазами. Уже не помню, сколько суток бушевал Бискай, кажется, дней десять. Мы не просто шли, мы практически стояли на месте из-за парусности дока и мощных бискайских волн. Не зря все моряки мира говорят, что Бискай — это кладбище кораблей практически всех стран. Вот тогда-то я вспомнил крылатые слова Роземблюма из Одессы: «Если пройдешь весь путь от Черного моря вокруг Европы до Мурманска, то только тогда станешь настоящим мореходом». Однако, как оказалось в последствии, это были лишь цветочки, ягодки нас ждали впереди...

Пусть медленно, но уверенно мы продвигались все выше и выше к берегам Англии. Из-за шторма к доку не мог приблизиться буксир «Сталинец», снабжавший нас водой и питанием. Экипажу пришлось искать выход из сложившейся ситуации.

Питьевая вода была ограничена до минимума, душевые не работали. Продуктов практически не было. Наш уважаемый кок бедствовал. И практически все мы лежали в своих кроватях, привязанные морскими узлами. Ибо шторм был такой силы, что каждого из нас сбрасывал на палубу кубрика. Сон прошел, не стало аппетита, появилась апатия ко всему. Экипаж практически не разговаривал между собой. Неожиданно бывалые моряки предложили нестандартный вариант решения проблемы, который заключался в том, чтобы по ночам включать прожектора и направлять их в сторону океана. К нашей радости один из двигателей еще работал, и оставалось немного топлива.

Итак, ночью в бушующем океане появился луч прожектора. На свет пошла рыба. Ее забрасывало на палубу, где стояли баржи с песком. Запутавшись в цепях или оказавшись между кнехтами, многочисленные морские обитатели становились нашими заложниками. Оставалось одно — собрать улов и насладиться этой вкусной и здоровой пищей. Не давали этого сделать регулярно набегавшие волны, и не было смельчаков, готовых спуститься на палубу и собрать рыбу.

Но голод не тетка. И, в конце концов, сработал принцип «Полундра, наших бьют». Моряки поочередно стали спускаться на палубу, правда, предварительно обмотав себя веревками. Другой конец веревки закреплялся на верхней палубе. В то время, когда один моряк отправлялся в опасное для себя приключение, другой подавал ему сигналы, дергая за веревку. Дескать, вот-вот набегит громадная волна и тебе надлежит спрятаться за кнехту и крепко охватить ее, чтобы не накрыла следующая. А пока волна только приближалась, матрос ловко ловил руками рыбу и засовывал ее в специальный рюкзак или сетку.

В итоге нам удалось собрать значительный улов рыбы. Правда, не все морские обитатели были нам знакомы. Встречались и морские лисы, и маленькие акулы, и еще какая-то

экзотическая морская живность с громадными головами длинными хвостами и острыми плавниками.

Но опытный кок знал свое дело и отбирал только то, что годилось, по его словам, в пищу. Несколько дней экипаж питался исключительно рыбой: жареной, вареной, сырой и т.д. Но и эти блюда казались нам самой вкусной едой на свете.

Постепенно шторм стал спадать и вскоре наступил практически штиль. Тогда-то и приблизился к доку буксир «Сталинец» и доставил нам продукты и все необходимое для дальнейшего движения по намеченному курсу.

Наконец, мы подошли к Англии. Однако спустившийся на океан туман закрыл густой пеленой английские берега, которые даже с помощью мощных биноклей нельзя было увидеть. Связавшись по радио с местной береговой охраной, мы получили отказ пройти по проливу Ламанш и Подаколе. Причиной отказа стали сильные туманы и необычность нашего каравана, состоявшего из трех плавучих средств.

Тогда капитан т/х «Адмирал Крылов» принял нестандартное решение обогнуть — английские берега с севера, т.е. пройти вблизи Гренландии. Вот тут-то и расцвели цветочки, и получились ягодки. Наступил холод, волна пошла со снегом. Палуба стала на глазах леденеть, включая баржи с песком. От мороза стали лопаться топливные системы, ориентированные не обогрев кубриков. Работа моряков Плавдока была практически парализована. Жили в холоде и в голоде, как могли коротали время. Это восхождение к Гренландии длилось многие сутки.

И это испытание миновали. Вскоре оказались в районе Норвежского моря. Только вот не помню, как мы прошли Кильский канал. Нас, кажется, туда также не пускали, на этот раз германская морская охрана.

Уже через несколько дней наша «эскадра» вошла в Баренцево море, затем спустилась в Кольский залив, и на горизонте

ярко высветился Мурманск. В это время были белые ночи, и город как на ладони стоял во всей своей красе. Экипажи всех трех судов высыпали на палубу, и только тогда каждый из нас осознал, что поставленная Черноморским флотом задача нами была выполнена.

Только в Мурманске я узнал фамилию капитана т/х «Академик Крылов» – Молас. Был он то ли швед, то ли норвежец, то ли прибалт, но главное – опытный, решительный и сильный человек. Не знаю, как сложилась его судьба, но точно знаю, что ни благодарностей, ни наград, ни элементарного спасибо, ни он, ни кто-либо из нас от командования флотом не получил.

Осмотрев город Мурманск, экипаж Плавдока сел на поезд и прибыл в Одессу.

Именно этот рейс вокруг Европы был моим вторым крещением, первое – когда принимал православие. По возвращении я зашел к Роземблюму и поблагодарил его за ту школу мужества, которую мне удалось пройти с его доброй подачи. На прощание он мне сказал, что я планируюсь в первое кругосветное путешествие на парусном судне «Товарищ». Но это уже совсем другая история, к сожалению, оказавшаяся для меня крайне короткой и печальной. Ибо перед самым отходом в кругосветку, буквально за два часа, меня сняли с борта, аргументировав это якобы неправильно оформленными документами.

Помню, крайне расстроенный, я вернулся в Одесский порт, поднялся по Потемкинской лестнице и вновь просчитал количество ступенек. Число опять не совпало.

Тайну на флоте удержать всегда сложно, практически невозможно. Вот и мне одесские «бичи» рассказали, что вместо меня в кругосветку отправили курсанта Одесского высшего мореходного училища, сына секретаря Одесского обкома КПСС.

Я же, как и многие одесские моряки, вновь стал «бичем» и вынужден был посещать отдел кадров, чтобы получить место на каком-то другом корабле. Тогда я ежедневно бродил по Дерибасовской, Пушкинской и вновь и вновь считал ступеньки Потемкинской лестницы. Странно, но их количество так ни разу и не совпало.

Феномен, который мне не удалось разгадать до сих пор.

26. МОРСКАЯ СЛУЖБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

На этот раз меня направили в качестве моториста на небольшой т/х «Камышин», доставлявший материалы на строительство какого-то объекта в Стамбуле.

Теплоход имел небольшое водоизмещение и небольшую грузоподъемность, поэтому рейсы в Турции были короткими. Разгрузку турецкие докеры осуществляли достаточно оперативно, и корабль вновь брал курс в один из черноморских портов.

Экипаж был малочисленный, но вполне сносный. Видимо, моряков больше устраивали краткосрочные рейсы, нежели отсутствие в родных портах в течение многих месяцев, а иногда и лет.

Совершив несколько рейсов в Турцию, т/х «Камышин» с грузом отправился в один из греческих портов. В памяти остался проход по Коринфскому каналу. Это был достаточно узкий канал протяженностью в несколько морских миль. И как гласила легенда, его прорубили в скалах рабы, захваченные греками во время войн, конфликтов или пиратских рейдов. Когда идешь по каналу и смотришь вверх, то видны вырубленные в скалах выемки, закрепленные в них цепи. Видимо там после изнурительной работы отдыхали рабы. Такие выемки шли сверху до

низу, по мере того, как вырубался этот далеко не природный канал. На большой высоте, буквально над нашими головами висели автомобильные и пешеходные мосты, переброшенные через этот канал. Сверху люди нам что-то кричали, махали руками, но их голоса до членов экипажа практически не доносились – так были построены подобные мосты.

Теплоход наш заходил в различные греческие порты, такие как Эгион, Патрас и др. В одном из них мы становились под выгрузку. Для русских моряков было в диковину наблюдать, каким образом формировались группы грузчиков. Подъезжал на дорогом авто солидный грек, останавливался возле какой-либо машины с людьми и пальцем показывал, кто на этот раз будет разгружать советское судно.

Названные лица тут же бросались на корабль, и в считанные часы теплоход становился пустым. Через какое-то время появлялся тот же господин и раздавал грузчикам заработанные ими деньги. Конечно, такая сцена не могла нас не поразить. И только спустя десятилетия мы поняли, что такое рыночные отношения, сплошная безработица, бомжи, брошенные дети, проституция, наркомания и повальное пьянство.

Через почти 50 лет мы ощутим на себе, во многом все «преlestи» капиталистических отношений благодаря бездарной политике Б.Ельцина. Именно он развалил СССР, не задумываясь о последствиях. А вот если бы подумал, то мог взять хотя бы ту же «китайскую модель», где есть и идеология, и рынок. Б.Ельцин с «величайшим маршалом всех времен» Пашей Грачевым и их многочисленные сподвижники типа Чубайса, Мавроди, Хадарковского, Березовского, Абрамовича, Гусинского и др. сделали свое черное дело. Но мой рассказ не о них, о них еще напишут историки. Время еще не наступило, потому что они – «ельцинисты» еще крепко держатся за власть зубами. Министр финансов А. Кудрин ельцинского призыва убедил

руководство страны направить финансовые средства России в так называемый стабилизационный фонд США. Тем временем американская военщина за эти стабилизационные миллиарды ведет войну в Ираке, Афганистане и грозит России установкой различного рода РЛС не то в Чехии, не то в Польше, не то в Румынии. Неважно где и что, главное – создать угрозу для России и ее народа.

Однако вернусь в 50-е и расскажу об эпизоде, случившемся в одном из греческих портов. В очередной раз, прибыв в Грецию, свободные от вахты моряки, я был в их числе, как всегда отправились в город погулять по набережным и полюбоваться на красивых гречанок.

Как-то совсем неожиданно группа молодых греков, проходя мимо, задержалась на мгновение и вдруг по-собачьи на нас залаяла. Затем быстро о чем-то заговорили и, улыбаясь, удалились. Обсудив ситуацию мы решили, что, если подобное повторится, мы примем соответствующие силовые меры по отношению к каждому, кто еще осмелится нас облаять. Но дальше произошло нечто невероятное. Подбегают к нам две очень симпатичные девушки-гречанки, улыбаясь, лают на нас, а потом бросаются к нам на шею и целуют в щеки и убегают прочь, хохоча на всю округу.

Вот тут мы не на шутку всполошились и начали соображать, что же такое происходит в Греции. Быстренько возвратились на свой корабль, а там подушками и мисками «колотят» судового радиста. Оказалось, он во время не сообщил экипажу о том, что СССР запустили в космос собаку по имени Лайка. Вот нас греки и приветствовали. А мы хотели применить нашу морскую удаль, ввязаться в драку за честь и доблесть русского моряка.

Уже не помню, сколько рейсов я совершил в Грецию, но этот эпизод врезался в память. Приблизительно через полгода меня списали на берег в связи с возвращением постоянного

члена экипажа, который все эти месяцы находился в отпуске, и отгулял за многие рейсы. В ту пору такое часто практиковалось: иногда моряки бывали в отпуске до года.

И вот я снова не «биче». Правда, свободное от рейсов время я эффективно использовал для учебы в Одесском высшем мореходном училище (ОВМУ), о чем уже писал несколько раньше.

Обстановка в ОВМУ была очень доброжелательной. Я пользовался библиотекой, отрабатывал многочисленные лабораторные задачи, а также выполнил ряд контрольных работ и написал несколько курсовых и рефератов.

Моя учеба шла очень успешно, во-первых, помог опыт Батумской мореходки, а, во-вторых, — желание получить высшее образование и продвинуться вверх по служебной лестнице.

Весной 1958 г. я был назначен ремонтным механиком на танкер «Казбек». Это было мое первое наливное судно. В те годы «Казбек» делал рейсы в Египетские порты, в частности, в Порт-Саид, Суэц и др. Туда мы поставляли авиационный керосин, для снабжения египетской армии, а если быть более точным, — военно-воздушных сил*. Египет в ту пору закупал сотни наших реактивных самолетов. Поэтому там проходили службу многие наши военные советники и инструкторы. Одновременно с СССР Чехия поставляла Египту танки, многие из которых были советского производства.

Египтяне нас встречали радостно, но все как один просили денег, поскольку жили арабы в то время бедно. Именно в те годы Англия вывела свои войска из Египта и предоставила ему независимость. Вот Египет и вооружался советскими самолетами, танками, ракетами, пулеметами и, конечно же, горючими и смазочными средствами.

* К сожалению участниками арабско-израильских конфликтов советская власть нас почему-то не признавала.

Часто мы проходили Суэцким каналом, а с берега нам кричали русские женщины и дети. Они прибыли туда вместе со своими мужьями, которые в свою очередь обслуживали этот канал. По Суэцкому каналу проходили сотни и сотни кораблей всех стран мира. А поскольку двигались суда очень медленно, мы успевали рассказывать бегущим вдоль берега женщинам одесские новости. Они же рассказывали нам о своей жизни среди арабов. Несомненно, это был очень интересный диалог. Главное, что заботило этих женщин, — это тоска и частое отсутствие мужей, которые с утра до ночи были заняты работой по обслуживанию канала. Достаточно много рейсов я совершил в Египет и его морские порты, в том числе, помогал арабам восстанавливать хозяйство после ухода англичан.

Англичане после себя оставили почти полностью разрушенную инфраструктуру. Необходимо было отлаживать радиосвязь с кораблями различных стран мира, готовить лоцманов, а также арабские экипажи судов торгового и транспортного флота. Вот и потянулись молодые арабы в мореходные училища и мореходные школы Советского союза. Часть из них была направлена в высшие мореходные училища, политехнические институты и другие профильные ВУЗы.

Но самая печальная картина была в том, что арабы, будь это грузчики, швартовщики, рядовые матросы, были настолько бедны, что у советских моряков выпрашивали абсолютно все. Говорили по-русски примерно так: «Хрущев, хлеб, яйца, хорошо». Даже ходили по каютам и просили все, что попадало им на глаза.

В то же время мы наблюдали, как американские корабли, следовавшие за нами по Суэцкому каналу, принимали на борт арабов для выполнения различных черновых работ. Но на палубу их не пускали, держали прямо в шлюпках, на которых рабочих доставляли на судно. За малейшее нарушение регламента специально выделенные матросы-полицейские использовали

против арабов плетки и другие репрессивные средства. Так что уже тогда русские моряки знали, что такое свобода по-американски. Для молодых, а было нам тогда лет по двадцать, такие реалии стали настоящим откровением.

В очередной раз прибыв в Новороссийск — порт приписки танкера «Казбек», меня вновь списали на берег, но уже в должности ремонтного механика. Таким образом, еще одна маленькая ступенька была пройдена и, на следующем корабле я мог занять должность четвертого механика.

Несколько недель я бродил по Новороссийску, примеривая на себя образ «бича», и вскоре получил вызов в Одессу. Это обстоятельство меня обрадовало, поскольку как раз в это время начались экзамены за первый семестр 3-го курса Одесской высшей мореходки. С этим испытанием я успешно справился, так как все контрольные, курсовые работы и рефераты я выполнил, будучи еще на «Казбеке». Учеба для меня всегда стояла на первом месте. Она была важнее, чем какой-либо корабль, перевозивший грузы на Кубу, в Мексику, Бразилию, Аргентину, Австралию и Европейские государства. Конечно, встречая своих коллег-однокашников, которые уже не один год бороздили мир, я понимал, что мог бы сейчас находиться на их месте. Но у меня был другой путь, и осознание этого не позволяло мне расстраиваться.

Наконец-то меня пригласили в Отдел кадров Черноморского флота. И мой ненаглядный Роземблум оформляет меня четвертым механиком на танкер «Таллин». Несомненно, я был рад этому обстоятельству. Моя душа переполнялась восторгом. Парень 22 лет — четвертый механик и постоянный член кают-компании, где проводили время члены командного состава корабля. Это ли не удача!

У каждого было свое место: капитан сидел во главе стола, рядом с ним справа — старпом, слева — помполит и т.д. Механики занимали места в другом конце стола. В центре другого

конца стола находилось место «деда», т.е. старшего механика, справа — второго механика, слева — третьего, а рядом с ним и мое — четвертого механика. Где-то по середине стола занимали место главный электромеханик и начальник радиостанции.

Коллектив питался из общего котла, но каждого из нас обслуживала официантка. Как правило, это была молодая и красивая женщина в возрасте от 30 до 40 лет. Судьба забрасывала женщин на корабли по разным причинам: хотелось видеть мир, выгодно выйти замуж, быть «звездой» среди начальствующего состава корабля и т.д. Однако почти они все были несчастны в личной жизни.

Мой первый рейс на «Таллине» был запланирован на Италию. Мы забрали груз не то в Новороссийске, не то в Туапсе и взяли курс на Средиземное море.

Первым итальянским портом, который мне удалось увидеть, стала красавица Венеция. Пришвартовавшись к причалу, свободные от вахты моряки, в том числе и я, отправились осматривать достопримечательности этого вечного города. Сначала побывали на площади Святого Марка, а затем долго любовались замечательным Дворцом Дожа.

Площадь Святого Марка была просто усеяна голубями. Тысячи птиц очень уверенно чувствовали себя среди людей. Каждому из нас садились на плечи, голову, руки и ждали каких-либо угощений. Это было непривычно и необычно, что мы купили по стаканчику жареных семечек и с большим удовольствием угощали наших почти «родных» голубей. Площадь также оказалась излюбленным местом сотен молодых мам с детьми.

Мы долго бродили по Венеции, любуясь ее каналами, гондолами и гондольерами. Местные жители были к нам внимательны и доброжелательны. Светило солнце, сверкало голубое море, и дюжина кораблей под различными национальными

флагами красовалась на рейде. Эти чудесные пейзажи до сих пор стоят у меня перед глазами.

На танкере «Таллин» я задержался на достаточно длительный срок. Через полгода меня перевели на должность 3-го механика, а перед списанием я даже в порту нес вахту за 2-го механика. Несомненно, это был мой успех, и меня все больше и больше увлекала морская карьера.

После танкера «Таллин» я был направлен на сухогруз «Ялта», который возил какие-то грузы в Румынию. Судно было небольшое, но экипаж в своей основе постоянный. Кратковременные рейсы привлекали. Это особенно важно было для семейных моряков и тех, кто учится, как и я. После каждого возвращения в Одессу я забегал в мореходку, чтобы сдать подготовленные контрольные работы и получить наставления опытных профессоров на выполнение следующих заданий. Время шло, и вскоре я уже сдавал экзамены за третий курс Одесского высшего мореходного училища.

Однажды я встретил своего однокашника и друга В.Зинченко. Мы пили кофе в кафе на Дерибасовской и вели душевные разговоры совершенно на другую тему. Постепенно тема нашей беседы перетекала в русло далекое от моря, моряков и морской стихии. Разговор пошел о ядерной физике. Как раз тогда начались научные исследования в этой области. И единственным институтом, который готовил специалистов по этому направлению, был Московский инженерно-физический институт (МИФИ).

Шел 1959 год. В Одессе стояла летняя жара. Много моряков «бичевало» без своих кораблей — флот активно строился, но судов все же не хватало для каждого из нас.

И вот мы, обсудив все за и против, повидав мир своими глазами, окончив три курса высшей мореходки, пришли к мысли — а не попробовать ли нам взять барьер и окунуться в «большую науку», на этот раз ядерную. Об этом много говорили,

писали газеты, молодые люди мечтали о профессии ядерщика. Все это навевало своего рода порыв — надо, надо и еще раз надо. А почему бы и нет? Нам всего-навсего исполнилось по 24 года, впереди почти вся жизнь.

На следующий день мы написали рапорты об увольнении из Черноморского флота, в связи с продолжением образования в одном из Московских высших учебных заведений.

27. СУДЬБА ИГРАЕТ ЧЕЛОВЕКОМ, А ЧЕЛОВЕК — СУДЬБОЙ

Вначале мы были зачислены в Московское высшее техническое училище (МВТУ) им. Баумана на факультет двигателей внутреннего сгорания, но потом все же решили перейти в МИФИ.

Итак, распрощавшись с морской карьерой, мы выбрали путь в большую науку. Впереди нас ждали открытия. Мы были решительны и с головой окунулись в новые учебные дисциплины: атомная физика, теория вероятностей, теория функции комплексных переменных, средства вычислительной техники, системы автоматизации управления, теория автоматического регулирования и другие.

Нам предоставили общежитие и выплачивали солидную по тем временам стипендию. В одежде мы не нуждались — ходили в морской форме, только сняли золотые шевроны с кителей и кокарды с фуражек. С тельняшками же не расставались все годы обучения. Как бы тяжело в учении не было, но мы получили-таки дипломы об окончании МИФИ.

А дальше, не поверите, судьба вновь круто изменила нашу жизнь. Вначале я, а затем и В.Зинченко (уже по моей рекомен-

дации) оказались офицерами Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Затем я был направлен на работу в должности инструктора отдела организационно-массовой работы Управления по работе среди моряков заграничного плавания Минморфлота СССР. Но это уже другая часть моего жизненного пути. В изданной мною книге изложено то, что я имел право написать с разрешения своего непосредственного начальства*.

Министром этого ведомства в те годы был замечательный человек Гуженко Тимофей Борисович. Моим же непосредственным начальником стал очень доброжелательный человек Миргазиян Юнусов. Татарин по национальности, моряк в душе, он был щедрым по натуре и вообще большим умницей. Не знаю, как в дальнейшем сложилась его судьба, но слышал, что он стал членом Союза писателей-маринистов Татарской АССР, чему я был бесконечно рад. Моим вышестоящим начальником стал Юрий Николаевич Евфарестов, член коллегии Минморфлота СССР, добрейший человек.

Мои непосредственные обязанности заключались в проведении организационной работы среди моряков заграничного плавания ряда пароходств. В частности, я отвечал за состояние дел в Грузинском, Новороссийском, Каспийском и Дунайском пароходствах и небольшом пароходстве в Средней Азии — Чард-жоу. В них были сформированы небольшие отделы, ориентированные на такую работу.

Среди инструкторов встречались мои однокашники по переходке. Мы понимали друг друга с полуслова. Работа налаживалась быстро, так как каждый прекрасно знал флотскую жизнь. Мы имели право выходить на прямые контакты с первыми секретарями партийных организаций любого из вверенных нам

* См. Николай Пушкарев. ГРУ: вымыслы и реальность. Специальная служба военной разведки. — М.: Яуза, 2004.

пароходств. Некоторых из них я знал лично или по учебе, или по службе на флоте. Конечно же, такая работа мне нравилась. Я был в гуще морской жизни и знал, что необходимо делать без подсказки сверху. Каждый инструктор отдела имел при себе подробную утвержденную инструкцию.

По роду своей деятельности я часто выезжал в командировки в качестве представителя аппарата Минморфлота СССР. На местах проверял, как идет работа, какая необходима поддержка сверху. Как и положено, после командировки писал отчеты. Иногда инструкторы ходили в рейсы, наблюдали и помогали советами командованию судов, как и каким образом необходимо проводить эту важную работу. А важность ее заключалась в достойном выполнении морского долга, достойном поведении в порту, будь он советским или зарубежным. Именно на инструкторов возлагалась задача поднимать дисциплину среди моряков, повышая тем самым авторитет Советского Морского флота.

Вскоре я познакомился не только с сотрудниками моего управления, но и аппаратом министерства в целом, где работали и часто несли вахту бывшие моряки, ушедшие по тем или иным причинам со своих кораблей. Были среди них и бывшие капитаны дальнего плавания, и старшие помощники капитанов, и старшие механики судов — «деды», и рядовые механики, штурманы, радисты. Встречались здесь и бывшие комсомольские работники, знакомые с морем лишь по наслышке и кинофильмам. Но всех их объединяло одно — это были глубоко порядочные люди, любившие море, уважающие моряков, их тяжелый и опасный труд. Все были едины в целях с теми, кто нес вахту в море четыре через восемь. Не зря гласит русская пословица: «Кто в море не бывал, тот и горя не видал». А кто бывал и видел, в том числе и горе, и гибель в морских глубинах товарищей по флоту, тот никогда не останется безучастным к страданиям других. Несомненно, мне было очень комфортно работать с моряками. Можно было

получить любой совет, поговорить о морских делах лично с кем-нибудь из членов экипажа, прибывшим с тем или иным общественным вопросом.

Однажды я познакомился с помощником министра по коллегии Леонидом Михайловичем Гранковым. Оказалось, что мы одноклассники. Он окончил речное училище в Ростове-на-Дону, а затем журналистский факультет Академии общественных наук при ЦК КПСС. Забегая вперед, скажу, что моя дружба с Л.М. Гранковым год от года крепла. Впоследствии я стал членом редакционного совета журнала «Морской флот». Он же был, есть и, надеюсь, еще долго будет возглавлять этот журнал, ибо «Морской флот» — его детище, которому он посвятил многие годы своей жизни. Именно благодаря ему в журнале появилось первое и единственное интервью о моей книге «ГРУ — вымыслы и реальность... Специальная служба военной разведки»*, прочитав которое, многие мои друзья, звонили мне узнать, кем я стал, чем занимался все эти годы и пр. А я просто честно служил своему Отечеству великому — Советскому Союзу и его народу.

Моя деятельность в ГРУ была достаточно сложной и неоднозначной. Я участвовал в еврейско-арабском информационном противодействии. Наш разведывательный корабль с моими друзьями — разведчиками на борту находился в Средиземном море и входил в состав мощной Советской Военно-морской эскадры, состоящей практически из полусотни военных кораблей различного назначения.

Служба в Минморфлоте СССР продолжалась. Вскоре на политработе мне присвоили звание, сопоставимое с должностью первого помощника капитана. На службу в министерство я вновь ходил в морском кителе с тремя нашивками на рукавах. Без пре-

* За публикацию этой книги военная контрразведка «завела» на меня уголовное дело, которое долго и нудно пыталось размотать ФСБ РФ, но тщетно, их усилия были напрасными.

увеличения скажу, что, по моему мнению, более красивой формы, нет вообще. За многие годы она практически ни разу не менялась. Флот консервативен и сохраняет свои вековые традиции еще со времен Петра Первого, адмиралов Ушакова, Нахимова и др. флотоводцев. Моряки становились серьезной угрозой неприятелям, посягавшим на Российскую Империю и Советский Союз. Не исключаю, что и современная Россия сумеет дать отпор на флотах каждому непрошеному врагу, если ее руководители осознают возможные опасности...

Шел 70-й год прошлого столетия. В нашей стране стали создаваться первые автоматизированные системы управления (АСУ), в том числе и на флоте. Нужны были опытные мореходы, имеющие соответствующее образование и готовые применить свои знания в этом исключительно новом и архиважном для морских сил СССР деле. Тогда ежедневно в морском мировом пространстве находилось около трех тысяч кораблей и судов различного назначения, включая военные, торговые, транспортные и специальные. Не говоря уже о китобойных флотилиях и др. кораблях.

Работая в аппарате Минморфлота СССР, я внимательно, по прессе, разумеется, следил за подобными разработками. И радовался тому, что современная вычислительная техника наконец-то находит свое применение. А ведь, когда мы изучали эту технику в МИФИ, словарь по философии классифицировал кибернетику, генетику и ряд других направлений как лженаучные. Мы же, студенты МИФИ, видимо, слабо знали советскую философию, поскольку усердно занимались всем, что было связано с кибернетикой.

И вновь судьба приготовила мне сюрприз. Как-то в министерство пришел начальник отдела «АСУ-Морфлот» Союзморпроекта А.Н. Раховецкий. Полагаю, он был в курсе, что есть такой специалист, который знает море и вычислительную тех-

нику, поскольку стал меня уговаривать перейти в его отдел на должность начальника сектора «АСУ-кадры».

Честно скажу, я долго не размышлял и дал согласие окунуться на этот раз в неизведанные мною глубины большой науки. Мне было не привыкать к поворотам жизни, да я и не пытался им сопротивляться. Все новое и неизведанное притягивало меня как магнит. И на этот раз я подумал, а почему бы и нет. Риск, как говорится, благородное дело, и я рискнул. Переводом меня направили в научно-исследовательский институт морского транспорта для участия в разработках «АСУ-Морфлот».

28. НАЧАЛЬНИК СЕКТОРА ПОДСИСТЕМЫ «КАДРЫ» «АСУ-МОРФЛОТ»

Мой новый институт находился недалеко от Коптевского рынка. Это между станциями метро «Сокол» и «Аэропорт». Место было тихое, что, на мой взгляд, вполне содействовало проведению научных разработок.

Первым делом начальник отдела, кандидат технических наук, капитан дальнего плавания А.Н. Раховецкий собрал весь коллектив и представил меня сотрудникам как крупного специалиста в области АСУ, акцентировав их внимание на том, что я еще и моряк дальнего плавания, к тому же окончил почти две мореходки — одну в Батуми, другую в Одессе, и один из элитных институтов Москвы и всего СССР — Московский инженерно-физический институт, факультет «вычислительная техника» по специальности «системы автоматического управления». Еще он добавил от себя, на мой взгляд, много лишнего, желая таким образом повысить мой вес в глазах коллектива разработчиков «АСУ-Морфлот».

Передо мной сидели довольно молодые сотрудники отдела — в возрасте от 18 до 35 лет, все они окончили различные институты Москвы. Кто-то Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, кто-то Московский экономико-статистический институт. Были специалисты и других вузов, в том числе высших морских училищ, отдавшие немало лет службе на флоте, и работавшие в области эксплуатации судов и организации перевозки грузов.

В общем команда подобралась вполне подходящая для совместного решения поставленных научно-производственных задач. Научные сотрудники и инженеры моего сектора были работоспособными, корректными людьми и добивались неплохих результатов. Среди основных членов команды, на мой взгляд, способными оказались несколько молодых женщин. Это Инна Леонидовна Кабринская, талантливый системщик и аналитик, и Галина Ивановна Ильина, занимавшаяся непосредственно программным обеспечением подсистемы «Кадры» в «АСУ-Морфлот». Забегая вперед, скажу, что спустя годы, как мне стало известно, она вместе с мужем Геннадием Кабринским покинула СССР и выехала на постоянное жительство на свою «обетованную» Родину — в Израиль. Как гласит русская поговорка: «Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше».

Шел 1972 год, разработки по проблеме «АСУ-Морфлот», можно сказать, шли полным ходом. ММФ СССР для этих целей закупил в Англии новейшую, по тем временам, электронно-вычислительную машину «Sistem 4/50», которая обладала значительным быстродействием и солидной надежностью в эксплуатации. Вскоре после этого в Англию уехали на 3–4 месяца наши экстра-программисты для обучения техники программирования на новой ЭВМ.

Еще до их отъезда к нашим разработкам был подключен Институт проблем управления Академии наук СССР в лице д.э.н.,

профессора Олега Ивановича Авена. И здесь хочу сделать еще одно лирическое отступление. Его сын, Петр Олегович Авен, впоследствии стал президентом КБ «Альфа-Банк» и учредителем ряда других компаний, иными словами говоря – «олигархом».

Я Петю Авена знал практически с пяти лет, поскольку с Олегом Ивановичем мы были очень хорошими друзьями во времена работы над созданием «АСУ-Морфлот». К тому же он еще был и научным руководителем кандидатской диссертации моей сестры Елены Федосовны Съединой (Пушкаревой). Она также работала над созданием «АСУ-Морфлот», успешно защитила диссертацию и внесла значительный вклад в процессы автоматизации по определению дислокации судов Морского флота СССР в водном мировом пространстве. Кстати, она тоже окончила МИФИ по специальности «вычислительная техника».

Однажды, вспомнив своего старого друга, Олег Иванович к тому времени уже умер, я позвонил его сыну Петру. Секретарь сообщила ему о моем звонке. В ответ он попросил передать, что у него нет желания со мной разговаривать. Вот так, «звездная болезнь» не позволила банкиру разговаривать с нищим профессором. Петр, видимо, полагал, что я буду просить у него денег на выживание, однако же мне лишь хотелось сказать добрые слова в годовщину смерти его отца. На этот случай есть еще одна русская поговорка: «Если русский человек думает душой и сердцем, то еврей только прибылью». Один с такой прибылью уже не один год бегают по всему миру. Я имею в виду еврея Бориса Березовского. Только российское правосудие завело на него пять уголовных дел. Его разыскивает Интерпол. За махинации его хочет привлечь к ответственности и израильская фемида. Не осталась в стороне и всеми «любимая» Америка. Однако Б. Березовский под защитой английской короны чувствует себя абсолютно неуязвимым. Вот он справедливый западный мир и его справедливое правосудие. А пишу я

о Борисе Абрамовиче лишь потому, то в 70-е годы мы вместе работали в ИПУ АН СССР. В те годы он ничем особо не отличался от остальных, получал, как и все молодые ученые, не то 120, не то 130 рублей ежемесячного оклада. Он, как и я, окончил факультет вычислительной техники, но не в МИФИ, а в Московском лесотехническом институте. А теперь его весь мир ловит, включая Интерпол, и почему-то поймать не может. Вот и верь после этого мировой фемиде!

Но вернусь к «АСУ-Морфлот», которая стала одной из ключевых систем, разрабатываемых тогда в Москве. В те годы наши специалисты активно делились опытом с другими отраслями и ведомствами Советского Союза. Впоследствии, для более глубокого взаимодействия, мною был создан Научно-методический совет по созданию, внедрению и развитию подсистемы «Кадры» в АСУ различных отраслей народного хозяйства. Ее руководители часто собирались во Всесоюзном научно-исследовательском институте проблем управления Государственного комитета ССР по науке и технике. Институт возглавлял известный ученый с мировым именем, академик Виктор Михайлович Глушков, а его заместителем был Виталий Иванович Максименко, в недалёком прошлом полковник ГРУ ГШ ВС СССР. Именно В.И. Максименко стал научным руководителем моей кандидатской диссертации на тему «Подсистема «Кадры» в «АСУ-Морфлот», которую я с успехом защитил в Московском авиационном институте им. С.Орджоникидзе.

Председателем совета в то время был замечательный человек, профессор, доктор экономических наук, декан экономического факультета Саркисян Сергей Арамович. Выпускающей была кафедра № 504, возглавляемая профессором, доктором экономических наук Трошиным Александром Николаевичем. Кстати, впоследствии он стал зам. председателя Госплана РСФСР. Это был знающий и очень требовательный

ученый. Именно после того, как я защитил диссертацию, начала формироваться моя научная карьера. Я много писал научных статей, тезисов докладов, выступал на различных предприятиях, и, будучи лектором общества «Знание», много ездил по Советскому Союзу.

Вскоре во ВНИИПОУ ГКНТ СССР совместно с МВД СССР было решено приступить к разработке автоматизированной системы «Население и кадры». Нас тогда многие именитые институты и ученые поддержали. Для работающих в данном направлении мы провели в Суздале три научно-практические конференции, на которые съехались не менее 150-200 человек со всех концов СССР.

Цель данной системы была достаточно простой – в автоматизированном режиме осуществлять перепись населения с учетом места жительства. В этом случае мы выходили на тринадцатизначный учетный (регистрационный) номер, присваиваемый каждому гражданину нашей великой страны.

Но тут произошло событие, перечеркнувшее наше начинание. На окончательное обсуждение проекта прибыли ученые, в том числе из МГУ им. М.В. Ломоносова. И вот один из них, по фамилии Юдин (или что-то близкое), жестко раскритиковал наш замысел. В заключение своего длительного «опуса» он заявил, что если вдруг к власти в СССР придет новый Гитлер, то по такому учетному номеру без труда установит и уничтожит всех евреев. Я пытался протестовать против его высказывания, но этот «ученый», ни много ни мало, объявил меня антисемитом. И дальше мне не дали слова сказать в свое оправдание. Ну какой же я антисемит? Я простой ученый – разработчик «АСУ-Морфлот».

Прошли годы, и вдруг появился этот номер, но уже под другим соусом – ИНН, якобы налоговый. И все промолчали, его приняли. Я же, оставаясь последовательным ученым, от-

казался от принятия этого номера, помятуя о том, что вдруг придет «некто» и по этому номеру вырежет всех русских. А их и так ныне становится все меньше и меньше. Вот так, парадоксы в жизни и в науке идут рядом.

Разумеется, нашу разработку по автоматизированной системе «Население и кадры» прекратили, остались только в изданном варианте тезисы докладов, а также кратко изложенный проект этой разработки. Можно смело сказать, что это был своего рода Интернет, но в масштабах СССР.

Для многих не является секретом, что сегодня на «рынках» продаются автоматизированные базы данных миллионов, бизнесменов, чиновников и других крупных и влиятельных лиц, где указаны все нужные и совсем ненужные сведения о конкретном лице. Однако методов борьбы против такой распродажи не проводится, или их кто-то и почему-то применять не хочет. Только и слышишь: коррупция, криминал, продажность чиновников и т.д. и т.п.

Может быть, как выход из такой ситуации – запретить все разработки как АСУ, так и Интернет?! Тогда-то, вероятно, и наступит спокойствие?! А ведь кто-то ждет еще прихода «нового» Гитлера, и таких по земле-матушке ходит достаточно много. Кажется, что именно они и определяют, в конечном счете, политику жизни всех народов мира.

Тем не менее, научные разработки и эксперименты по созданию «АСУ-Морфлот» продолжались. Весь коллектив отдела усердно работал, много читал, изучал опыт других научных коллективов и все полезное переносил в свои замыслы. Очень часто ездили на научные конференции, где докладывали о своих подходах, заимствовали опыт других коллективов, занятых теми же проблемами.

Вернулись из Лондона специалисты, обучавшиеся программированию и математическому обеспечению на ЭВМ «Sistem-4/

50». На местах, т.е. в вычислительных центрах в Одессе, Новороссийске, Батуми, Измаиле, Баку, Владивостоке, Холмске, Ленинграде, Таллине, Риге, Вильнюсе, Мурманске и Архангельске, как правило, стояли отечественные ЭВМ типа «Минск-32», выпускаемые советской Белоруссией. Кое-где применяли ЭВМ «Раздан», выпускаемые советской Арменией. В этих вычислительных центрах также довольно успешно шли аналогичные разработки, но с привязкой к особенностям советских ЭВМ.

В самом Минморфлота СССР также был сформирован специальный отдел АСУ, который возглавлял один из помощников министра Воронков Александр Васильевич. Консерватор по натуре, он стремился как можно быстрее разработать и внедрить «АСУ-Морфлот» в практическую работу. Мы же, разработчики АСУ, часто с ним спорили и доказывали свою правоту результатами наших научных исследований. Но он не сдавался и часто проводил свою линию. Дело в том, что он хорошо знал советский флот, знал и международную обстановку, которая была в те годы. Советский флот пополнялся сотнями судов ежегодно. Для нас строили финские судоверфи, немецкие (ГДР), ленинградские, николаевские, херсонские и др. Ввод новых кораблей требовал в том числе и ускорения наших разработок. Поэтому в чем-то Воронков был, конечно, прав.

Требовались и грамотные моряки. Мореходные школы и училища активно готовили новую смену. Среди них следует выделить высшие мореходные училища в Одессе, Ленинграде, Мурманске, Владивостоке, Новороссийске, средние мореходные училища в Ростове-на-Дону, Батуми, Баку, Одессе, Холмске, Владивостоке, Мурманске, Архангельске, Петропавловске-Камчатском, Таллине, Риге, Вильнюсе и др. Что же касается мореходных школ и ПТУ, где обучался рядовой состав – электрики, мотористы, токаря, слесаря, кочегары, механизаторы и т.д., их тоже было значительное количество.

Вообще советский морской флот день ото дня набирал силу и мощь и, несомненно, являл собой определенную конкуренцию кораблям других стран мира.

Была несколько изменена форма моряков, в том числе и курсантская. Появились погоны на плечах и нарукавные шевроны. Бескозырки, которыми мы, будучи курсантами, безмерно гордились, заменили на фуражки с якорями над козырьком. Это еще больше добавило блеска курсантам-мореходам.

В процессе работы над созданием, внедрением и развития «АСУ-Морфлот» и, в частности, автоматизированной подсистемы «Кадры» у меня накопилось много научного и практического материала. И я начал подумывать о подготовке диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. То есть мечта быть ученым и оставаться в науке меня все более и более обязывала защитить подобную диссертацию. В ту пору мне исполнилось только 35 лет. Работал я много, не вылезал из библиотек, скупал всю современную научную литературу по выбранной мною проблеме.

Работа шла достаточно успешно, и спустя три года моя диссертация была уже готова в первом ее варианте. Предстояло найти диссертационный совет, оппонентов, ведущую организацию и ряд известных ученых для подготовки отзывов на автореферат. В Союзморниипроекте, а вернее в Московском авиационном институте, где я защищал кандидатскую, вторую научную работу, а вернее докторскую диссертацию, мне бы защитить уже не дали. В этом я был уверен, поскольку, едва я заикнулся об этом, мне дали понять, что, как показывает практика, докторами в области экономики становятся люди не моложе 50 лет. Мол, мил человек, ты работай, а Родина скажет, когда придет твое время идти на свою защиту. Такой ракурс разговора меня не утешил, хотя я понимал, что это не шутки и что политика КПСС в этом случае выдерживалась строго.

Если бы я работал в Академии наук или в ее институтах, то, вполне возможно, у меня не было бы подобных затруднений.

Тем не менее, диссертация была готова, но ее никто не желал читать, к кому бы я ни обращался. Все диссертационные советы в Москве как один деликатно отказывали под различными предлогами: то имеется большая очередь, то скоро заканчивается срок действия совета, то моя тематика не соответствует их направлениям и т.д. Но я не отчаивался и активно искал выход из сложившегося положения.

В это время из Союзморниипроекта я перешел на работу в должности зав. кафедрой одного из московских институтов повышения квалификации руководящих работников. Я надеялся, что другой институт мне окажет поддержку уже в защите докторской диссертации, но тоже ошибся... Не оказал.

Однажды по каким-то научным делам, связанными с «АСУ-Морфлот», я пошел в ГКНТ СССР, где случайно встретил В.И. Максименко, того самого, который мне некогда оказал поддержку в защите кандидатской диссертации. Мы с ним зашли в буфет, взяли по чашечке кофе и повели длительный разговор. Выяснилось, что доктор экономических наук, профессор, зам. начальника Главного управления по вычислительной технике и АСУ ГКНТ СССР когда-то был военным разведчиком, о чём я уже писал чуть выше. Проходил разведслужбу под прикрытием в Австрии до тех пор, пока по одной причине, о которой он мне рассказал, в течении 24 часов не был выдворен из этой страны. Такое с разведчиками бывает часто и в этом нет ничего удивительного.

Я тоже рассказал ему, что являюсь офицером Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР, что работал в сфере еврейско-арабского информационного противоборства в 60-е годы во время военных действий Израиля, Сирии и Египта.

Он как опытный разведчик в звании полковника, которое получил в 35 лет, видимо, не по блату, а за определенные заслуги, дальше не стал меня ни о чем расспрашивать. Как говорится, разведчиков бывших не бывает. В конце беседы он пообещал мне помочь с защитой, когда прочтет подготовленную диссертацию.

Где-то через месяц-полтора он позвонил и попросил зайти в Комитет по науке и технике, где в тот момент продолжал работать. Я, как и положено, прибыл в означенное время. Его секретарь попросила меня немного подождать, сказав, что он беседует с известным и уважаемым академиком из Киева. Через несколько минут я вошел в кабинет. Виталий Иванович встал из-за своего стола и представил меня академику Глушкову Виктору Михайловичу, директору Института кибернетики Академии наук Украинской Советской Социалистической Республики.

Тогда В.М.Глушков, видимо, хорошо проинформированный В.И.Максименко, сказал, чтобы я, не мешкая, собирался и выезжал в Киев. Там в Институте кибернетики необходимо было обратиться к доктору экономических наук, профессору Шкурбе В.Н.

Вскоре я оказался в столице Украины – г. Киеве, а точнее – в отделе АСУ Института кибернетики АН УССР. Профессор Шкурба В.Н. принял меня очень доброжелательно, сказав, что назначит дату предварительной защиты сразу после ознакомления с диссертационной работой.

Скажу прямо, процесс подготовки к защите оказался довольно сложным и длительным. Мне приходилось довольно часто ездить в Киев: то не было одного из рецензентов, то дату обсуждения работы перенесли на другой срок, то у другого рецензента появились какие-то вопросы, а третий рецензент буквально «вцепился» в математические методы и модели, которые я предложил в своей диссертации.

Как бы то ни было, мне наконец-то определили дату защиты диссертации на совете Института кибернетики АН УССР по специальности «Вычислительная техника и математические методы в планировании, экономике и управлении народным хозяйством». Назначили трех оппонентов: профессора, доктора экономических наук В.С. Немченко, доктора экономических наук, профессора Яковенко и член-корр. АН УССР Бакаева.

В назначенный день члены диссертационного совета собрались в зале в количестве 22–25 человек. Первое слово дали ученому секретарю совета В. Шкурбе, который с юмором сказал буквально следующее: «Уважаемый председатель, уважаемые члены диссертационного совета, приглашенные. Сейчас вам предстоит заслушать выступление кандидата экономических наук Пушкарева Н.Ф. и, обсудив содержание диссертации, принять верное решение... Намедни один «москаль» уже защищался, но, к сожалению, провалился. Посмотрим, как этот «москаль» себя покажет». Тогда шёл 1978 год...

«Москаль» себя показал с самой лучшей стороны. Мне было задано 189 вопросов, на которые я четко и со знанием дела ответил. Затем выступили три оппонента. Они кратко доложили в чем суть диссертации, ее преимущества перед многими другими работами, отметили новизну диссертационного исследования и выделили мой личный вклад в науку и ее будущее. Ну а потом развернулась дискуссия по моему выступлению и ответам на заданные вопросы.

Не скрою, что защита длилась около семи часов. Как отметили киевские ученые, такого случая в их практике еще не было. Когда подсчитывали бюллетени, голосование проводилось тайно, в урне не оказалось отрицательных. Все члены диссертационного совета Института кибернетики АН УССР проголосовали единогласно «за». От перенапряжения во время защиты у

меня пересохло в горле, и я уже практически не мог говорить.

И вот, наконец, Председатель совета объявил окончательное решение: «Ходатайствовать перед Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Совете Министров СССР о присуждении Н.Ф. Пушкареву ученой степени доктора экономических наук по специальности: 08.00.13 и по теме «Управление кадрами морского флота с использованием средств вычислительной техники».

На другой же день возникла проблема со стенограммой из-за большого количества заданных вопросов и достаточно объемных ответов на них соискателя. Ее разрешили, включив в стенограмму около 50 основополагающих вопросов, и в таком виде отправили в Москву в ВАК при Совмине СССР.

Поздно вечером я, моя жена Любовь Ивановна и сын Николай, которому было 13 лет, отправились в ближайшее кафе с прекрасным названием «Ярославна». Заказали бутылку советского полусладкого шампанского и какой-то салат. Я испытывал такую усталость, что не в силах был даже одолеть и один фужер.

Дело едва не осложнилось тем, что мне с места уже новой работы руководство института и партийное бюро (комитет) дали отрицательную характеристику, аргументировав это тем, что я, якобы, не достоин именоваться доктором наук, поскольку работа написана, наверное, кем-то другим. Но из этого положения каким-то образом вышли мои украинские коллеги, сказав, что не характеристика защищается, а диссертация — ее сущность, содержание, новизна и личный вклад ученого. Впоследствии члены диссертационного совета в этом убедились. Я до сих пор поддерживаю со своими коллегами из Киева дружеские отношения и как могу каждому оказываю поддержку в их сложное ныне время в Украине.

29. ПОВТОРНАЯ ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ НА ЭКСПЕРТНОМ СОВЕТЕ ВАК ПРИ СОВМИНЕ СССР

Прошло несколько месяцев, и меня открыткой пригласили в ВАК для беседы «по душам». Беседа оказалась более чем неприятной, поскольку, как выяснилось, на меня поступило большое количество анонимных писем. В них указывалось все, что только можно выдумать: якобы диссертацию печатала лаборантка кафедры, а я использовал ее труд в рабочее время; использовал чьи-то чужие результаты, полученные при написании диссертации; я почти диссидент и не уважаю Советский Союз, поэтому и не была подготовлена на меня положительная характеристика. К моему огорчению, ответственные работники ВАК пустили анонимки в ход. Эти «кляузы» были направлены в отдел науки ЦК КПСС, КГБ СССР, Отдел образования Совмина СССР, Министерство высшего и среднего специального образования СССР, ВАК при Совмине СССР и т.п. и т.д.

Я все это внимательно прочитал, а затем мужественно и стойко выдержал слишком длительную и насыщенную беседу о том, какой я подлец и т.д., и т.п. Честно говоря, я приблизительно догадывался, кто писал эти письма-анонимки, но мне это уже помочь ничем не могло.

В конце беседы подвели итоги, и руководство ВАК при Совмине СССР приняло решение провести повторную защиту моей работы на Экспертном совете ВАК. Уже прощаясь со мной, сотрудники ВАК предупредили, что через пару недель я получу приглашение в виде открытки со штампом ВАК, где будет указано место и время проведения защиты.

Так оно и произошло. В означенное время я прибыл, как говорится, для дачи показаний по своей диссертации. Оделся

скромно, так как другого, более эффектного костюма у меня еще не было. Открылась дверь аудитории, и достаточно молодой мужчина пригласил меня войти. Помещение представляло собой обычный ученический класс с партами, за которыми сидели ученые мужи и не мене ученые дамы. Ведь располагалось оно в обычной школе. Новое здание ВАК, то, что вблизи станции метро Кировская, еще достраивалось.

Председательствовал на экспертном совете доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой МГУ Шеремет, к сожалению, не помню его имени и отчества.

Прежде чем приступить к процедуре повторной защиты, он проинструктировал меня, как необходимо вести себя во время этой процедуры.

Членов экспертного совета, по моему беглому подсчету, оказалось около 30 человек. Каждый вправе был задавать любые вопросы по моей работе. Я же должен был на них кратко, но обоснованно отвечать. Никаких вопросов к членам экспертного совета с моей стороны не допускалось. Профессор Шеремет также уточнил, что каждый член экспертного совета может задать несколько вопросов подряд, причем в удобный для него момент. Иными словами, со мной собрались «играть в одни ворота». Я — вратарь ловлю мячи-вопросы, летящие на меня со стороны 30 нападающих-экспертов. Чувствую, удары предполагаются каверзные, с подковырками и лобовыми атаками. Право скорректировать готовящееся нападение мне не дано — слушай и четко отвечай.

Итак, процесс пошел. Профессор Шеремет махнул рукой, словно судья матча дал свисток, и запустил игру. Помню, у меня в голове мелькала лишь одна мысль — не сорваться и на каком-то этапе не сказать грубость. Все мое существо было напряжено до предела... На меня обрушился шквал вопросов, которые я едва успевал парировать. Несомненно было одно — все при-

сутствующие на заседании профессора задавали вопросы конкретно, без какой-либо злобы или напряжения. Правда, один из них попытался-таки отступить от предмета обсуждения. Его вопрос относился, скорее, к моей личности, нежели к диссертации. Но тут, надо отдать ему должное, профессор Шерemet вежливо осадил «язвительного» ученого, попросив задавать вопросы по существу. В процессе обсуждения я понял, что все члены экспертного совета внимательно прочитали мою работу и задавали преимущественно уточняющие вопросы по теме моих исследований.

Каждый заданный мне вопрос, равно как и каждый мой ответ фиксировала стенографистка.

Честно признаться, меня то бросало в жар, то охватывал озноб, то вдруг почему-то очень хотелось вновь немедленно выехать в Южный Йемен — когда-то, еще в бытность офицера военной разведки, меня, неплохо владеющего арабским языком, отправили туда по линии МВД СССР.

В голове, как перед казнью, проносилась вся моя бурная, еще сравнительно недолгая жизнь. Вспомнил я свой крестьянско-колхозный быт, работу от восхода до захода солнца. Вспомнил своих родных, близких, друзей и товарищей. И, кажется, был готов принять справедливую кару — расстрел пред строем именитых ученых. Только что вот глаза мои не были завязаны и не было на голове мешка.

Процедура экспертной защиты, действительно, во многом напоминала именно расстрел, но расстрел вопросами, быстрыми как пули. И как перед расстрелом, одна мысль молниеносно сменяла другую: за что мне выпало такое испытание — за мой невероятный труд на флоте, в МИФИ, военной разведке, научных изысканиях или же за опаленное Великой Отечественной войной детство, полное лишений и утрат.

Видимо, рано или поздно такое бывает в жизни каждого человека, когда ему уже становится все равно — быть или не быть. Такое со мной уже происходило во время шторма в Бискайском заливе. Тогда оборвались тросы, и наш док бросало как щепку океанской двадцатиметровой волной. Где были башни, а где днище, только один Господь Бог знал. Нечто подобное я уже испытал, когда по долгу службы посещал советско-китайскую границу по рекам Шилка и Аргунь. Очень хорошо помню призыв коллег пограничников: «Разведка, пригнись, а то с китайского берега сейчас пройдет пулеметная очередь...» В те годы с Китаем были крайне напряженные отношения, доходящие до вооруженных столкновений, например на острове Даманский.

Было и многое другое. Однажды в Стамбуле меня крепко прижали ножами к стене дома и вынули из карманов все, что там было, не забыв снять с руки и часы «Победа». Эта марка часов в те годы пользовалась большим спросом. И, может быть, мою «Победу» до сих пор носит какой-то турок.

Если говорить правду, то в Батуми, когда приходили турецкие корабли, мы нередко потрошили турецких моряков, отпуская их раздетыми с паспортом в зубах и со связанными ремнями руками. Мы были молоды и не могли прощать некорректного отношения к себе кому бы то ни было, будь это турок, француз, англичанин или американец. Мы мстили за нашу поруганную честь и честь наших друзей-моряков. С тех пор прошло около 50 лет, и за давностью лет об этом уже можно не только рассказывать, но и писать в воспоминаниях.

Но вернемся в ВАК. Вопросы все сыпались и сыпались, как футбольные мячи в ворота от опытных нападающих. В тот день я, наконец, понял, какие огромные возможности скрывает в себе организм человека. В обычной обстановке правильно отвечать на вопросы и при этом вспоминать бог знает отку-

да нахлынувшие эпизоды юности, кажется нереальным. Да, видимо, такая возможность заложена природой, и, может быть, не в каждом человеке, а в тех, кто знает, для чего живет и во имя чего ведет борьбу, даже иногда и несправедную. Разве праведный допрос учинили мне эксперты совета ВАК? Конечно, нет. Но «сверху» сказали: «Надо». И колеса закрутились...

Казалось, это испытание не закончится никогда. Наконец, профессор Шерemet сообщил, что вопросы членов экспертного совета исчерпаны и что картина им представляется достаточно ясной и понятной. Меня попросили выйти в коридор и подождать там принятия решения. В коридоре не было ни скамеек, ни стульев, поэтому я забрался на подоконник, ноги поставил на батарею и спиной привалился к окну. Я очень устал, и слабость ощущалась во всем теле. Не знаю, сколько времени я просидел там с закрытыми глазами, но вдруг дверь аудитории приоткрылась, и меня пригласили войти. Я абсолютно не переживал, меня, кажется, уже устраивало любое решение. Решил: возьму билет и уеду в Мурманск или Владивосток, вновь буду ходить в морские рейсы, побываю в тех странах, где еще не бывал. Море всегда лечит от грусти и разлуки, боли и хандры, усталости и безрадостности...

И как-то совсем неожиданно для меня, прервав мои радужные мысли о море и морских походах, профессор Шерemet взял паузу, а затем объявил кратко, но точно: «Экспертный совет, изучив вашу диссертационную работу, а также проанализировав ваши ответы на задаваемые экспертами вопросы, принял решение следующего содержания: диссертация, подготовленная вами, Николай Федосеевич, в экономическом плане слабовата, но те математические методы и модели, которые вы разработали и изложили в своей работе, представляют значительный интерес для науки и ее развития. В связи с этим Совет решил одобрить предложенную диссертацию и

присудить вам искомую ученую степень доктора экономических наук». Он поздравил меня с единогласным решением членов совета и пожелал дальнейших творческих успехов в науке.

Я не заметил, как из аудитории вышли члены экспертного совета, и только спустя некоторое время обнаружил, что остался один в комнате. Как долго это длилось, не помню.

Вот так я стал доктором экономических наук. Вскоре в Белом зале ВАК при Совмине СССР академик Федосеев вручил мне диплом и произнес теплые напутственные слова.

После всего пережитого я решил распрощаться с морской жизнью и снова выбрал преподавательскую работу. Меня назначили заведующим кафедрой Высшей школы профсоюзного движения им. Н.М. Шверника. Дальнейший мой жизненный путь был связан с преподаванием, работой с аспирантами и докторантами и написанием научных статей, учебных пособий, монографий и т.д.

И, конечно же, я был несказанно рад, когда через годы мой единственный сын Николай Николаевич Пушкарев под руководством замечательного человека и известного ученого, д.э.н., профессора, академика Волгина Николая Алексеевича с блеском защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук в Российской академии государственной службы при Президенте РФ. С тех пор минуло более семи лет, и сейчас он работает в должности профессора одной из кафедр Московской государственной академии путей сообщения (МИИТ).

* * *

Однажды судьба свела меня с замечательным человеком и известным ученым Сибирского отделения АН СССР Агелом Аганбегяном. Через общих друзей из научной сферы проф. Аганбегян попросил меня позвонить ему относительно воз-

можной для меня работы. Я незамедлительно связался с ним, и он пригласил меня на беседу в организацию, которую часто посещал во время визитов в Москву.

Беседа, не скрою, оказалась для меня очень приятной и перспективной. Профессор Аганбегян прямо заявил, что знает многое обо мне, в частности, что я моряк и ученый-экономист, и к тому же рекомендуют меня очень известные люди не только в Москве, но и в стране.

Немного поразмышляв совместно о том, что происходит с отечественной наукой, а это был 1980-й год, профессор Аганбегян, глядя на меня своими большими карими глазами, с улыбкой произнес: «Не хотели ли бы Вы поехать во Владивосток и возглавить Институт экономики океана АН СССР?» А потом рассказал о том, что меня ждет в случае согласия: квартира на берегу океана, яхта, приписанная к институту и, конечно же, избрание через год-два членом-корреспондентом Академии наук СССР. Перспектива была для меня более чем заманчивая. К тому же, он еще раз подтвердил, что ему нужен моряк с опытом службы на флоте, ученый с практическими результатами и достаточно молодой. Мне исполнилось тогда 38 лет. Профессор Аганбегян сказал, что не сомневается во мне, верит в меня, мое трудолюбие и упорство в достижении поставленных целей и реализации конкретных научных задач, и что я непременно справлюсь со своими новыми обязанностями. Еще он предложил мне посоветоваться со своей семьей, взвесив все «за» и «против». Владивосток — это не Москва, и, конечно же, надо все как следует обдумать. В случае положительного решения мне придется уехать не менее чем на 10 лет, а может быть и навсегда. Чтобы стать ученым с мировым именем, надо много, долго и плодотворно работать. А там будут близкие научные связи с Кореей, Японией, Китаем и другими дальневосточными государствами. Мне необходимо будет ча-

сто ездить в командировки, заключать договора, а также заниматься хозяйственной и кадровой работой. На размышление мне отводилось не более двух недель, так как прежний директор был вынужден спешно переехать в Ленинград по семейным обстоятельствам.

В принципе, я принял решение поехать и продолжить свою морскую карьеру. Меня все устраивало, и я был уверен, что непременно справлюсь с этой необычной для меня работой. Однако вскоре меня пригласили в отдел науки ЦК КПСС, и из беседы я понял, что чиновников этого департамента во мне что-то не устроило и что это — моя борода, которую я носил еще будучи моряком судов заграничного плавания. Вопреки требованию чиновника из ЦК КПСС я сбривать бороду отказался... и как результат — мне отказали.

А может, это и к лучшему, Господь Бог знает больше, чем кто-либо другой. Пришло время, когда ЦК КПСС канул в лету, а наука, к сожалению, находится в «загоне», как говорят физики-ядерщики, в «потенциальной яме». Думаю, что это пока и настанет другое время, придут другие люди.

30. МОЯ СТАРШАЯ СЕСТРА МАРИЯ

Когда мне было 8–9 лет (1946–1947 гг.), моя старшая сестра, можно сказать, вытащила меня из клинической смерти. Она где-то раздобыла стакан молока, достала железный калачик (инструмент для плетения лаптей), раздвинула им мои намертво стиснутые зубы и влила в рот молока. После чего я открыл глаза и, кажется, воскрес из мертвых. Да, страшно голодными были военные и послевоенные годы. В деревнях, селах и небольших городах сотнями умирали взрослые некогда здоровые

люди, старики, и особенно малолетние дети. К сожалению, я не могу найти слов, чтобы описать реальную жизнь тех времен.

Перед глазами вечно стоит такая картина – несколько женщин за веревки тянут борону по полю. Кони-клячи еле шевелят ногами, вспахивая землю. Люди пытались запрягать в плуг быков и коров, но из этого ничего не получалось.

Однако, вернусь к рассказу о своей старшей сестре Марии. Она, как и многие другие в те годы, много работала на лесоповалах по рекам Вятка и Кама. Вначале лес нужен был для победы на фронте, потом для восстановления народного хозяйства. Не вернувшихся с войны мужей, отцов и братьев заменили их жены, дочери и сестры. Работали от зари до зари, без выходных и отгулов, бесплатно, а если повезет – за кусок хлеба или ведро полугнилой картошки.

Крестьяне, не имевшие паспортов, были бесправными людьми. Максимум, на что они могли рассчитывать, это получение в сельском совете справки о том, что они являются колхозниками такого-то колхоза, и больше ничего. Денег в колхозах не платили. Урожай со своего личного подсобного хозяйства, если он конечно выдавался, крестьянин мог продать на рынке и на вырученные гроши купить керосин, свечи, ножницы, гвозди и другое самое необходимое для дома. Крестьянские дома были, как правило, бревенчатые. Посреди дома стояла печь, крыша зачастую была покрыта соломой. Одевались люди очень просто. В жуткие морозы носить кроме лаптей было нечего. Кое у кого были, правда, валенки, подшитые уже по несколько раз.

В этих «жизненных условиях» многие молодые женщины, вдовы или невесты, искали мужей в ближайших городах. Их мечта была выйти замуж, получить желаемый паспорт и устроиться на работу в городе, чтобы получать хотя бы мизерную, но зарплату. Так поступила и моя сестра Мария. Об этом эпизоде ее жизни я писал в первой части книги.

Вскоре после развода с фиктивным мужем Мария встретила другого мужчину, Петра Павловича Микрюкова, только что вернувшегося с Японской войны. Он был шофером, возил зерно и другие грузы в небольшом районном городке Зуевка Кировской области.

Мне было четырнадцать лет, когда Мария со своим новым мужем начали строить свой собственный дом в Новом парке на окраине Зуевки. В строительстве этого дома я помогал как только мог. Копал землю под фундамент, строгал бревна для стен и доски для крыши. Очень уставали, но работали с радостью, ведь создавали свой собственный дом. И вот по улице Герцена появился дом № 5. Вскоре сюда же перевезли амбар из отчего дома в деревне Петухи, где мы родились и жили, будучи колхозниками.

В пятнадцать лет я уехал в Батуми и поступил в мореходное училище. Затем в этот дом переселилась моя мама, которой тогда было всего лишь пятьдесят два года. Конечно, пенсию ей никто не выплачивал, только позднее стали платить по семь рублей в месяц, вот это и была ее пенсия за сорокалетний труд в колхозе, впоследствии им. В.И. Ленина.

Вскоре Мария, продав дом, переехала со своим мужем и двумя маленькими сыновьями Сашей и Валерой в город Глазов (Удмуртская АССР), где строился мощный завод по производству ядерного плутония, – на этот завод шофером устроился работать ее муж Петр. Дети пошли учиться в школу, а она сама устроилась на работу воспитателем детского садика.

Все шло хорошо, но в пятидесятых годах Советская власть объявила набор добровольцев для работы на виноградниках Крыма. Туда и отправилась Мария со своей семьей. Петр, как обычно устроился шофером, она же нашла работу бухгалтера в одном из домов отдыха недалеко от поселка Шебетовка, где им предоставили чей-то домик. Впоследствии выяснилось, что

этот дом ранее принадлежал одному крымскому татарину. Во время войны и после нее татар из Крыма выселяли в Сибирь и Среднюю Азию за то, что те активно помогали немцам и ненавидели Советскую власть.

Так, на многие годы моя сестра Мария переселилась в Крым. Я, уже будучи моряком дальнего плавания, иногда приезжал к ним в гости и ездил на автобусе к морю, на пляж. Они неплохо обустроились на новом месте, у них появились соседи – такие же русские, расселенные в бывших домах татарских семей и работавшие на виноградниках.

А когда Советский союз неожиданно для всех распался, Мария и ее муж оказались гражданами самостийной Украины. Спустя какое-то время новая украинская власть объявила о возврате татарских семей в Крым. Их возврат, может, и был справедливым, но создал много трудностей для «коренного» советского, считай русского, населения. Татары стали вытеснять новых жителей, а иногда и угрожать расправой над ними. Многие русские в те годы покинули самостийную Украину, благодатный татарский Крым, и вернулись в Россию. Те, кто мог.

К этому времени Мария со своим мужем уже вышли на пенсию. Прежний хозяин дома, к их же счастью, не вернулся в Крым, не вернулись и его потомки. Сестра несколько раз приезжала в Москву погостить у своих уже взрослых сыновей Валерия Петровича и Александра Петровича. Она также останавливалась и у меня в доме. Были теплые, радостные встречи и бесконечные воспоминания о былом, разговоры о трудном прошлом и незавидном настоящем.

Ее муж, Петр Павлович, будучи молодым, часто увлекался алкогольными напитками, поэтому иногда болел. Мария как могла помогала ему, отправляя его каждый раз в санатории или дома отдыха поправить свое здоровье. К сожалению, она и сама прихварывала, но из-за характера, редко говорила об этом.

Полагала, видимо, что все наладится и будет хорошо. И вот однажды, когда ее муж Петр Павлович в очередной раз уехал в дом отдыха...

Когда он вернулся домой, обнаружил свою жену, а мою старшую сестру Марию мертвой. Она лежала в постели, скрестив руки на груди. Сколько дней она мучилась и сколько дней прошло после ее смерти, только Богу известно. На тот момент ей исполнилось только семьдесят лет. И вот ее не стало, она ушла из жизни. Петр похоронил Марию на ближайшем от дома кладбище и часто посещал ее могилу. Он очень сожалел, что так случилось, но сделать уже ничего не мог. Так и жил один. Бродил неприкаянным по поселку Шебетовка. Наверное, и выпивал также, не знаю. Сыновья его взрослые, у них уже взрослые дети, иногда приезжали к отцу и даже звали с собой в Москву, но он не захотел уезжать от могилы своей любимой Марии.

К моему стыду, я не был на похоронах своей старшей сестры и не был на ее могиле. Другая страна. Трудно стало. Но я из года в год собираюсь съездить к ней. Это мой святой долг и перед ней, и перед Богом. Я обязательно посещу ее могилу и возложу живые цветы. Признаться, при ее жизни я почему-то никогда не дарил Марии цветы, а жаль... Наверное, был невнимательным, а может, просто верил в ее долгую-долгую жизнь и все откладывал на потом. Спустя несколько лет умер ее муж Петр Павлович. Сыновьям Мария еще при жизни наказала, чтобы его рядом с ней не хоронили. В последние годы жизни их отношения были очень плохими из-за того, что он часто и много выпивал.

31. МОЯ СРЕДНЯЯ СЕСТРА ТАИСИЯ

Моя средняя сестра тоже оставила глубокий след в моей жизни. Именно она, Таисия, как я писал ранее, возила меня в областной город Киров для поступления в ремесленное училище. Хотела, чтобы я стал плотником или столяром — профессии, как говорится, пыльные, но хлебные. О чем же еще было мечтать деревенскому мальчишке, если он до четырнадцати лет не видел паровоза и электрического света, не слышал радио — в общем, был обычным таежным жителем. Но уверяю всех, что детство мое в заброшенной деревеньке было замечательным. Играл с друзьями, учился в сельской школе, ходил в лес за ягодами и грибами, удил рыбу на речке и ловил карасей в пруду, а иногда с ребятами лазил в чужие огороды за огурцами, морковкой, репой или чем-то другим, хотя все это, и даже лучшее, росло на наших собственных огородах. Наверное, это детство с его желанием пошалить заставляло нас искать для себя «приключения». Бывало, когда поймают, всю задницу крапивой изжальют. Долго потом зализываешь раны и уже не лазишь потом к тем хозяевам, которые тебя жестко наказали, и поделом. Это правда, и скрывать ее нет смысла.

Возвращаюсь к сестре Таисии. Она, как и Мария, много работала на лесоповалах, а также на сенокосах, делала, как говорится, все что требовалось, в колхозе.

Однажды, когда она пасла небольшое стадо лошадей, один молодой жеребец по кличке Буян ушел на водопой, сорвался с берега и упал в реку. Выбраться не смог, так как оба берега реки были очень крутые. И моя сестра Таисия тоже не могла ничем помочь утопающему жеребенку. Все случилось так неожиданно. Ночь, в округе никого, помощи ждать было неоткуда. Вскоре состоялся выездной суд, сестру осудили по законам воен-

ного времени. Но затем что-то произошло, уже не помню что, но в тюрьму Таисия не попала. Ее амнистировали в связи с окончанием Великой Отечественной войны.

Вскоре после этого Таисия, как и Мария, нашла себе фиктивного жениха, вышла замуж и получила долгожданный паспорт. Она стала свободна. И тут кто-то пригласил ее уехать в город Свердловск, столицу Урала. В этом городе она вышла замуж за Степана Пантюхина, выходца из Кировской области (был он родом практически из той же деревни). На тот момент Степан жил со своими родителями в Свердловске, был своего рода «художником»: писал картины, рисовал плакаты и прочее.

Выйдя повторно замуж, Таисия устроилась на работу в трамвайное депо и стала водителем трамваев. Потом у нее родилась двойня — мальчики. Затем вновь беременность и опять двойня — мальчики. К несчастью, по одному младенцу из каждой пары умерли. Другие выжили, подросли.

В целом ее судьба оказалась достаточно трудной, я бы даже сказал — суровой. Таисия со своим мужем Степаном жила в доме свекрови. Конечно ей, как любой другой женщине, хотелось иметь свою квартиру, жить отдельно своей семьей. К тому же мальчики подрастали. Однако будучи водителем трамвая она не могла заработать денег на кооперативную квартиру. Хотя и стоила она по тем временам недорого, около одной тысячи четырехсот рублей — первый взнос. Ее заработная плата составляла 70–80 рублей в месяц. Что тут можно накопить? Однажды я приехал к ней в гости и увидел, что жить-то им негде, — они буквально ютились вчетвером у свекрови, у которой тоже была немалая семья.

Тогда я служил механиком на судах заграничного плавания. Зарабатывал неплохо. Полученные за полгода или за год деньги (плавание было длительное по многим морям и океанам мира) я выслал Таисии, чтобы она смогла вложить их в кооператив-

ную квартиру. Не прошло и года, как сестра со своей семьей въехала в небольшую однокомнатную квартиру в совершенно новом доме. Радости ее не было предела, а я испытывал моральное удовлетворение и чувство исполненного долга. Мне было приятно помочь ей, облегчить жизнь и воспитание сыновей.

Ее мальчики окончили школу. Старший сын Анатолий был призван на службу в Советскую Армию, которую проходил в строительных войсках. Как мне стало известно из некоторых источников, его военная часть строила глубокие шахты для установки ракет с ядерными зарядами. Когда его служба закончилась, он вернулся в Свердловск. Через два-три года женился, у него родилась дочка Аленушка. Стал работать на одном из свердловских заводов. Одновременно занимался спортом, тренировался в зале штангистов. Получил первый разряд на соревнованиях. Был высоким, стройным, симпатичным молодым человеком, к тому же добрым и отзывчивым. Во время службы в Москве он каждый раз при увольнении заезжал ко мне домой, и мы долго беседовали о смысле жизни, о его будущем. Но, к великому несчастью, будущего у него не стало. При совершенно странных обстоятельствах его нашли мертвым в своем же подъезде. Что произошло, и по какой причине он умер, до сих пор никому не известно. Есть разные домыслы, догадки, но правда сокрыта от нас до сих пор. Анатолия похоронили по православному обычаю, поставили надмогильный крестик, сделали небольшую ограду. А ведь ему было чуть больше тридцати лет...

Судьба младшего сына Таисии Сергея сложилась еще более трагически. С юности он пристрастился к алкоголю и как-то по пьянке угнал не то трактор, не то строительный кран. Его осудили, и в восемнадцать лет он получил свой первый тюремный срок. Потом Сергея часто судили и отправляли в

колонии разного режима. То угонял велосипед или мотоцикл, то еще что-нибудь. Все повторялось снова и снова: суд, срок, тюрьма. Из своих сорока с небольшим лет жизни Сергей около двадцати провел за тюремной решеткой.

Когда закончился его последний срок, он заявил маме, что отныне будет соблюдать закон и в тюрьму больше не сядет. Так оно и случилось. Вскоре Сергей женился на симпатичной молодой девушке. Потом друг за другом появились на свет его дочь Настя и сын Ванюша. Его непутевая жизнь наконец-то вошла в мирную колею. Племянник устроился на работу, стал приносить домой зарплату. Дети подрастали и радовались своими успехами. Он стал бы образцовым семьянином, если бы не трагические обстоятельства.

Сергей возвращался с работы, в вагоне трамвая между молодыми парнями завязалась хулиганская драка. Чтобы как-то приструнить наглецов и объяснить, что так вести себя среди честного народа нехорошо, племянник вышел с ними на остановке. Один из хулиганов взмахнул рукой, и острая финка вошла в сердце Сергея. Так мгновенно, на остановке трамвая, оборвалась жизнь достаточно молодого человека, не достигшего даже сорока пяти лет.

Убийц, как водится в России, не нашли, — то ли откупилась, то ли были сынками высокопоставленных партийных боссов. В результате, рядом с могилой Анатолия появилось еще одно надгробие.

Дети Сергея, Настя и Ванечка, переехали жить к бабушке Таисии, которую с любовью называют мамой Тасей. А их мать, которую я видел всего несколько раз, решила создать другую семью. Может и правильно, Бог ей судья.

После смерти сыновей сестра продала квартиру и переехала жить за город в сельский деревянный домик, почти такой же, как тот, в котором когда-то родилась сама. Я был у нее

несколько раз. Таисия держит еще корову, как говорит, для выживания, хотя сестре уже более восьмидесяти лет. На ее юбилей я приезжал со своей сестрой-близняшкой Еленой Федосовной. Пообщались, поговорили о ее непростой и нелегкой жизни. Спустя пару лет я ей оплатил подводку газа, и жить ей стало легче и веселее. Недавно договорились, что встретимся в Зуевке, а может, и сходим туда, где когда-то жили с родителями, где была наша деревенька Петухи.

32. МОЙ СРЕДНИЙ БРАТ СЕРГЕЙ

Сергей родился в 1932 году в той же таежной деревеньке Петухи Зуевского района Кировской области, где проживала вся наша большая семья.

Он окончил пять классов сельской школы, затем длительное время работал в колхозе. Был и пахарем, и скотником, ездил, как все мужики, на лесоповалы и сенокосы. Жил, как говорится, от весны до осени обычными деревенскими заботами. А зимой плел лапти, ухаживал за скотом. В нашем домашнем хозяйстве были: коровы, козы, кролики, куры, поросенок и другая живность. А поскольку он был самым старшим мужчиной в доме, все хлопоты по дому легли на его плечи.

Мой старший брат, Алексей Федосеевич, погиб в борьбе с фашизмом, отец к этому времени умер, а я был еще достаточно маленьким, чтобы активно помогать по дому, хотя ни в чем не отказывал. Как могли, мы все, от мала до велика, трудились на благо семьи, колхоза и Родины – СССР.

Я уже не помню, как это случилось, но Сергей устроился охранником заготзерна в районном городке Зуевке. Его научили пользоваться винтовкой и поставили охранять вагоны с грузом.

В армию он не пошел по состоянию здоровья. Дело в том, что в юности у Сергея от несносного питания произошел заворот кишок и ему сделали очень сложную хирургическую операцию. Брат мужественно перенес это испытание и сумел выжить. Он очень сожалел, что его не взяли служить в Советскую Армию, и всегда говорил: «А как же я людям буду смотреть в глаза?» Тогда «белобилетников» не уважали, а молодые девушки «браковали» их и не выходили за них замуж. Вот такое было отношение ко всем, кто не служил в армии, их и за людей-то не считали.

Судьба свела Сергея с молодой женщиной, не то разведенной, не то вдовой, Валентиной. У нее росла дочка Оля, которой в ту пору было около пяти лет. Валентина имела свой небольшой, но очень приличный домик на той же улице Герцена, где был дом моей старшей сестры Марии. Затем стараниями брата Сергея он несколько видоизменился. Брат подвел кирпичный фундамент, добавил несколько бревен снизу, перекрыл крышу, пристроил теплый сарай. Дом попал в руки хорошего хозяина – Сергей был настоящим мастером на все руки: и плотником, и столяром, и слесарем, и электриком. В нем все сочеталось. Он мог делать любую работу. Нисколько не ошибусь, если скажу, что у него были золотые руки и очень смекалистый ум.

Уже в Зуевке Сергей работал на городской электростанции кочегаром. Пользовался авторитетом среди друзей, знакомых и всех местных жителей его улицы. Брата всегда приглашали помочь что-то сделать по дому, например сложить печку, провести электричество, вырыть котлован, проложить трубопровод и т.д. Все у него отлично получалось. К тому же семья была для него всегда на первом месте. Не удивительно, что вскоре у него родилась дочка Надежда, а затем и сын Леонид.

Как-то первый раз с братом Сергеем приехал в Одессу, где я служил судовым механиком. Долго бродили по городу, уста-

ли и захотели поесть. По обычаю взяли батон хлеба и колбасы. Батон не доели, так Сергей его аккуратно завернул в газетку и положил на Приморском бульваре в траву, сказав, что, когда снова захотим есть, другой батон покупать не будем. Брат был экономным абсолютно во всем, но при этом не страдал скупостью. Всегда был готов поделиться и хлебом, и рублем, и рубашкой, и чем угодно еще. Такой, знаете ли, от природы добрый и щедрый рубаха-парень.

Одно время моя мама, Анна Матвеевна, жила в доме Сергея. Но, к сожалению, отношения с невесткой были достаточно сложными. Эти две волевые женщины друг друга недолюбливали, часто ссорились, а иногда даже ругались, допуская всякие скверные слова и обзывательства. Но брату как-то всегда удавалось их мирить, и совместная жизнь продолжалась.

На флоте мне платили достаточно хорошо, расходов у меня практически не было — питался и одевался я за казенный счет, так что деньги у меня водились. Спиртными напитками не увлекался, не курил, за девчонками в ту пору не ухаживал. В общем, в один из приездов в Зуевку в подарок брату Сергею я купил мотоцикл Ижевского завода. Многие годы он ездил на нем, и радости не было предела. Тогда мотоциклы стоили дорого, и он на свою зарплату кочегара позволить себе такую роскошь не мог. Валентина, его жена, ко мне относилась очень хорошо. Приезжал я редко, примерно один раз в год, и то на пару-тройку недель, а потом уезжал в Грузию, где когда-то учился в мореходке и где у меня было много замечательных друзей, и среди грузин тоже.

Шли годы, моя мама продолжала часто ссориться с женой брата, поэтому мы, посоветовавшись, предложили маме переехать ко мне в Москву. У меня как раз родился сын Николай, так что ее присутствие было очень кстати. Я бы не сказал, что моя мама была довольна московской жизнью, но терпела,

так как любила меня и хотела помочь в воспитании сына. Жила тогда в общежитии, в нем и поселилась моя дорогая мама — Анна Матвеевна. Ну а потом выходит замуж моя сестра-двойняшка Елена, у нее рождается дочка Наташа, и тогда она уговорила маму перебраться к ней в Подольск.

Хотел бы вернуться к брату Сергею в своем повествовании. Жили они с Валентиной дружно, растили детей. В 1986 году Валентина умирает от рака головного мозга, ее хоронят на местном кладбище. Я уже писал, что брат всегда был расчетливым, смекалистым и от природы умным. Так вот во время похорон жены, когда ставил ограду, то отгородил место и для себя, как будто знал, что так в его жизни и получится.

Когда Сергей остался один, то долго горевал. Другую женщину не нашел, и все хозяйство вел сам. Содержал в порядке дом, всегда ухаживал за огородом, за малиной, которая обильно росла в его саду. Он не жаловался на свою судьбу. Я же почти ежегодно приезжал из Москвы к нему в гости. Мне было хорошо с ним. Он был и хозяином, и хозяйкой, и замечательным кашеваром. Сам стряпал пельмени, делал окрошку, варил вкусный суп, пек блины и оладьи. В общем — мастер на все руки. Но однажды он вновь заболел и поехал в город Киров на обследование. Его положили в больницу. Поставленный диагноз звучал как приговор — злокачественная опухоль прямой кишки. Но брату всей правды о болезни не сказали. Сделали операцию — удалили часть прямой кишки, и он пошел на поправку. Сергею становилось все лучше, настроение поднялось, появились разные планы — хотел даже жениться, говорил, что одному без хозяйки бывает очень трудно.

Чуть позже я организовал его поездку в Москву для консультации с известными врачами-онкологами. Но они уже ничего сделать не могли...

Но судьба распорядилась по-своему. Когда я приехал к нему в гости последний раз, то его уже практически не узнал. Он сильно похудел, пожелтел и плохо передвигался. Все попытки помочь ему к успеху не привели. Диагноз был однозначным – рак желудка. Врачи сказали, что проживет полгода или год, не больше. Так и случилось. Сергея похоронили рядом с женой Валентиной, место он для себя заранее приготовил.

Я часто посещаю его могилу, а он до сих пор стоит у меня перед глазами как живой. Какого брата я потерял! А ведь ему было чуть больше шестидесяти лет от роду. Он знал, что скоро умрет, но виду не подавал. Мужества ему было не занимать...

33. МОЯ СЕСТРА-ДВОЙНЯШКА ЕЛЕНА

Это, как говорится, отдельная песня, отдельная судьба, которая, впрочем, ее не радовала.

Случилось то, чего не могло случиться. Елена еще в детстве, лет двенадцать ей было, заболела. У нее обнаружили туберкулез позвоночника. Болезнь прогрессировала. Дошло до того, что сестра уже не могла стоять, сидеть и даже лежать в кровати.

И вот моя дорогая мама, ей в колхозе не дали лошадь и телегу, водрузила Елену на свои плечи и понесла дочь до ближайшей станции. Девочку определили в туберкулезный диспансер, в котором она пролежала несколько лет, закованная в гипс. Там же Елена и училась. Когда ее выписали, радости у всех домочадцев не было предела.

Еще в больнице у сестры зародилась мысль стать врачом и помогать таким же, как она, обездоленным людям. Поехала поступать в Свердловский государственный медицинский

институт, туда, где жила Таисия. Конкурсы в те годы, особенно в медицинские институты, были очень значительными. Елена успешно сдала все экзамены, но, к сожалению, как это часто бывает, ей не хватило одного балла. Заветная мечта поступить в медицинский институт у нее не сбылась.

Немного погоревав, еще раз вспомнив многолетнюю борьбу с тяжелым заболеванием, Елена принимает решение поступить в Свердловский хлебопекарный техникум. Жизнь ведь не заканчивается, надо двигаться дальше. Поступила. Вначале жила у сестры, но потом администрация техникума выделила ей место в общежитии. Стала, хотя и не очень большую, получать стипендию. Как говорится, сводила концы с концами. Денег едва хватало, чтобы купить кое-что из еды.

Однажды она написала мне в Одессу письмо, в котором рассказала о своем житье-бытье. Правда сказать, она ничего не просила, ни на что не жаловалась. Вообще она была девушкой спартанских принципов. Могла ходить в одной юбке, кофточке или свитере, носить одно зимнее пальто и одно летнее платьишко. Многие в те годы так жили. Годы были послевоенные, страна только выходила из разрухи.

Перечитав ее письмо несколько раз, я понял, что Елена нуждается в финансовой помощи и, когда стал приходиться из плавания, часть своей зарплаты неизменно высылал ей в Свердловск. Хотя и небольшая, но это была все-таки поддержка, в том числе моральная. Мама же наша ничем помочь не могла, у нее у самой денег никогда не было. Если чем и могла она помочь, так это лишний раз за нас помолиться.

Елена, однако, училась очень хорошо и техникум окончила с красным дипломом. Это ей позволило без экзаменов поступить в институт по профилю. Но, взвесив все «за» и «против», она решила поехать на работу по распределению, в Татарстан.

Плановая система ведения народного хозяйства предусматривала такую меру, как распределение молодых специалистов по предприятиям и учреждениям всего Советского Союза, чтобы дать им возможность набраться опыта в профессии и, отработав на пользу государства, возместить ему расходы, затраченные на их обучение.

Прибыв в город Лениногорск Татарской АССР, Елена поселилась в общежитии (позднее ей дали комнату). Работала она на Лениногорском хлебопекарном комбинате и вскоре стала его главным инженером. «Козерог» по гороскопу, Елена всегда была достаточно упертой, требовательной и настойчивой в достижении производственных результатов, поэтому часто по разным поводам спорила с директором комбината, а однажды даже подралась с ним. Драка заключалась в том, что они яростно бросали друг в друга только что испеченные буханки и булки. Елена не терпела халатного отношения к работе, с кем бы это не происходило.

Как-то приезжаю к ней в гости, она меня встречает. Вечером, как обычно, идем на танцплощадку в городской сад. И там, в саду Елена знакомит меня с местной знаменитостью - героем Зиганшиным, который стал невольным участником многосуточного плавания на плоту в Тихом океане. Плот оторвался от причала, и его ураганом унесло в открытый океан. Тогда о героическом поступке тех, кто находился в тот момент на плоту, писали не только газеты СССР, но и многие газеты мира. В итоге людей спасли американские военные корабли и передали советским властям. Чтобы не умереть с голода, невольники морской стихии съели даже свои армейские кожаные сапоги. Разрезали их на полоски и жевали так долго, чтобы можно было проглотить. Вот такими мужественными и отважными были парни этого знаменитого армейского плота.

Работая на комбинате, Елена поступила на заочное отделение Московского нефтехимического института, в простонародье именуемого «Керосинкой». Это был единственный столичный вуз, который имел свой филиал в городе Лениногорске. Там она проучилась почти три полных года. Когда же мы с сестрой еще раз встретились, решили, что лучше ей перейти учиться в более престижный институт. В те годы таковым являлся Московский инженерно-физический институт (МИФИ), тот самый, в котором я учился после окончания трех курсов Одесского высшего инженерно-морского училища. В МИФИ я занимал хорошее общественное положение, будучи председателем студенческого совета института.

Используя свои личные контакты, через деканат факультета вычислительной техники я быстро договорился о переводе Елены в МИФИ, к сожалению, только на второй курс. Оценки в зачетке у сестры были только хорошие и отличные, что и позволило ей, в своей основе, учиться со мной в одном вузе. Я как председатель студсовета похлопотал, чтобы она оказалась в моем же общежитии, но только этажом ниже. Там жили только девчонки и только с факультета вычислительной техники.

В учебу Елена включилась с небывалой настойчивостью, практически не вылезая из библиотек и не отрываясь от книг. Зачетные и экзаменационные сессии всегда сдавала успешно, одним словом – у меня проблем с ней не было.

На последнем курсе сестра вышла замуж за своего коллегу по институту Владимира Съедина. Правда, он учился курсом ниже на физико-энергетическом факультете, который готовил специалистов для военных предприятий атомной промышленности. Свадьбу сыграли в общежитии. А на следующий год Елена родила дочку Наташку. Родилась девочка тоже в общежитии, впрочем, как и мой сын Николай.

Затем Елена, не без моей поддержки, получает распределение в подмосковный город Серпухов на завод Счетно-аналитических машин – на предприятие, которое выпускало вычислительную технику. Там получает место в общежитии. А через год ее муж Владимир, опять-таки с моей поддержкой, получает распределение в ближайший город Подмосковья – Подольск, также на один из военизированных заводов. Спустя какое-то время Елена с дочкой переезжает к нему. Им как молодым специалистам дали две комнаты в коммунальной квартире в старом кирпичном трехэтажном доме.

К ним из Москвы, от меня, переезжает наша мама, чтобы помочь растить внучку Наташу. Девочка была очень смышленным ребенком и росла на радость родителям и друзьям. Природный ум и сообразительность позволяли ей участвовать в разговорах на серьезные жизненные темы. Признаться, многих, в том числе и меня, она своими вопросами, ответами и рассказами нередко ставила в тупик.

Так сформировалась семья моей сестры Елены. Проходили годы, ей уже исполнилось тридцать четыре года. Я же в ту пору работал заведующим сектором НИИ морского флота и занимался созданием «АСУ-Морфлот», поэтому устроил Елену на работу в Союзморниипроект. Она каждый день ездила из Подольска в Москву. Хорошо, что добираться до института было достаточно просто – железнодорожная станция располагалась недалеко от дома, а потом и электричка подходила непосредственно к станции метро «Войковская», так что через две остановки метро Елена была уже практически на работе, как всегда, вовремя.

Больших трудов мне стоило уговорить ее поступить в аспирантуру. Елена не думала об этом, да и возраст был уже на пределе – тридцать пять лет. Как бы не пререкалась сестра со мной, но все же сдала вступительные экзамены и стала аспи-

ранткой дневного отделения. Научным руководителем ее вначале стал А.Н. Раховецкий – главный штурман флота, а в институте начальник отдела автоматизированных систем управления по разработке ряда подсистем «АСУ-Морфлот». Несколько позднее научное руководство по подготовке Еленой диссертации взял доктор технических наук, консультант по созданию «АСУ-Морфлот» Олег Иванович Авен, ответственный работник ИПУ АН СССР. Через три года, как и положено, Елена с блеском защитила диссертацию, получила ученую степень кандидата технических наук и вплотную занялась разработкой «АСУ-Морфлот», будучи неплохой программистом. За ее судьбу я уже не беспокоился.

Однако мужу Елены мне все же пришлось помогать в поисках работы. В итоге он получил должность старшего научного сотрудника в НИИ Высшей школы. Был он хорошим математиком и занимался разработкой «АСУ-Высшая школа» – создавал модель специалиста будущего. Подготовил ряд небольших научных работ и опубликовал их. Написал диссертацию... но как-то возвращаясь в Подольск, а ездил он туда с Курского вокзала, Владимир решил на дорогу слегка перекусить. Взял в буфете бутерброд, стакан кофе, поставил чемоданчик с диссертацией под стол, но вспомнил, что надо взять ложку, и отошел ровно на минуту. Когда вернулся, чемоданчика с диссертацией уже на месте не было. Так решилась его научная карьера, он не защитил выстраданную, кропотливым трудом созданную работу. А в институте до этого он рукопись уничтожил. Повторно, по крупицам он уже не стал возрождать свою научную мысль, так и проработал старшим научным работником до пенсии.

Сейчас Елена, и тоже не без моей поддержки, работает преподавателем информатики в одном из Учебных центров города Одинцово, куда переехала, продав свою квартиру в По-

дольске. В Одинцово получила квартиру и ее дочь вместе с мужем и маленьким сыном. Сестра очень довольна, что имеет возможность заниматься преподавательской деятельностью.

Наша дорогая мама, Анна Матвеевна, умерла в январе 1976 года, похоронили её на Щербинском кладбище недалеко от города Подольска. Ей было 76 лет.

34. СЫНОВЬЯ И ДОЧЕРИ МОИХ СЕСТЕР

У старшей сестры Марии подросли сыновья, и пришло время определить их судьбу. Старший сын Александр по призыву отправился служить в Советскую Армию. По стечению обстоятельств службу он проходил в инженерных войсках в городе Свердловске, где в то время уже жила его тетя Таисия. Александр, так же как и старший сын Таисии Анатолий, принимал участие в строительстве ракетных шахт для установки межконтинентальных ракет. Это были напряженные годы холодной войны, Советский Союз готовился к отражению военной агрессии как со стороны США, так и со стороны Китая.

Отслужив, Александр приехал в Москву, и я сумел устроить его через свою очень хорошую знакомую, жену одного из влиятельных генералов Генштаба ВС СССР (назову ее Тамарой), поступить в Театральный техникум на отделение освещения сцены. Техникум он окончил, но работать по специальности не стал. Решил связать свою судьбу с автозаводом им. Лихачёва, производившим автомашины марки «ЗИЛ». Там, живя в заводском общежитии, Александр познакомился с местной девушкой Любой. Вскоре сыграли свадьбу, а потом друг за другом у них родились два сына. Появилась жилищная проблема, и Александр вынужден был пойти работать на строительство домов,

где ему дали гарантию, что через несколько лет он получит квартиру. Так и случилось. Сейчас он и его семья живут в прекрасном новом доме в благоустроенной трехкомнатной квартире. Сыновья моего племянника уже выросли, отслужили в Советской (Российской) Армии и даже успели жениться и обзавестись детьми, которых я, к сожалению, еще не видел.

Я все думаю, как быстро бежит время. Александр, старший сын моей сестры Марии, уже стал дедом. Он по-прежнему продолжает работать. И на этот раз место его службы – автомобильное объединение «ЗИЛ». Там он утвердился в качестве слесаря. Вообще он человек мастеровой, у него все получается – и слесарить, и строить, и заниматься отладкой оборудования на конвейерах автозавода. В свободное же время Александр помогает своим детям растить внуков, и это прекрасно.

Второй сын моей старшей сестры Марии – Валерий. С ним другая история. Я и ему помог найти свое место в жизни. Вначале он по моей рекомендации стал поступать в Батумское мореходное училище. Сдал вступительные экзамены, но по конкурсу не прошел. А проследить его судьбу на экзаменах я уже не мог, так как находился в дальнем плавании. Когда встал вопрос «куда же дальше», порешили, что он будет поступать на дневное отделение в Московский институт железнодорожного транспорта (МИИТ). Здесь тоже возникли проблемы, которые я бы не хотел излагать. Скажу одно – благодаря моему замечательному другу Михаилу Шевандину, перед которым я до сих пор в неоплаченном долгу, Валерий был принят в МИИТ. В институте он хорошо занимался, к тому же был под контролем, как говорится, моих людей. Там он подружился со своей однокашницей, замечательной девушкой Ольгой, и вскоре они сыграли свадьбу.

По распределению Валерия направляют работать на железную дорогу специалистом по ремонту путей. Я же в это время занимаюсь вопросом о его призыве в Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных Сил

Советской Армии. Благо, была возможность, поскольку тогда я занимал достаточно высокое общественное положение в ГРУ, являясь секретарем комитета ВЛКСМ всей разведывательной службы СССР. Однако, во-первых, это был не его профиль, а во-вторых, временно прекратили призыв офицеров запаса. Таким образом, Валерий не стал офицером элитной военной разведки Советского Союза. Но судьба направила его на другую, не менее ответственную службу. Он стал лейтенантом Комитета Государственной безопасности СССР и начал службу в подразделении по особо опасным антигосударственным преступлениям, предварительно окончив двухгодичную Высшую школу контрразведки в Минске. Его подразделение специализировалось на процессах против СССР, происходивших в ФРГ.

У Валерия в судьбе много общего с нынешним премьером В.В. Путиным. Они одногодки. Оба специализировались по Германии: первый – по ФРГ, второй – по ГДР. Правда, Владимир Владимирович окончил Ленинградскую высшую школу контрразведки. И хотя оба они демобилизовались в один и тот же год в звании подполковников, их пути в КГБ СССР явно не пересекались.

В настоящее время Валерий работает на ответственной должности в одной из коммерческих фирм и полностью обеспечивает свою семью. Живет в трехкомнатной квартире, недалеко от старшего брата Александра. Построил великолепную дачу в ближнем Подмосковье, а детям своим, Александру и Анне, купил по трехкомнатной квартире. Его жена Ольга ушла с работы и во всем помогает своему мужу в его нелегком труде в гражданской сфере. Их дети, также как и родители, окончили МИИТ. Сейчас они хорошо устроены и прилично зарабатывают.

У Валерия сначала появился внук, а потом еще два – двойняшки. Увы, но этих очаровательных детишек я тоже так ни разу и не видел.

О детях своей средней сестры Таисии, об их трагической судьбе я уже писал выше и не хотел бы вновь возвращаться к той боли, которая до сих пор не затихает в наших сердцах.

35. О СЫНЕ И ДОЧЕРИ МОЕГО СРЕДНЕГО БРАТА

Как я уже ранее писал, у брата Сергея живут и здравствуют дочка Надежда и сын Леонид. У них иная судьба, которая также складывалась с моим участием. Что касается Надежды, то она окончила десять классов Зуевской средней школы. На момент ее выпуска я как раз находился в отпуске и приехал погостить к своему брату Сергею. Помню, с Надей мы долго сидели на бревнышках напротив дома и говорили о ее будущем. Она была одета в розовое платье. Ей было всего семнадцать лет. Очень тихая, скромная девушка, которая хорошо училась, но ничем особенным не отличалась. Надя была в растерянности – не знала, куда поступать после школы.

Наша длительная беседа не прошла даром. Племянница согласилась с моим предложением приехать в Москву и попытаться поступить в Московский педагогический институт им. В.И. Ленина. Этот вуз уже тогда занимал лидирующее положение в СССР в своей области, к тому же начинал готовить педагогов для профессионально-технических училищ Алжира, Туниса, Марокко. С этими государствами у Советского Союза были достаточно тесные культурно-экономические отношения и научно-технические связи.

В те годы я возглавлял молодежное отделение Союза советских обществ дружбы и культурной связи с арабскими странами (памятуя о том, что я владел арабским языком). А в пединститут им. В.И. Ленина из МИФИ перешла работать моя

бывшая преподавательница МИФИ по математике Лиля Григорьевна Нарышкина. Это она в свое время вlepила мне двойку на семестровых экзаменах, а потом все же отвела от меня беду и поставила хорошую оценку (мне до сих пор кажется, что я этого не заслужил). Может быть, смысл душевных и сердечных порывов русских людей и заключается в потребности помогать человеку в трудной ситуации.

С Лилей Григорьевной я все эти годы поддерживал довольно тесные дружеские отношения. Часто бывал в гостях, звонил, поздравлял с днем рождения и со всеми советскими праздниками. Теперь же я приехал к ней домой посоветоваться, как быть с моей племянницей Надеждой, которая решила поступать в педагогический институт им. В.И. Ленина. Договорились, что Лиля Григорьевна проверит ее математические способности и поможет, если потребуется, позаниматься математикой. В случае положительного исхода, окажет возможное содействие на вступительных экзаменах. В тот год Лиля Григорьевна входила в состав приемной комиссии института.

Однако на следующее утро, вместо того, чтобы идти на встречу с Л.Г. Нарышкиной, Надя неожиданно собрала свои вещи в чемоданчик, купила билет и уехала в Зуевку. А мне сказала, что ей в Москве не нравится, да и вообще она не хочет учиться в институте. Так что свой выбор Надя сделала, мне же пришлось только сожалеть о той работе, которую я проделал для нее. Я хотел, чтобы моя племянница после окончания института выехала в одну из арабских стран для преподавания математики на французском языке в одном из местных ПТУ, впоследствии сделала бы себе на этом поприще карьеру. Но она решила по-своему.

Спустя пару лет брат Сергей сообщил мне, что Надя уехала в город Минск (Белоруссия) и там поступила на двухгодичное обучение в строительное училище, окончила его и получила

направление на строительство автомобильного завода-гиганта в Набережных Челнах (Татария). По ее словам, она туда приехала одной из первых и стояла у истоков возникновения нового объекта. Много лет Надежда проработала на заводе, вышла замуж за рабочего того же завода Петра. У них родился сын Сергей, названный так в честь моего брата и ее отца. Получили хорошую квартиру, и началась их безбедная по тем временам жизнь — завод, дом, друзья и снова завод, дом, друзья.

Все было бы хорошо, но неожиданно распадается Советский Союз, и новая местная власть начинает медленно, но уверенно вытеснять русских и русскоязычных со своих рабочих мест. Обсудив сложившееся положение в кругу семьи, Надежда и Петр с его первым сыном Димой решают продать квартиру и переехать на малую родину — в Зуевку. Тогда же уходит из жизни мой брат и ее отец Сергей, так что Надя со своими мужчинами оказывается в отчем доме на улице Герцена, 25. Однако начались проблемы с работой, как для ее мужа Петра, так и для нее самой. И здесь я снова пришел к ним на помощь.

Благодаря мужу Ольги (сестры Нади), Владимиру удалось устроить Петра токарем на предприятие железной дороги. Что касается Надежды, то я договорился, что ее возьмут работать в администрацию города Зуевки. Узнав об этом, моя племянница тут же проявила свой упрямый характер, заявив, что она простая рабочая, что у нее нет необходимого образования и что она там работать не сможет. Это было в начале лета. К осени Надежда все осмыслила и под влиянием своих родных и друзей решила выйти на работу. Вот уже почти десять лет она работает в администрации своего небольшого города, хорошо справляется с работой и пользуется авторитетом как у руководства, так и у населения.

Одно время смеялась, что «на старости лет» поступила в Кировский педагогический университет на факультет муни-

ципального управления. Но дело есть дело. Поскольку обучение платное, а администрация оплачивать ее учебу не захотела, поначалу я немного помог племяннице деньгами. На сегодня она этот вуз с успехом окончила и мне даже показала свой диплом. Только и вымолвил: «Молодец, Надюшка».

Из последнего разговора с Надеждой, по ее глазам, словам, поведению я понял, что работой она довольна.

У нее выросли два сына: один от первого брака мужа Дима, а другой – Сережка их с Петром совместный. Сережка окончил Кировский политехнический институт, чему очень рад. Все же недалеко от родителей и есть возможность приезжать домой.

История юности и зрелости сына Сергея, Леонида, формировалась при моем непосредственном участии. В 1980 году вводились советские войска в Афганистан. Тогда же Леонид призывался на службу в армию. И я не был бы родным дядей, если бы не помог ему в этой ситуации. Как офицер военной разведки я решил приложить все усилия и возможные армейские связи, с тем, чтобы Леонид начал службу в Москве или ближнем Подмосковье. А после того, как наберется опыта, думал я, можно уже будет отправить парня выполнять интернациональный долг в Афганистане, в эту далекую и чужую для нас страну.

Службу Леонид проходил в знаменитой Таманской дивизии в Подмосковье. Некоторые ее подразделения участвовали в военных действиях, но очередь до племянника не дошла. И слава Богу!

После демобилизации Леонид по моей рекомендации поступил в Московское профессионально-техническое училище. Получив профессию электрогазосварщика, он был направлен работать на АЗЛК в цех по производству автомобилей новых марок. Там, на заводе, он познакомился со своей будущей же-

ной Раей. Оба они на тот момент жили в заводском общежитии. После рождения сына Андрея им выделили отдельную комнату. Когда же Леонид надумал получить высшее образование, родной дядя, Николай Федосеевич, т.е. это и был я, и здесь пришел ему на помощь. Без особого труда племянник поступил на вечернее отделение механико-технологического факультета Всесоюзного заочного института текстильной и легкой промышленности. К тому же в школе он учился хорошо.

Таким образом, свою задачу в отношении Леонида я выполнил. Он приступил к учебе. Но дальше мной была допущена оплошность, стоившая в итоге племяннику диплома. Я снял полностью контроль за его обучением. И только через пять лет на мой вопрос, окончил ли он вуз, Леонид ответил: «Нет, я бросил институт, так как не сумел сдать экзамен по научному коммунизму». На этом его попытки получить высшее образование закончились, а жаль. Парень он хороший, но сам выбрал свою судьбу, целиком отдавшись работе газосварщика на заводе по производству автомобилей.

Стал подрастать сын, и возникла необходимость в улучшении жилищных условий. На заводе же была большая очередь на получение квартир. Посоветовавшись со мной, Леонид решил перейти работать на стройку по договору, в соответствии с которым ему выделяли трехкомнатную квартиру.

Однако время получения вожделенного жилья совпало со временем развала СССР. Воспользовавшись ситуацией, руководство стройки вместо трехкомнатной выделило Леониду однокомнатную квартиру общей площадью двадцать квадратных метров. Только представьте: жилая комната – четырнадцать квадратных метров, кухня – около четырех, да два квадратных метра – коридор. Моя попытка вмешаться в этот процесс натолкнулась на сопротивление одного маститого еврея, который как раз и распределял квартиры в выстроенном с участием Лео-

нида доме. Хотя с евреями я всегда находил общий язык.

Доказывать что-либо, тем более еврею, тем более в эпоху глобальных перемен, было бесполезно. Советский Союз трещал по швам, благодаря антихристу Б. Ельцину.

После такого беспредела Леонид конечно же покинул стройку. Сейчас, по моей личной рекомендации, он получил работу электрика в одной из престижных страховых компаний. Зарабатывает приличные деньги, которых вполне хватает на проживание в Москве. Его сын Андрюша поступил после девятого класса в Московский авиамеханический техникум, а сейчас учится в Московском авиационно-технологическом институте (МАТИ).

У моего брата была приемная дочь Ольга, которая и сейчас живет и здравствует в своем родном городе Зуевке. Имеет хорошую квартиру, замечательного мужа Владимира Стрелкова, а также двух дочерей. Одна вышла замуж за корейца и уехала жить в Алма-Ату, а другая живет недалеко от Сочи, в поселке Лоо, кажется замужем за армянином.

Вот так сложились судьбы всех моих племянников и племянниц. Хочется надеяться, что каждый из них, если это будет необходимо, как и я, примет участие в судьбах своих будущих племянников. Так повелось у нас в доме, в наших семьях, так и должно быть из века в век...

Но случилась трагедия – несколько месяцев назад скоропостижно умер Леонид, его похоронили в могиле бабушки, моей мамы Анны Матвеевны. От судьбы, как говорится, не уйдешь... К сожалению он последние годы пристрастился к алкоголю и сердце дрогнуло...

36. ДОЧКА МОЕЙ СЕСТРЫ ЕЛЕНЫ

У моей сестры-двойняшки Елены Федосовны родилась дочь Наташа. Я уже писал, что, еще будучи маленькой девочкой, она обладала довольно зрелым умом и могла разговаривать на многие животрепещущие темы. В раннем возрасте Наташе сделали на одном глазу (верхнее веко) хирургическую операцию, и она вынуждена была носить очки. Одно из стекол было закрыто плотной бумагой, отчего малышка напоминала легендарного маршала Кутузова. Этот вид придавал ей определенный шарм.

Наташа жила в полной семье, но в коммунальной квартире с соседями. Отношения с ними были добрыми. И наша с Еленой мама, Анна Матвеевна, не была в одиночестве – всегда общалась с соседями, когда дочь с мужем уезжали на работу в Москву. Общение с бабушкой во многом определило характер Наташи.

Племянница хорошо училась в школе и была более чем воспитанной и доброй девочкой. Время шло, Наташа подросла и стала думать, где ей получить образование. Долго не размышляли и решили однозначно – в МИФИ, ведь этот престижный, элитный институт в области атомной физики и вычислительных машин окончили ее мать Елена и отец Владимир. Конечно, никто и не забывал, что МИФИ окончил и я, ее дядя.

Судьба Наташи в одночасье определилась и благодаря ее природным умственным способностям. Племянница без какой-либо помощи и поддержки с нашей стороны успешно сдала вступительные экзамены и была зачислена на факультет кибернетики.

Училась она как-то тихо, незаметно, но всегда успешно. За все шесть лет обучения она ни разу не обратилась ни к одно-

му из нас за помощью. Все проблемы решала сама и без особых затруднений сдавала зачеты и экзамены.

Вместе с Наташей на факультете учился Миша Передерий. Пареньком он оказался довольно старательным и вполне воспитанным, но вот его фамилия вызывала какие-то странные ассоциации. Когда же между Наташей и Мишей завязались серьезные отношения, эти ассоциации ушли на задний план. Вскоре молодые стали мужем и женой. Жил Михаил Передерий в подмосковном городе Одинцово, туда же после свадьбы и переехала жить и Наташа, поближе к свекрови.

После окончания МИФИ и рождения сына Алеши перед племянницей встал вопрос поиска работы. Его решить оказалось не так легко. Тогда сестра Елена обратилась ко мне: «Братец родной, помоги трудоустроить Наташу в приличное место». Просьба Елены не осталась без ответа.

В это время я заведовал кафедрой информатики и вычислительной техники в Дипломатической академии МИД СССР, которую сам создавал практически с нуля. Тогда же в Министерстве иностранных дел разрабатывалась автоматизированная система под названием «АСУ-Глобус». Научно-информационный вычислительный центр МИД СССР располагался в здании нашей академии на четвертом этаже. Одним из его руководителей был мой бывший коллега по ГРУ Генштаба ВС СССР полковник Юрий Гайкович, доктор технических наук, профессор. Вот я и поднялся со второго этажа академии на четвертый и без труда решил проблему трудоустройства. Наташа Передерий, она же моя родная племянница, стала научным сотрудником НИВЦа, и свои должностные обязанности выполняла с блеском. Проработав несколько лет в центре, она родила ребенка и после декретного отпуска в систему Министерства иностранных дел СССР уже не вернулась. Вскоре и я по сложившимся обстоятельствам покинул кафедру, которую с большими трудностями создавал.

Когда у Наташи ребенок подрос, она вновь задумалась: «А что делать дальше?». Племянница позвонила мне, приехала, долго советовались и решили, что она поступит на очное отделение аспирантуры Всероссийского заочного института текстильной и легкой промышленности. Дело в том, что с этой отраслью у меня были достаточно прочные личные связи и научные контакты. Будучи зав. кафедрой АСУ и НОУТ Всесоюзного института повышения квалификации руководящих работников легкой промышленности, я иногда проводил занятия и в ВЗИТЛПе.

Как бы то ни было, Наташа стала моей аспиранткой, а я ее научным руководителем. Однако и тут она проявила свой характер, объявив однажды, что заниматься наукой у нее нет никакого желания. Уговаривать ее было практически бесполезно, но я не сдавался.

Мои пререкания с ней тянулись много лет, так что вместо трех лет пребывания в очной аспирантуре она защитила свою диссертацию лишь через семь лет. Позже Наташа призналась, что сдалась только благодаря моему упорству и терпению. Работу она защищала блестяще. Я был тому свидетелем, поскольку входил в состав данного диссертационного совета. Получив диплом кандидата экономических наук, племянница надолго выпала из моего поля зрения. Видите ли, активно занялась каратэ, а затем походами на острова Северного моря. Спустя годы она вновь пришла ко мне за советом — что дальше?!

В этот момент ряд профессоров, моих друзей из Российской академии государственной службы при Президенте РФ в г. Одинцово зарегистрировали Академию социального и муниципального управления. Переговорив с ними, я определил дальнейшую судьбу Наташи. Она стала преподавателем информатики в этой академии. Туда же на работу, по моей рекомендации, была приглашена и моя сестра Елена. Таким образом,

мать и дочь оказались преподавателями одного вуза, чем оказались вполне довольны.

Недавно Наташа позвонила мне и сказала, что перешла работать на должность доцента в Московский государственный авиационно-технологический университет. Объяснила она это очень просто: подрастает ее старший сын Алеша, которому может понадобиться ее помощь при поступлении в вуз.

С Натальей вновь возникла проблема, когда она серьезно задумалась о написании и защите диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. Тему диссертационного исследования мы выбрали следующую: «Кадровый консалтинг в предпринимательских структурах». Начали ее серьезно прорабатывать. И тут совершенно неожиданно Наталья объявляет, что в положении и ждет второго ребенка, хотя, как выяснилось из разговора с ней, она этого и не планировала, но судьбой, видимо, рождение этого ребенка было предопределено. С рождением сына, Наташа ушла в декрет, успев опубликовать некоторые результаты своих диссертационных исследований.

Сейчас сынишке уже семь лет, а Наташа восстановилась в должности доцента своего института. Туда же с успехом поступил и показывает хорошие результаты ее старший сын Алексей. Глава семьи Михаил Передерий организовал фирму по ремонту и обслуживанию вычислительной техники. Его заработка вполне хватает, чтобы обеспечивать свою семью.

Вот так из поколения в поколение родные и близкие люди спешат на помощь друг другу. Эта особенность присуща каждому русскому человеку, мы готовы поддержать любого нуждающегося, какой бы национальности он не был, какую бы веру не исповедовал. Широки натуры русские!

Все мы между собой дружим, хотя редко встречаемся. И если у кого-то из нас возникают проблемы, стараемся их решать общими усилиями.

37. СЫН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Начало его судьбы было неоднозначным. Родился он 8 декабря 1962 года в Москве. В этот же год я был призван на военную службу в Главное разведывательное управление (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Время было довольно напряженное. Это и отношения с Китаем, и надвигающиеся столкновения еврейского государства Израиль с рядом соседних арабских стран – Египтом, Сирией и др. В этих условиях я практически не имел возможности уделять сыну необходимое внимание. Он находился на попечении бабушки Анны Матвеевны и моей жены Любаши. Рос мальчишка тихим и достаточно смышленным. В те годы мы жили в «Красном строителе», что в 40–50 мин. езды на электричке от Москвы. Наш дом стоял на самой окраине, квартира находилась на 5-м этаже. Детских яслей и садов поблизости не было. Когда жена вышла на работу, сын часто оставался под присмотром бабушки, моей мамы. Отношения у Любаши со свекровью сложились достаточно прохладными, но вполне доброжелательными.

Вскоре мы перебрались жить в район станции метро «Войковская», на ул. Зои и Шуры Космодемьянских. Там у нас была не отдельная квартира, а две комнаты в 4-х комнатной квартире. Соседи оказались приятными людьми.

Пришло время, определять ребенка в какую-нибудь спортивную секцию. Решили, что он будет заниматься фигурным катанием. Правда, нужно честно признаться, что большого интереса к этому виду спорта наш ребенок не проявлял. В первый класс Коля пошел в среднюю школу им. Зои и Шуры Космодемьянских, которая располагалась почти рядом с нашим домом.

Примерно тогда же Любаша оставила МИФИ и перешла на другую работу – в Министерство здравоохранения СССР, секретарем зам. министра Новиковой Елены Чеславовны. Со временем у них сложились очень теплые служебные и личные отношения. Интересно, что муж Елены Чеславовны, Игорь Алексеевич, был сыном Новикова-Прибоя. Он занимал должность зам. главного врача в одной из закрытых поликлиник, относящихся к ведомству Министерства среднего машиностроения, а точнее – к атомной промышленности. Моя жена Любаша в те годы по долгу службы часто ездила в зарубежные командировки и привозила сыну различные «экзотические» вещи: детский пистолет, жвачку, джинсы или еще что-нибудь дефицитное. Но дети есть дети, они часто становятся завистливыми по отношению друг к другу. Вот и у нашего сына не стали складываться отношения со своими некогда школьными друзьями. Мы с женой стали замечать, что он часто задерживается дома и не спешит в школу, придумывая разные причины. Вечером не хочет выносить мусор, который мы выбрасывали во дворе в контейнеры. Чувствовалось, что сын находится под чьим-то сильным влиянием...

Однажды я специально задержался дома и, когда жена ушла на работу, обратился к Коле с вопросом, что же с ним происходит? Разумеется, он долго отмалчивался, потом успокоился, пытался убедить, что все у него хорошо, вот только иногда болит голова, крутит живот или еще что-то. Но я был настойчив, и в конце концов сын был вынужден рассказать мне, обо всем, что происходило в его детской душе. Оказалось, взрослые школьники часто вымогали у него игрушки, а в последнее время даже стали требовать деньги... Мне в один момент все стало до предела понятным и ясным, как в солнечный день. Я успокоил сына и сказал, что лично обеспечу ему защиту и постараюсь сделать так, чтобы он больше никогда никого не боялся.

Мы договорились о том, что в ближайшие день-два Коля пригласит этих великовозрастных школьников–дебилов в свою квартиру под предлогом выдачи им кругленькой суммы, которую они у него требовали. Еще я дал сыну совет – во время проведения «операции» себя вести, по возможности, уверенно и спокойно.

Во время описываемых событий мы уже жили в отдельной квартире у станции метро «Полежаевская», и сын учился в другой школе. За полчаса до прихода «гостей» я надел свою военную форму, офицерский ремень повесил через плечо, вложил в портупею личный пистолет Макарова. Потом, на всякий случай, проверил наличие патронов в патроннике. Ствол пистолета был пустым. Тогда я вынул магазин, но портупею решил оставить открытой, чтобы был виден пистолет, и ушел в другую комнату.

Около 11 часов дня в дверь позвонили, сын открыл дверь. Малолетние вымогатели вошли в коридор, а затем и в Колину комнату, где была открыта дверь на балкон 4-го этажа. Они настойчиво стали требовать обещанные деньги, один из них, воспользовавшись ситуацией, даже полез по шкафам. Тут я тихо вышел из соседней комнаты и ни слова не говоря, вынимаю пистолет и произвожу зарядку мнимого «патрона». Затем достаточно жестко, как и положено офицеру ГРУ, произношу: «У вас троих есть только два пути – или прыгнуть с балкона, или получить по три пули на каждого. В пистолете заряжено 10 патронов. И в том, и в другом случае вам не жить». Последовала немая сцена. Обидчики моего сына не ожидали такого поворота событий.

Когда они пришли в себя, я пообещал на первый раз сохранить им жизнь, добавив, что в следующий раз, если подобное повторится, непременно подстерегу их на улице и застрелю.

Взамен «подаренной» жизни я потребовал от них стать личными телохранителями моего сына и рассказать об этом всем своим друзьям.

Впоследствии так и произошло. Ни один из них больше не пытался обижать сына, а напротив — всегда становился на его защиту. Ребята даже подружились, а при встрече со мной бывшие обидчики вежливо здоровались и уже не вспоминали тот неприятный для них эпизод.

В тот день сын сказал, что завтра же запишется в секцию каратэ, организованную на Лубянке ГКБ СССР. И надо же иметь мужество, он занимался этим видом спорта почти 10 лет и получил синий пояс. Три раза в неделю в любую погоду, ходил на тренировку и научился многому необходимому как для самозащиты, так и для защиты своих близких, друзей и товарищей. Его кимоно до сих пор хранится, напоминая о детстве и юности.

Армейскую службу Николай проходил в военной комендатуре, и навыки, приобретенные на тренировках, во многом ему помогли, ведь приходилось и разнимать стычки военнослужащих Советской Армии, и проводить облавы солдат, уходящих в самоволку, и выполнять другие функции, связанные с применением силы.

Так формировался и крепчал характер моего сына. Сегодня я твердо уверен, что он может постоять за себя и за тех, кого обижают на его глазах. В Николае проявились разные положительные качества, но главные из них — самообладание и обостренное чувство справедливости. Я как отец чувствовал необходимость еще в его детстве воспитывать в сыне уверенность, стойкость, силу, изучать приемы самбо, каратэ и др. В этом он, несомненно, преуспел, поэтому, наверное, и в жизни достиг многого. Мои труды были не напрасны.

Позже Николай удачно женился, у него появился сын Валерий, наш с Любашей единственный внук. Нашу сноху зовут Кристина. Она замечательная. Помню ее еще 3-хлетней девочкой. Кристина росла бойкой, умной и красивой. Этому во многом способствовала ее мама Аделина Ивановна Рубцова.

Спустя годы сын стал сначала кандидатом, а потом доктором наук, получил звание профессора. Построил загородный дом, купил машину. Сегодня он успешно читает лекции в различных вузах Москвы. По совместительству является председателем аттестационной комиссии Академии национальной безопасности, обороны и правопорядка (АНБОП). Избран профессором и действительным членом (академиком) этой академии. Полагаю, что его жизнь удалась, хотя грустные воспоминания иногда тоже бывают. Но что поделаешь, жизнь есть жизнь.

Недавно ему было присвоено воинское звание полковника Союза Казачьих формирований РФ, так как корни нашей мужской линии в истоках Вятского Казачества. Кроме того он награжден рядом медалей и орденов.

* * *

Полагаю, пройдет время, и Николай сам напишет книгу о себе, своей жизни, о становлении собственного характера и деловой карьере. Ему есть что написать, так как годы его взросления и мужания совпали с годами «псевдодемократических» революционных событий. Следует отметить, что по оценкам друзей, коллег и товарищей он довольно хорошо читает лекции, проводит семинарские занятия, руководит дипломниками и аспирантами. Сын является членом диссертационного совета в Московском государственном университете нефти и газа им. Губкина по присуждению ученых степеней кандидатов и докторов наук.

38. МОЙ ВНУК ВАЛЕРИЙ

Внук родился совсем неожиданно для нас, но его появление вызвало в нашей семье бурю радости. Ребенком он рос спокойным и не требовал к себе повышенного внимания.

Бабушка Валерия, Любовь Ивановна, моя жена, очень часто ездила к сыну и снохе на квартиру, оказывать необходимую помощь и посильную поддержку в воспитании внука. Николай и Кристина работали, поэтому от помощи не отказывались, а, напротив, принимали ее с благодарностью.

Особенно интересным внук был в возрасте 3–4-х лет. Помню на торжественных семейных встречах он вставал на табуретку и произносил длинные, но очень складные и даже несколько высокопарные речи. Не сомневаюсь, Валерий мог бы стать политическим деятелем, если бы мы с детства развивали в нем данные природой качества.

Родился внук в бурные «псевдореволюционные» годы, когда небольшая, но злобная «кучка» горластых людей, в основе своей лиц еврейской и оживленной нации, начала сплошную приватизацию государственной собственности. Времена были «крутые», и многие честные люди, выступающие против так называемых «псевдодемократов», обученных и проплаченных в США, пострадали. Некоторых за те или иные дела даже стали преследовать по политическим убеждениям.

Как бы то ни было, внук, далекий от «большой» российской политики, рос и приносил радость как своим родителям, так и друзьям, и конечно же бабушкам и дедушкам.

Когда Валера начал учиться в школе, закончилась война в Афганистане. Наши войска, построенные в мирные колонны, были выведены с чужой территории и тепло встречены на Ро-

дине. Внук этого конечно уже не помнит — был еще слишком мал, но баловаться любил, как, впрочем, и все мальчишки этого возраста. Чтобы приучить ребенка к порядку и дисциплине, на семейном совете я предложил перевести его учиться в 3-ий Московский кадетский корпус налоговой полиции им. Александра Невского. Отмечу, что за год до своего зачисления Валерий, ходил на подготовительные курсы Первого московского кадетского казачьего корпуса. Там мальчишкам давали основы правил этикета и культуры поведения, предоставляли возможность стрелять в тире из мелкокалиберного оружия, развивали физически: зарядка, бег на дистанции и единоборства. Рассказывали им об истории кадетских казачьих корпусов, а также о только что окончившейся войне в Афганистане. Эти рассказы производили на ребят очень сильное впечатление, ведь воспитателями 1-го Кадетского казачьего корпуса были в основном офицеры, участники боев в этой войне. Мальчишкам нравилась форма наставников, а также их многочисленные ордена и медали, красовавшиеся на груди.

Несомненно, такое общение не могло не повлиять на формирование определенных взглядов у всех мальчишек, посещавших подготовительный курс для поступления в кадетский корпус.

Год прошел, можно сказать, пролетел совсем незаметно. Внук был всегда доволен занятиями и много интересного и полезного почерпнул из них. У него стал формироваться боевой дух и бойцовый характер, а ведь ему шел всего восьмой год. Думаю, очень неплохо для мальчика в период становления его характера и мужания иметь возможность общения с настоящими мужчинами, много испытавшими в своей жизни.

Однажды я встретился с полковником Ромайкиным, тоже участником афганской войны. Когда он узнал, что я офицер Главного разведывательного управления Генерального штаба

Вооруженных Сил РФ, все вопросы отпали сами собой. Уже на следующий день я привел Валерия в корпус, а еще через пару дней он надел красивую черную форму кадета. Внук очень гордился своим новым статусом.

Когда закончился карантин, родителям позволили посетить своих чад. Корпус находился недалеко от станции метро «Таганская», поэтому спустя 10 мин. мы уже подошли к главному входу. Вышел наш малыш в парадной форме: брюках, белой рубашке, черном кителе с погонами на плечах и черной фуражке с кокардой. Смотрелся он исключительно бравым, и было видно, что ему нравилось все происходящее.

Валерий стал хорошо учиться и служить Родине, своему Отечеству. Полковник Ромайкин оказался замечательным воспитателем, он умело находил общий язык со всеми принятыми малышами.

Проучился наш малыш в кадетском корпусе два года, закончил 4-ый класс, а дальше — видимо, не судьба... Кому-то из вышестоящего «псевдодемократического» начальства пришла в голову идея, которую даже глупой не назовешь. Проще назвать ее изуверской, а еще лучше — просто идиотской. Кто-то решил, что пришло время мирить русских мальчишек с чеченскими одноклассниками, потерявшими своих отцов и братьев в борьбе против российских войск. Между тем, военные столкновения в Чечне не прекращались, а становились все более угрожающими. Террористические акции стали осуществляться не только в городах Кавказа, но даже в Москве.

И вот чеченских мальчишек расселили в те комнаты, где уже жили и учились русские мальчишки, многие из которых также потеряли отцов и братьев в Чеченских конфликтах...

Как результат — ребята не смогли наладить мира и между ними стали довольно часто возникать различного рода столкновения, доходящие порой до ожесточенных драк. При этом

каждая сторона обвиняла другую в ведении боевых действий в Чечне. Малышам, ведь, невозможно было объяснить суть происходящего.

Так как наш внук Валерий был не из робкого десятка, то часто участвовал в подобных потасовках. Вот мы и решили взять и перевести его из 3-го Московского кадетского корпуса налоговой полиции в физико-математическую школу при Московском инженерно-физическом институте (МИФИ). Во-первых, этот институт окончили многие из нас, а во-вторых, незадолго до описываемых событий в МИФИ открыли новый факультет — медицинской компьютерной диагностики.

Однако, судьба распорядилась иначе. После окончания девяти классов наш внук сам, а может быть, под влиянием своей тети Ангелины, закончившей Московскую медицинскую академию, решил поступить в медицинский колледж. Сейчас он с большим удовольствием ходит на занятия, а в следующем году, после получения диплома, думает пойти на службу фельдшером в Российские Вооруженные Силы, чтобы отдать долг Родине, а также получить практический опыт медицинской деятельности.

После армии Валерий намерен поступать в Российскую государственную медицинскую академию (РГМУ). А после ее окончания — пройти практику в одном из зарубежных лечебных заведений. Его мечта — приносить весомую пользу своему Отечеству и миру в целом. Да, действительно благородная цель. Только хотелось бы, чтобы внук подружился с наукой, более детально изучил компьютерную диагностику и в научном направлении продолжил дело своего отца и деда, в тридцать с небольшим ставшего доктором наук, профессором, полковником, академиком. Его отец Николай Федосеевич тоже является доктором наук и профессором. У внука есть примеры для подражания. Тем более, что и его второй дед по линии мамы, тоже доктор физико-математических наук и профессор,

преподает в МИФИ и часто бывает в зарубежных командировках, совершенствуя свое мастерство и передавая опыт тем, кто нуждается в его консультациях.

Итак, наш дорогой внук Валерий, желаем тебе не лениться, учиться настойчиво и усердно и, так же как мы, избрать путь доктора наук и, конечно же, профессора. Очень уж не хочется, чтобы прерывались традиции нашей семьи, корни которой идут из Вятской таёжной деревеньки «Петухи».

38. ДВОЮРОДНЫЕ ДЯДИ И ТЕТИ

В семье моего отца было три брата — он сам, Федос, Федор и Филипп. К моему великому сожалению, об их судьбах я почти ничего не знаю. Как сложилась их жизнь, чем они занимались и каким образом покинули земной мир, только Богу известно, да, может быть, моей матери и старшей сестре Марии, брату Алексею, тетям Марии и Матрене. Но они уже давно окончили отведенную им Богом жизнь. Знаю одно — могилы отца и его братьев находятся рядом, недалеко от села Хмелевка Зуевского района Кировской области. Когда был еще жив мой средний брат Сергей, он привел место захоронения нашего отца Федоса в хорошее состояние: поставил памятную плиту, сварил железную ограду с дверцей, сколотил скамейку.

Буквально несколько лет назад я посетил могилу отца и обнаружил, что рядом с ней выросли большие деревья, на которых когда-то очень давно были вырезаны имена его братьев Федора и Филиппа. Эти надписи, когда-то показанные мне братом Сергеем, и сейчас еще можно различить.

Отец мой, Федос Савельевич Пушкарев, покоится на хмелевском кладбище с весны 1947 года. Его братьев тоже уже очень

давно нет в живых. Очень давно хочу узнать о них более подробно, но вот как-то все не получается. Неведомо мне и о том, были ли у отца сестры... О своих двоюродных братьях и сестрах от Федора и Филиппа я знаю очень мало. Кто-то из них погиб во время Великой Отечественной войны, кто-то уехал далеко за пределы родины, многие уже умерли. Жаль, конечно, что во времена Советского Союза как-то не принято было составлять и помнить свою родословную. Зато хорошо помню песню, которую пели и дети, и взрослые, «Все мы — дети Октября», т.е. Октябрьской революции 1917 года. Так нам внушали идеологию молодой страны Советов. Вдохновителями же этой идеологии, в основной своей массе были еврейские правители новой социалистической России, которые впоследствии, как и многие русские, сгинули в тюрьмах, на каторгах, в ГУЛАГе. Они нам принесли революцию и от революции сами же погибли. Наверное, это и есть наказание Божье за их дерзкую услугу русскому народу, который теперь живет без роду, без племени, без памяти о своих прадедах и дедах...

У моей матери Анны были две сестры — Мария и Матрена и два брата — Семен и Николай.

И Мария и Матрена были многодетными. У Марии было десять сыновей и дочерей: старший Леонид, затем Петр, Михаил, Руслан, Игорь, Вячеслав, Валентина, Людмила и др. К своему стыду, остальных я уже запамятовал. По-разному сложилась их жизнь. Почти все сыновья отслужили в армии или на флоте, женились, вырастили детей, а теперь растят и внуков. Об их внуках я знаю очень мало: жизнь почти весь Вятский край, многих его жителей, не от хорошего житья-бытья, разбросала по всему бывшему Советскому Союзу. Кто-то уехал в Сибирь, кто-то на Дальний Восток, а кто-то на Украину, в Крым. Часть из них все же осталась на родной земле, живет, трудится и навещает могилы своих близких.

У тети Матрены тоже было много детей: старший сын Егор, погибший на войне против фашистов, дочь Анна, умершая в молодом возрасте, сын Борис, он, слава Богу, здравствует до сих пор, сын Николай, который погиб, защищая друга от пьяной толпы, сын Вениамин, трагически погибший (попытался вернуть долг, а его заперли в сарае, который облили керосином и подожгли), дочь Галина, она сегодня проживает в городе Кирове, недалеко от своей малой родины, дочь Валентина, также трагически погибшая (мой родной брат Сергей решил покатать ее на мотоцикле, упав, она ударилась о дерево и, не приходя в сознание, умерла. Ей в ту пору было около 25 лет). У всех у них остались дети, однако судьбы большинства из них мне отследить не удалось. А жаль.

Что касается братьев моей мамы, Семена и Николая, то я точно знаю, что они жили, трудились и умерли своей смертью. А вот где похоронены, как сложилась жизнь их детей, мне также неизвестно. Думаю, что кто-то живет в Кирове, кто-то в Зуевке, может, в ближайших селах и деревнях.

К моему стыду, когда были еще живы мать, тети, старшие сестры и братья, в том числе двоюродные, я не удосужился расспросить их более подробно об истории нашей семьи. Да и время было такое — побаивались люди раскрывать некоторые факты своей биографии. За время учебы в школе, училище, а затем и в институте мне не пришлось писать сочинение на тему: «Кто ваши родители, близкие, друзья?». Но если бы такая тема была предложена, лейтмотивом было бы одно — мы дети Октября.

Мир для меня и летоисчисление моей страны начиналось только с октября 1917 года.

Буквально несколько строк хотел бы написать о моих внучатых племянниках и племянницах. У старшей сестры Марии растут четверо внуков и одна внучка. Старший внук Стас уже стал отцом, хотя имени его сына к своему стыду я не знаю. А

мог бы, ведь они живут в Москве. Внучка Марии тоже вышла замуж, но детей пока не имеет.

Что касается средней сестры, Таисии, то у нее две внучки — Алена и Настя и внук Иван. Алена окончила медицинское училище и работает в одной из больниц Екатеринбурга. Настя и Иван еще учатся в колледже.

У брата Сергея растет внук тоже Сергей, который окончил Кировский механико-технологический техникум и Кировский государственный политехнический университет. Тот же техникум когда-то закончил его двоюродный дядя Вениамин (сын моей тети Матрены). Также у брата Сергея растет второй внук Андрей, который является сыном Леонида, сына брата Сергея. Андрей живет в Москве и учится в Московском государственном авиационно-технологическом университете (МАТИ).

У моей сестры-двойняшки Елены растут два внука. Старший Алеша сейчас учится в Московском государственном университете электроники и математики (МИЭМ). Младший внук Саша, которому всего семь лет, уже сейчас проявляет незаурядные способности — шустрый и деловой мальчуган, далеко пойдет..

Хочется пожелать им всем, молодым, еще не вступившим во взрослую жизнь, удачи и благоволения судьбы. Пусть им повезет больше, чем нашему поколению. Видимо, в этом и заключена сермяжная правда жизни, а выражаясь философски — диалектика. Все в этом мире развивается, развиваются и наши дети.

Дай им всем Бог счастья, любви и конечно же отличного здоровья.

40. ВЕЛИЧИЕ И ПАДЕНИЕ МОЕЙ МАЛОЙ РОДИНЫ

Много лет назад, когда Б. Ельцин и К° разваливали Великую страну – СССР, я купил в Кировской (Вятской) области небольшой домик, расположенный в таежном бору, вблизи реки Чепца, что впадает в Вятку. Это было начало 90-х. Тогда же, во многом благодаря моим стараниям, был организован и проведен Международный русский сбор (г. Киров, 1993 г.). Правда, в печатных документах его почему-то назвали «Конгресс соотечественников». Видимо, многим в те годы снился Конгресс Соединенных Штатов Америки, который, кстати, и приложил максимум идеологических и финансовых усилий к процессу развала СССР и переходу к так называемым «рыночным отношениям». Сделали «псевдодемократы» Ельцина всю эту перестройку грубо, без Царя в голове, и народ в одночасье лишился всего, что имел и что нажил в течение своей жизни. Даже накопления на сберкнижках сразу обесценились. По всей великой России прошли забастовки, митинги, акции протеста. А тем временем Б.Ельцин умело скрывался: то «падал» с какого-то моста, якобы его выкинули; то пьяным дирижировал в Германии немецким сводным оркестром; то прямо под колесами самолета мочился перед вылетом из Англии. А чаще всего лежал в больницах, и дела ему не было до России и других республик уже бывшего Советского Союза.

Как бы то ни было, Бог все видит. Господь вовремя принял первого российского президента в Свои Владения. Царства небесного ему народ не пожелает, по православному обычаю пусть спит спокойно вечным сном.

В одной из своих книг: «ГРУ: вымыслы и реальность» (М., Яуза, 2004 г.) я уже писал о том, что не пришло еще время давать оценку этому бездарному человеку. Историки лишь спус-

тя десятилетия поднимут архивы и напишут ту правду, которую он заслужил всем своим непутевым правлением.

Однако, пусть читатель не думает, что я сожалею о развале СССР. Нет, хотя в том государстве было много того, что сегодняшним «псевдодемократам» даже во сне не приснится: бесплатные детские ясли и сады, бесплатное среднее, профессиональное и высшее образование, в том числе аспирантура и докторантура. Ежегодно в СССР защищалось тысячи кандидатских и тысячи докторских диссертаций. И по всем приоритетным научным направлениям мы были, что называется, впереди планеты всей. Была бесплатная медицина и масса социальных услуг. В каждом доме росли детишки, впоследствии достигавшие завидных высот. Они становились космонавтами, учеными, строителями, писателями и пр. А что мы видим сегодня?

А видим мы повсеместно картину преобладания «псевдодемократов» в России и массу беспризорных детей, бродяжничество взрослых здоровых людей, алкоголизм, наркоманию, проституцию, в том числе и детскую, наличие интим-салонов и массажных кабинетов, в которых предоставляются сексуальные услуги так называемым VIP-персонам. Так, телепередача сообщала, что в центре Москвы, ул.Остоженка, 26/1, в архитектурном особняке, выкупленном в частное владение, этот вид бизнеса существует почти в открытую. Милиция уже пять раз прикрывала этот «богоугодный» бордель, но все тщетно. Кто-то указом свыше вновь и вновь открывает сие заведение. Услуги там недешевые, клиент из группы риска – VIP-персона сутенеру платит от 100 до 500 долларов за один час с одной проститутки. А если учесть, что за сутки она может без особой «натуги» обслуживать до 10 человек? Одна проститутка в сутки может приносить прибыль главному сутенеру-хозяину до 5000 долларов. А если их там не одна сотня? Тогда становится понятно, почему владельцы идут на все, чтобы «продлить свой бизнес» на проститутках и VIP-персонах.

Так почему бы не принять соответствующие законы, жестко карающие и одну и другую стороны. Почему мы, славянская православная нация (свыше 80% признают себя русскими и православными) должны такое терпеть и позволять государственным чиновникам закрывать глаза на это безобразие. Ведь народ тем временем катастрофически вымирает, коррупция во всех эшелонах власти достигает небывалых размеров.

У меня сложилось следующее представление о ситуации: милиция раскрывает, а следователи расследуют важные коррумпированные дела. Прокуроры соглашаются и передают «дела» в «демократический» суд. Вот там-то, в суде, и рассыпаются все труды милиции, ФСБ, следователей, прокуратуры, адвокатуры и других лиц, причастных к подобным явлениям.

Однажды судьба меня свела с одним замечательным юристом, занимающимся особо важными коррумпированными делами. И вот что он рассказал в откровенной беседе: у нас в стране милиция практически вся продажная, следователи — более чем на половину, а о судах и говорить нет смысла.

Я его слова могу подтвердить, потому что за изложенное в книге личное мнение на меня было заведено уголовное дело. К нему имели непосредственное отношение военная контрразведка, Главное разведывательное управление (ГРУ) Генштаба ВС РФ, Следственное управление ФСБ, Российская прокуратура и Московский городской суд. Меня эти уважаемые «органы» прессовали и так, и этак. В конечном счете, ничего не обнаружив, даже не извинились, закрыли дело, а за моральный ущерб Лубянка по почте мне выслала не то 40, не то 50 тысяч рублей. И хотя у меня была решимость подать в суд на эти «органы», результат этого шага был вполне предсказуем. Либо мне подсунут в карман наркотики, либо случайно кто-то застрелит меня в темном переулке, а потом скажут, «что так и было».

И вот я, находясь в своем уютном домике на берегу таежной реки Чепцы, пишу эти строки. Растопил русскую печку. Мне тепло, сижу один за столом и размышляю.

Почему проститутке платят за один час 500 долларов, как и доктору наук большинства вузов, если повезет, за один месяц платят те же 500 долларов. Вот вам и заявленные Президентом РФ в национальных программах инновационные бизнес-проекты и нанотехнологии. Возможно, государство и выполнит принятые на себя обязательства, но вернее всего это произойдет за счет миграции в Россию китайских, корейских, японских, индийских ученых и специалистов. А где же русские ученые? Они почти все ушли в так называемый «торговый бизнес». В вузах остались только те, кто еще предан науке, а также те, кто где-то и как-то сумел купить диплом кандидата или доктора наук. К тому же, находясь в русском вузе, самозваные ученые зачастую очень слабо говорят по-русски. Вот вам и результат: грамотные студенты пошли в бухгалтеры, экономисты, финансисты, юристы, журналисты, телеведущие и прочее.

А кто же будет пахать землю-матушку, восстанавливать промышленность, строить заводы по нанотехнологиям. Кто будет выпускать современные самолеты, корабли, танки, ракеты и т.д. Кто?

Пишу я эти строки еще и потому, что захотелось поделиться впечатлениями от недавней поездки в Вятку. Прибыв поездом в Киров, следующие 100 км я проехал на автомобиле со знакомым водителем. Путь нам предстоял по так называемой автостраде. Я даже не нахожу слов, чтобы описать увиденное. Практически вся дорога разбита. Ямы и колдобины превратили ее в решето, будто, 50 лет как минимум, ее не ремонтировали. Ладно, это полбеды. Дороги в России — черта национальная. Посетил я ряд некогда процветающих сел. Деревень уже не осталось. До чего же обидно. Все они заросли бурьяном. Только изредка встречаешь в поле до

2-х десятков коз и бабулю, которая их сторожит. Если в селе, где я когда-то учился в начальных классах, в поле раньше выходило до 1000 человек, то сегодня — не более 10–15. Спрашиваю, где остальные. Мне показывают в поле. Смотрю, там без конца и края стоят березовые православные кресты. Умерли значит. Люди уходят в основном от «паленого» алкоголя, который специально в свое время завозили на русские земли так называемые представители «кавказской» нации, короче говоря, чеченцы, азербайджанцы и другие наши братские народы, они не нарушали законов, так как производство и реализация алкоголя была передана в частные руки. Они всего лишь воспользовались этим правом. Сами не пьют, а русских можно вполне спаивать паленой дешевой водкой, отчего и мрет русский человек, будь это мужчина, женщина или ребенок.

И вот беда. Когда Чубайс осуществлял приватизацию, то раздал всем чеки, заявляя, что каждый из них стоит не менее чем две советские «Волги». Эти «бумажки» были скуплены ловкими кавказскими и другими дельцами у населения, большей частью за бесценок. Так они стали арендаторами русской земли в десятки, а иногда и в сотни тысяч гектар. А потом эту же землю «умельцы» стали сдавать в аренду тем, у кого ее купили, и два раза в год стали собирать «калым» с тех, кто что-то народил на этой земле. А если арендатор оказывался неплатежеспособным, «хозяева» требовали с того откуп его малолетними дочками, которых на глазах родителей и растлевали...

Мой домик находится рядом с оздоровительным детским лагерем. Ребята отдыхают в нем очень добрые, честные, открытые, любопытные, по-детски наивные. Не единожды они приходили ко мне в гости, чтобы поспрашивать о том, что их интересует. Прежде чем начать беседу, я им сказал, что говорить буду только со старшими группами и обязательно в присутствии вожатых. Мы расположились на скамейках среди со-

нового бора. Я отвечал на их детские вопросы: есть ли снежный человек, кто такие парнокопытные, существует ли «пиковая дама». А потом задал им свои вопросы. Первое, что я спросил, — кем бы они хотели стать, когда вырастут (им на тот момент было 14–15 лет). И каково же было мое удивление, когда почти никто из них, не сумел ответить. Только одна девочка робко сказала, что хочет быть актрисой. Все остальные еще не определились. Просто поразительно.

Разговаривая с ними, я вспомнил себя. Когда мне было 12–13 лет, я уже точно знал, что хочу быть моряком. И несмотря на то, что жил в деревне, в 14 лет уехал на Кавказ и поступил в Батумское мореходное училище, которое с успехом окончил. Моя мечта сбылась. Я стал моряком, побывав в не менее чем 30 странах мира.

Пришли другие времена, и теперь дети все реже задумываются о своей дальнейшей судьбе. Наверно, это связано с недостатком воспитания в семье, школе, оздоровительных лагерях. Что же с нами происходит? Почему мы не хотим достойного будущего своим детям? Почему учебные программы не способствуют развития мышления, почему родители не подводят детей к принятию важных решений, в выборе профессии например? Почему в школах отсутствует нравственное воспитание?

Дети убежали на речку, им неинтересно было обсуждать эту тему. Разговор продолжили пионервожатые. Они сказали, что дети сегодня все какие-то аморфные, знают все о том, где и что продают, сколько стоит, соответственно видят себя в будущем лишь работниками торговли. Вот и весь сказ.

Оказалось, что в районном городке, это в 10 км от оздоровительного лагеря, появились детские социальные приюты. Туда берут детей, родители которых умерли или лишены родительских прав, а также так называемых отказников. Вот во что превращается русская глубинка.

Прогноз мирового сообщества о том, что в России должно остаться не более 50 млн. русских, вполне может оправдаться. Если до недавнего времени в упоминаемом мной районном городке было пять средних школ, железнодорожное училище и несколько ПТУ, то сейчас осталось лишь две школы. В одной обучают только с 1 по 6 класс, а во второй – с 6 по 11. Такова правда жизни, ничего не попишешь, наше «многоуважаемое» правительство увещевает посредством СМИ, что инфляция падает, экономика ежегодно растет, что Россия стала могучей страной и даже может диктовать свою волю другим.

Можно ли в это поверить, если страна выпускает два самолета, два танка и один корабль в год, да и то продает их Китаю, Индии или другой стране, лишь бы рассчитаться с долгом по зарплате рабочим. Вот парадокс, с которым столкнулась Россия. Не Москва, не Санкт-Петербург, не Нижний Новгород, а вся Россия с ее глубиной, ее селом. Во все времена российское село «подпитывало» наше Отечество и учеными, и военными и врачами и т.д.

Чего греха таить, некогда русские земли заселяют сегодня «мигранты» – люди с другой культурой, традициями, обрядами, другим менталитетом. А если они и дальше будут вытеснять русских с их исконных территорий, что же тогда будет?

А будет то, что сейчас происходит в Германии, Франции, Испании и даже Англии, где арабы уже диктуют властям свои условия, где «мигранты» не только грозят терактами, но и осуществляют их. А ведь в свое время им дали гражданство, в надежде, что они адаптируются к новым условиям и успешно ассимилируют в них.

Все мы слишком разные и терпеть друг друга не каждый может. К тому же большинство мигрантов занимают, как правило, низкооплачиваемые рабочие места, у них нет выбора. А русский волен выбирать, он не терпит унижения со стороны

работодателя, ищет возможности реализовать свой творческий потенциал за достойную зарплату, но не тут-то было... не берут, лучше «дешевый» мигрант, чем русский. У людей не нашедших работу, опускаются руки, возникают проблемы в семье, с детьми. В целом, это не лучшим образом влияет на социальную атмосферу в стране.

Но я верю, что когда-нибудь придет осознание русским народом своей грустной и печальной доли, и тогда он вполне может подняться на беспощадный и, увы, бессмысленный бунт. За многие прошедшие столетия такие бунты были. Вспомнить хотя бы Степана Разина, Емельяна Пугачева, Ивана Болотникова и многих других.

Хочется верить, что руководство страны пересмотрят этот вопрос и впредь будет проводить политику, направленную на интересы как основного, многочисленного русского народа, так и всех других коренных малых народов нашей необъятной и пока еще великой Родины, веками проживающих вместе с русскими.

Кроме того хочется верить, что государственные чиновники достаточно исполняют требования Указа Президента РФ № 637 от 22.06.2006 г. «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». И тогда в Россию вернуться все наши братские народы, включая русских, татар, удмуртов, калмыков и др.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга, которую прочтет читатель и особенно близкие мне по крови и духу люди, написана правдиво и без каких-либо прикрас и преувеличений. Я попытался раскрыть в ней свой взгляд на жизнь, свои переживания, охарактеризовать лиц, с которыми мне пришлось встретиться за прожитые годы. На мой взгляд, более чем честно рассказал о своих взлетах и падениях, связанных с морской службой, потому что море и друзья-моряки оставили неизгладимый след в моей довольно бурной судьбе.

Другую сторону своей жизни — военная разведка — я описал в книге «ГРУ: вымыслы и реальность: специальная служба военной разведки» (2004 г.). Честно скажу, интересная получилась вещь. Любой читатель в состоянии ее найти и прочитать. Есть она и в свободном доступе в глобальной сети «Интернет» на сайте: www.general-pautina.ru.

О третьем направлении моих жизненных интересов я рассказал в книге «Крутые повороты моей судьбы» (2003 г.), где описал свою профессиональную жизнь в сфере образования.

Но осталось еще не охваченное писательским трудом значительное направление моей деятельности — общественное, которым я занимался практически всю сознательную жизнь. Полагаю, что придет время и я сумею написать такую книгу, в которой отразятся все грани моего видения социального устройства России и моя гражданская позиция*.

Что же касается моих политических взглядов, то мною подготовлена к изданию книга «Россия накануне русского бунта». К сожалению, ни одно издательство «не хочет» принять ее в работу. Вот вам и ответ на вопрос: «Есть ли в России свобода слова и свобода печати». Мое мнение таково: нет и, видимо, не скоро появится. На эту свободу «положил крест» принятый Государственной думой Федеральный закон «Об экстремизме». И всё кем-то когда-то написанное вполне может кому-то не понравиться. Тогда начнутся следствия, прокурорская работа и в свои права вступит «справедливый» и «независимый» российский суд.

Автор книги воспоминаний прекрасно понимает, что кому-то её содержание придётся не по нраву. В этом я ничего плохого не вижу, ибо каждый понимает жизнь в меру «своей испорченности». И это нормально. Излагать и печатать свои мысли мне предоставила Конституция РФ, в которой написаны такие слова: «Свобода слова и свобода печати». Вот я и воспользовался, а что получилось читатель прочтёт и осмыслит...

* К её написанию я уже приступил, она называется так: «Размышления русского профессора о современной России». Полагаю, что к концу года она будет размещена в Интернете, так как уверен, ни одно «псевдодемократическое» издательство её не возьмёт. Личным опытом уже доказано...

Литературно-художественное издание

Николай Пушкарёв

**ВЯТКА, МОЯ МАЛАЯ РОДИНА:
деревенька «ПЕТУХИ»**

Воспоминания

Подписано в печать 05.09.2009.
Формат бумаги 60х90 ¹/₁₆. Гарнитура «Ньютон».
Объем 15,75 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.